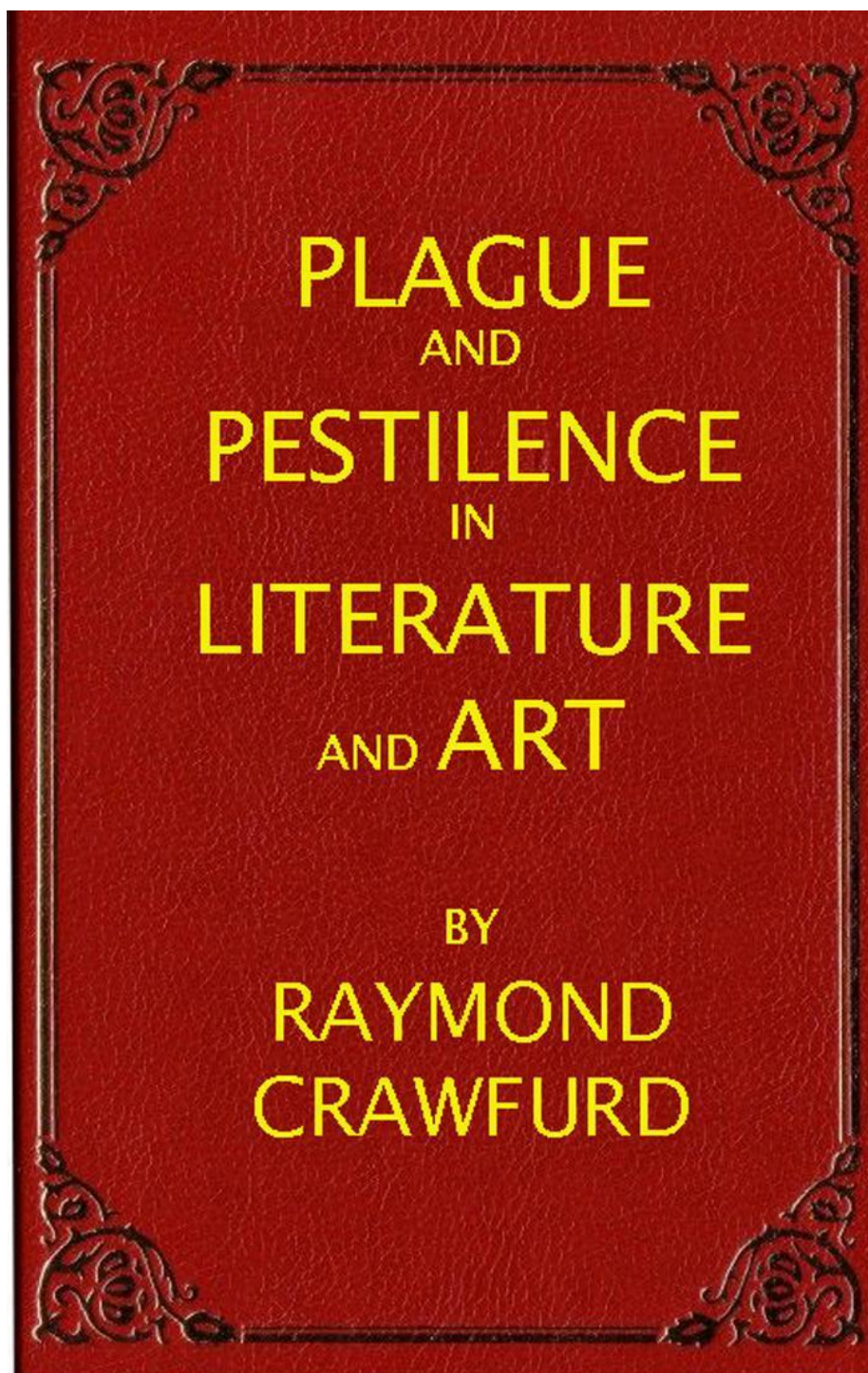


Чума и мор в литературе и искусстве

Сэр Рэймонд Генри Пейн Кроуферд



Электронная книга проекта Гутенберга о чуме и море в литературе и искусстве

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Чума и мор в литературе и искусстве

Автор: Сэр Рэймонд Генри Пейн Кроуферд

Дата выхода: 13 февраля 2021 [Электронная книга № 64547]

Последнее обновление: 18 октября 2024

Язык: Английский

Благодарности: Спасибо Тургуту Динсеру, Полу Маршаллу и всей команде корректоров DP.

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЧУМА И МОР В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ" ***

ЧУМА И МОР В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЛОНДОН ЭДИНБУРГ ГЛАЗГО НЬЮ - ЙОРК
ТОРОНТО МЕЛЬБУРН БОМБЕЙ

ХАМФРИ МИЛФОРД, магистр медицины

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ИЗДАТЕЛЬ

ФРОНТИСПИС



Святой СЕБАСТЬЯН. КЛЯНУСЬ СОДОМОЙ

ЧУМА И МОР В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

АВТОР : РЭЙМОНД КРОУФОРД

Магистр медицины, доктор медицины ОКСОНА, ЧЛЕН КОРОЛЕВСКОГО КОЛЛЕДЖА В ЛОНДОНЕ

.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот том в значительной степени представляет лекции Фицпатрика, которые я имел честь читать в Королевском колледже врачей в 1912 году. Первоначально я намеревался сделать не что иное, как собрать воедино в сжатом виде различные памятники и напоминания о Чуме, с которыми я встречался в своих странствиях по стране и за границей, а также при моих случайных вторжениях в общую литературу. Незаметно желание понять вытеснило желание просто записывать, а желание объяснить вытеснило стремление понять. Я обратил свое внимание, насколько это было практически возможно, только на литературные и художественные ассоциации, связанные с Мором, но они неизбежно вышли за рамки истории и медицинской науки. Последняя территория была захвачена лишь в той мере, в какой это было необходимо для обеспечения правильной ориентации в расследовании. Я счел разумным опустить занавес в конце восемнадцатого века, предоставив моим читателям самим решать, какие пережитки менталитета далеких веков сохранились в этом двадцатом. Небольшое размышление над этим послужит самым полезным уроком для всех нас.

Январь 1914 года.

СПИСОК ТАБЛИЧЕК

Святой Себастьян. Автор: Содома,
Лист I:

Фронтиспис

	Аполлон с луком и мышью. Бронзовая монета		
	Александрия Троадская. ок. 250 г. до н.э. × 2.		
	Асклепий со Змеем. Бронзовая монета из Пергама.		
	Время Антонина Пия. × 2.		
	Змей и галера. Медальон. Время Антонина Пия.		
	Пешт-талер, отчеканенный в Виттенберге в 1528 году н.э.		
	Христос на Кресте.		
	Медный змей	Лицом к лицу, стр.	4
, Лист II.	Ашдодская чума. Н. Пуссен	К лицевой стороне стр.	18
, Лист III.	Чума Давида. П. Миньяр	Лицом к стр.	19
, Фото IV.	Григорий и Ангел	Лицом к лицу, стр.	93

Лист V.	Фреска в Сан-Пьетро-ин-Винколи, Рим	<i>Лицом к лицу, стр.</i>	95
Лист VI.	La Peste à Rome. Автор: Делоне	<i>Лицом к стр.</i>	96
, Фото VII.	Себастьян как Защитник от Мора. Беноццо Гоццоли	<i>К странице VIII стр.</i>	99
.	Знамя Себастьянской чумы в Содоме (реверс). СС. Рох и Сигизмунд, а также братья Компаньи ди Сан Себастьяно	<i>Перед лицом стр.</i>	100
Фото IX.	Братья Марк, Себастьян, Рох, Косма и Дамиан. Тициан	<i>К лицевой стороне стр.</i>	102
Тарелки X. , Фото XI.	С. Роч. Амброджо Боргоньоне За С. Рохом ухаживает Ангел. Автор: Никлаус Мануэль.	<i>К лицу, стр.</i>	108
	Изображение заступнической чумы	<i>К лицевой стороне стр.</i>	109
Лист XII.	Мадонна с Младенцем, святая Анна и святые. Дж. Франческо Карото	<i>К лицевой стороне стр.</i>	110
Фото XIII.	Танец смерти, в Базеле	<i>Лицом к лицу, стр.</i>	135
, Фото XIV.	Madonna della Misericordia. Бонфигли	<i>К лицевой стороне стр.</i>	138
, Лист XV.	Madonna del Soccorso. Синибальдо Иби	<i>Лицом к лицу, стр.</i>	138
, Фото XVI. , XVII.	Знамя чумы. Христос и Святые. Бонфигли Пешт-Блаттер: 1. Всемогуший с СС. Себастьяном и Рохом. 2. Всемогуший, Мадонна и Просители.	<i>Лицом к стр.</i>	139
	Богородица с Младенцем, Святая Анна и просители	<i>лицом к лицу стр.</i>	142
Лист XVIII. , Фотография XIX.	Дева Импрунета С. Текла освобождает Эсте от чумы.	<i>Лицом к лицу, стр.</i>	146
	Джованни Баттиста Тьеполо	<i>К лицевой стороне стр.</i>	147
Фото XX.	Чума. Рисунок Рафаэля	<i>К лицевой стороне стр.</i>	148
Лист XXI.	Процессия к Сан-Мария-делла-Салюте, Венеция. С гравюры семнадцатого века	<i>К лицевой стороне стр.</i>	172
, Лист XXII. , XXIII.	Карло Борромео. Автор: Аннибале Карраччи, Борромео возглавляет Чумную процессию. Пьетро да Кортонна	<i>Лицом к лицу, стр.</i> <i>К лицевой стороне</i>	173 174

		стр.	
, Фото XXIV.	Борромео ходатайствует за больных чумой. П. Пьюджет. Мраморный барельеф	К лицевой стороне стр.	175
, Плита XXV.	Пытки и казнь Помазанников	Лицом к лицу, стр.	179
, Таблица XXVI.	Неаполитанская чума, 1656 год. Микко Спадара	К лицевой стороне стр.	184
, Фото XXVII.	Сцены чумы в Риме, 1656 год. Со старой гравюры	На лицевой стороне стр.	186
, Табличка XXVIII:	1. Платье марсельского врача, 1720 год. 2. Немецкая карикатура на то же самое	изображение на стр.	200
, XXIX.	Чума Марсельская. Франсуа Жерар	Лицом к лицу, стр.	206
, Фото XXX.	La Peste dans la Ville de Marseille en 1720. Дж. Ф. де Трой	Лицом к лицу, стр.	207
, XXXI.	Les Pestiférés de Jaffa. Барон Грос	Лицом к лицу, стр.	208

ГЛАВА I

Разрозненные литературные источники представляют собой ценный, но забытый вклад в изучение эпидемического мора. Они показывают нам, что чума - это дело разума, в то время как медицинская литература показывает ее как дело тела. Они преподают нам также унижительный урок о том, что, несмотря на прогресс цивилизации, несмотря на очевидный рост человечества, несмотря на развитие и распространение научных знаний, человеческая природа снова и снова возвращалась к примитивным инстинктам дикости перед лицом сокрушительного бедствия эпидемии мора. Поверхностному изучающему психологию может быть трудно поверить, что еще в 1630 году в Милане, в 1656 году в Неаполе, в 1771 году в Москве жажда крови обезумевшего населения искала и нашла успокоительное в оргии человеческих жертвоприношений. Но так оно и было. И в этом инстинкте человеческого разума искать ключ ко многому в записях литературы и искусства, что в остальном совершенно бессмысленно. Это мрачная глава истории, которая лежит перед нами, но, возможно, мы найдем здесь и там какой-нибудь духовный Вефиль, воздвигнутый из твердых камней, на которые страждущее человечество положило свою усталую голову.

Разум первобытного человека не представляет себе власти над природой выше, чем его собственная: таково и его отношение к болезни. Он видит в болезни лишь некую злую магию, применяемую человеком к человеку. Уроженец Австралии верит, что нападавший передает болезнь, направляя какой-либо предмет на свою жертву, которая, в свою очередь, прибегает к магии, чтобы освободиться от болезни. На Новых Гебридах до сих пор сохраняется представление о том, что агрессор стреляет каким-то зачарованным веществом в жертву с помощью лука и стрел. Медицина еще не возникла из магии. Человеческий разум, переходя к более высоким стадиям просветления, не отказывается полностью от своих

примитивных верований: об этом мы находим многочисленные свидетельства в ранних записях о чуме. В "казнях фараона" обратите внимание на важность действий руками: вытягивание жезла, посыпание прахом, посыпание пеплом. Опять же, когда филистимляне Ашдода просят избавления от чумы, прорицатели повелевают им сделать изображения своих изумрудов, или опухолей. Это грубая магия — имитационная магия, суть которой заключается в том, что имитируя ее, можно добиться любого эффекта. Это дух, с которым дикарь разбрызгивает воду, когда хочет, чтобы пошел дождь.

По мере того, как человек осознает свое собственное бессилие, он начинает искать причину и лекарство от своей болезни не только в себе; но человеческая свобода действий по-прежнему ограничивает весь его кругозор. Он смотрит на тех, кто больше всего похож на него по своей природе, на нетленные души его собственных усопших. Их призраки, облеченные телесной формой, нуждаются в подношениях еды и питья и в смиренной молитве. Пренебрежение ими вознаграждается насыланием болезней и смерти. Этот культ преобладал в религии молодого Рима и в греческом поклонении существам подземного мира (χθόνιοι), и его можно встретить сегодня в Океании. Такой обожествленный дух умершего мог оказывать свое влияние во снах на тех, кто спал в его жилище. Таков зародыш ритуала вынашивания полубога Асклепия, который открыл средства от болезней и был призван для избавления от мора. Страбон говорит, что Трикка в Фессалии была старейшим святилищем Асклепия, который был обожествленным предком Флегий и Миний, правящей семьи Трикки.

С появлением идеи отделяемой души пришла вера в принятие ею после смерти животных форм, и главный из них - таинственный обитающий на земле змей, извергающий чуму своим колючим языком. Ассоциация змеи с болезнями и мором широко распространена во всем мире. Веды изобилуют ею: классическая и христианская литература и искусство полны ею. Мы находим это у Овидия, [1] у Григория Турского, [2] у Павла Диакона, [3] и у многих других авторов. Книга Чисел также (xxi. 6 и далее) сохраняет этот образ мора: "И послал Господь огненных змей среди народа, и они ужалили народ; и погибло много народа Израилева. Поэтому народ пришел к Моисею и сказал: мы согрешили, ибо мы говорили против Господа и против тебя; молись Господу, чтобы он отвел от нас змей. И Моисей помолился за народ. И сказал Господь Моисею: сделай себе огненного змея и насади его на шест; и будет так, что всякий укушенный, когда он посмотрит на него, будет жить. И сделал Моисей змея из меди и насадил его на шест, и было так, что если бы змей укусил кого-нибудь из людей, то, увидев медного змея, он остался бы жив'. Имитативная магия — исцеление подобного подобным — по-прежнему остается оружием, с помощью которого Моисей противостоит эпидемии.

В Фернандо По, [4] когда среди детей вспыхивает эпидемия, принято вешать змеиную шкуру на шест посреди общественной площади, и матери приносят своих младенцев потрогать ее. На Мадагаскаре Сибри [5] обнаружил, что Рамахавали, бог исцеления, также был покровителем змей и мог использовать их в качестве возбудителей своего гнева. Во многих частях Индии также принято делать змею из глины или металла и приносить ей жертвы от имени страдальца. [6] Также говорят, что Аполлоний Тианский освободил Антиохию от скорпионов, сделав бронзовое изображение скорпиона и похоронив его под небольшой колонной в центре города. Таким образом, змей обладает силой не только вызывать чуму, но и предотвращать ее.

От этих духов нижнего мира, людей или животных по форме, это короткий переход к концепции сверхъестественных существ над землей, но все еще в человеческом облике и все еще с человеческими атрибутами. Таковы Аполлон, Асклепий и Рудра. Следы эволюции этих божеств обычно можно найти в атрибутах, которыми они были наделены в более

поздней литературе и искусстве. Обычный символ Асклепия - змея, обвившаяся вокруг посоха. В его храмах хранились священные змеи, [7] и претенденты на исцеление кормили их пирожными. [8] Исцеления часто производились в святилищах Асклепия змеями, выползающими наружу и зализывающими раны пациентов. Богочеловек, наконец, вытесняет змея, но консервативное религиозное чувство сохраняет старый объект поклонения как символ и ассоциацию с новым. В греческой легенде это змей, у которого Асклепий учится искусству врачевания: правда, Гомер делает Хирона своим учителем. Сохранилось множество других легенд о змеином происхождении медицины. Говорят, что Полииндус-провидец изучил травы, которые могут возвращать людей к жизни, наблюдая, как змеи воскрешали своих мертвецов к жизни. В Кашемире [9] потомки племен нага (змей) приписывают свое особое умение в целительстве знаниям, дарованным их предкам змеями: а кельты приобрели свои медицинские знания, выпив змеиный отвар. Как с Асклепием, так и с Аполлоном мы увидим то же самое. Аполлон действительно убивает Питона, убивающего людей, и сам становится также насылателем мора. Он не только поражает болезнью творящего зло, но и отвращает его от праведных. Его стрелы рассеивают чуму; но он также лучший из врачей. Таков Аполлон из *Илиады*.

ТАБЛИЧКА I (лицевая страница 4)



Аполлон с луком и Мышью Асклепий со Змеем

Змей и Галера

Христос на кресте

Медный Змей

ГИПЕРССЫЛКА [\[10\]](#) престарелый жрец Хрис, призывая Аполлона отомстить за изнасилование его дочери, называет его Богом Серебряного лука (Ἀργυρότοξος). Аполлон слышит его молитву, и

Спускался он с высот Олимпа, сердце его пылало гневом; за плечами у него висели лук и вместительный колчан; за спиной его гремели роковые стрелы, когда он двигался; Подобно ночной туче, он пролетал мимо; и издалека Он наклонился к кораблям и пустил стрелу; И свирепо и смертоносно звенел серебряный лук: Первыми на мулов и собак, последними на людей, Обрушилась пронзительная буря; и по лагерю, Постоянному и многочисленному, пылали погребальные костры. Девять дней небесный Лучник обрушивал на войска свои страшные стрелы. [11]

Изображение Гомером Аполлона-лучника вдохновило по крайней мере на создание одного из шедевров греко-римской скульптуры. Аполлон-Мститель насылает мор в наказание за грех. Гомер ставит это как знаковое свидетельство божественного недовольства во главу угла своего эпоса, как и Софокл вслед за ним в величайшей из своих трагедий. Аполлон изображается как бог, распространяющий чуму стрелами, выпущенными из его лука. Он обрушивается стремительным натиском, подобно внезапному наступлению ночи в средиземноморских землях, как "мор, который ходит во тьме" и "стрела, летящая днем". Чума сначала носит эпизоотический характер, поражая мулов и собак, затем является эпидемией среди греческих хозяев. Созывается совет, и Ахилл советует позвать какого-нибудь пророка или священника, чтобы сказать, какими умиловительными жертвами пренебрегли:

Если за забытые гекатомбы или молитвы Он обвиняет нас, или если жир ягнят и козлят Может смягчить его гнев и избавить от чумы.

Провидец Калхас показывает им, что это послано скорее как наказание за вопиющий грех, грех Агамемнона, похитившего Хрисенду. Не из-за пренебрежения ни почетными жертвоприношениями, ни из-за пренебрежения молитвами на них обрушилась эпидемия. Хрисенду нужно отослать обратно и искупить вину перед Аполлоном жертвоприношениями после того, как все воинство очистится в вдвойне очищающей морской воде. Итак, Хрисенду отправляют обратно и

Затем по лагерю было объявлено Об очищении войска; и в море, Послушные слову, они очистились; Затем в честь Аполлона были совершены торжественные обряды С безупречными гекатомбами быков и козлов На краю водной пустоши; И, окутанный дымом, аромат поднялся до небес.

Таким образом, они приносят жертву во искупление грехов, а омовения проводятся для торжественного очищения народа. Затем, когда чума прекратится, но не раньше, они могут присоединиться к радостному евхаристическому пиршеству с мясными приношениями и возлияниями красного вина, когда все собравшиеся принимают его вместе с богом, венчая чаши цветами и распевая хвалебные гимны.

Аполлон из *"Илиады"*, подобно древнему змею, не только насылает, но и отвращает чуму.

"Чума" Гомера отмечает этап, на котором молитва и жертвоприношение вытеснили магию в борьбе с чумой. С этого времени изучение эпидемии неразрывно связано с изучением эволюции религии. Молитва и жертвоприношение неизбежно вытекают из концепции величественного человека-бога. К нему нужно подойти, преклонив колена, с просьбой о помощи: он по праву является почитаемым молитвенником. Его поклоняющийся приближается к нему так, как он приближался бы к земному властелину: он очищает себя, он просит милости в смиренной позе, он отдает ему все, что в его силах. Отсюда возникают очищение, молитва и жертвоприношение. Сначала, как у Гомера, очищается тело: пожертвование чистого сердца и правильного духа происходит позже. До тех пор, пока бог воспринимается по-человечески, еда и питье будут основными приношениями в жертву.

Позже, с представлением о боге, обитающем наверху, как в гомеровских стихах, сладкий аромат жертвоприношения или душистый дым благовоний, поднимающийся к небесам, обретет особую благосклонность в его глазах. Первобытное жертвоприношение по сути своей социальное: это пир, на котором верующие вступают в общение с богом: это истинный родитель *лектистерния*. Ранняя религия не сомневается в благоволении бога, если его должным образом попросить: отсюда радость танцев и песен, сопровождающих евхаристический праздник, верующие убеждены, что жертвоприношение вернуло им благосклонность бога. Суровому богу, Богу Ветхого Завета, медлительному на прощение, нет места в примитивной теологии. Гимны, подобные тем, которые греческие воины пели в ликующем унисоне Аполлону, являются первыми смутными попытками языка проникнуть в сферу литературы. Подобные гимны распевались в святилищах Асклепия после успешных актов исцеления.

В раннеиндийском мифе Рудра - бог, который пускает стрелы чумы. Прочтите эту молитву Рудре из *Атхарваведы* [12]: в более древней *Ригведе*, которая достигла своего нынешнего вида еще в 1500 году до н.э.

Молитва Бхаве [13] и Сава [14] for protection from dangers.

1. О Бхава и Сава, будьте милостивы, не нападайте на нас: вы, владыки существ, владыки скота, да будет вам обоим почтение! Не выпускайте свою стрелу, даже после того, как она была наложена (на лук) и натянута! Не уничтожайте наших двуногих и четвероногих.

7. Пусть мы не вступим в конфликт с Рудрой, лучником с темным гребнем, тысячеглазым могущественным, убийцей Ардхаки!

12. Ты, о увенчанный хохлом бог, всерьез полагаешься на (свою руку), поражающую тысячи, на желто-золотой лук, поражающий сотни: стрела Рудры, метательный снаряд богов, летит повсюду: да будет ей почтение, в каком бы направлении отсюда (она ни полетела).

19. Не метай в нас свою дубину, свой божественный болт: не гневайся на нас, о повелитель скота! Потрясите над кем-нибудь другим, кроме нас, небесной ветвью!

26. Не заражай нас, о Рудра, лихорадкой, или ядом, или небесным огнем: сделай так, чтобы эта молния обрушилась не на нас, а куда-нибудь еще!

Другие боги, кроме Рудры, могут остановить эпидемию. "Вайу [ветер] согнет наконечники луков врагов, Индра ломает им руки, так что они не смогут натянуть свои стрелы; Адитья [солнце] направит их снаряды в сторону, а Крандрамас [луна] преградит путь врагу, который еще не тронулся в путь". [15] Подобно Мадонне христианской церкви, Адитья отводит стрелы чумы. Арийский воин, несомненно, и первобытный грек, вероятно, использовали отравленные стрелы.

Язык 91-го псалма раскрывает те же образы, что и гомеровский эпос и ведические гимны.

‘Я скажу Господу: Ты - надежда моя и твердыня моя; Бог мой, на него я буду уповать. Ибо он избавит тебя от сети охотника и от зловонной язвы. Он защитит тебя своими крыльями, и ты будешь в безопасности под его перьями: его верность и истина будут твоим щитом. Ты не должен бояться ни какого ужаса ночью, ни стрелы, летящей днем, ни язвы, ходящей во тьме, ни болезни, поражающей в полдень. Тысяча падет подле тебя, и десять тысяч одесную тебя; но она не приблизится к тебе”.

Стрелы чумы глубоко вонзились в ткани многих языков. Практически все еврейские слова, обозначающие чуму (*Маггефа, Негеф, Нага, Мекка*), указывают на удар. Наше английское "plague" происходит через латинское *plaga* от греческого πλῆγή, удар: то же самое происходит и от немецкого *plage*. Французское *fléau* — цеп или чума — воплощает ту же идею удара и происходит от латинского *жгутик* и греческого θλίβω. Сегодня даже врачи вынуждены называть яды чумы ‘токсинами’, как если бы они были ядовитыми стрелами, выпущенными из лука (τόξον от τυγχάνω = я поражаю). Арабы говорят о "ужаленных" или "уколотых" чумой, вспоминая соответственно змей и стрелы мора.

Выше был сделан мимолетный намек на казни фараона: остается только сказать, что в настоящее время существует довольно общее согласие с тем, что эти десять казней представляют собой всего лишь сезонные колебания, которым особенно подвержен Египет, преувеличенные в еврейской устной традиции. Возможно, последняя чума, смерть первенцев в апреле исхода (около 1220 г. до н.э.), возможно, была настоящей *pestis rupegorum*, особенно сильно поразившей тех, у кого не было иммунитета, предоставленного предыдущей эпидемией. Именно вторжение ливийцев и народов греческих морей в Египет, по крайней мере в той же степени, что и библейские эпидемии, позволило израильским рабам благополучно спастись.

Во время скитаний по пустыне Корей, Дафан и Авирам восстали против господства Моисея и Аарона, и Бог поглотил их со всеми их семьями землетрясением. Некоторые из детей Израиля роптали на свою судьбу. Тех, кто сделал это, посетила чума, унесшая 14 700 человек. Чума была остановлена тем, что Аарон в качестве искупления возложил на алтарь благовония — жертву по-прежнему, но только в виде сладкого благоухания Богу, обитающему на небесах. Сопоставление, если не позволительно сказать ассоциация, землетрясения и эпидемии в этом повествовании заслуживает внимания, учитывая широко распространенную веру в их причинно-следственную связь в более поздние времена.

На протяжении всего Ветхого Завета чума рассматривается, как и здесь, как прямое следствие Божьего гнева. В Новом Завете она фигурирует крайне редко, да и то скорее как исправляющая, чем карательная мера. Бог Ветхого Завета - это Бог возмездия: только у более поздних Пророков мы находим хотя бы предзнаменование Бога любви и прощения, Бога Нового Завета. Изображая мор, искусство сохранило это представление о Боге как о суровом карателе за проступки, но в личности Христа, к которому приблизились через посредничество Мадонны и Святых, распознано новозаветную концепцию Бога.

Вступление израильтян в Ханаан стало началом длительного периода войн с окружающими племенами. Наконец, в жестокой битве при Эбен-Эзере филистимляне разгромили армию Израиля, захватили ковчег завета и унесли его в Ашдод, где поместили в храме своего собственного национального бога Дагона. Две ночи подряд изображение Дагона было таинственным образом сброшено со своего пьедестала. ‘Рука Господня была тяжела на жителях Ашдода, и он истребил их, и поразил их изумрудами, даже Ашдод и его берега’. Жители Ашдода поспешили отослать ковчег в Геф, другой филистимский город, но и здесь Бог "поразил жителей города, как малых, так и великих, и у них были изумруды в тайных

местах'. Из Гефа оно было отправлено в Экрон с таким же результатом: 'ибо по всему городу было смертельное разрушение; рука Божья была там очень тяжела. И люди, которые не умерли, были поражены изумрудами, и вопль города вознесся до небес'. После семи месяцев эпидемии филистимляне призвали священников и прорицателей, чтобы узнать, каким образом им следует отправить ковчег обратно. Они сказали им, что, если они желают избавления от чумы, ковчег ни в коем случае нельзя отправлять обратно пустым, но с приношением за повинность в виде пяти золотых изумрудов и пяти золотых мышей, 'изображений ваших изумрудов и ваших мышей, которые портят землю'. Ковчег должны были отправить в новой повозке, запряженной двумя дойными коровами, пока их телята оставались дома. Если бы коровы пошли прямым путем вдоль побережья в Беф-Шемеш, они бы знали, что это Бог поразил их, 'но если нет, тогда мы будем знать, что это не его рука поразила нас: это была случайность, которая произошла с нами. И сделали те люди так: и взяли двух дойных коров, и привязали их к телеге, и заперли телят их дома; И положили ковчег Господень на телегу и сундук с золотыми мышами и изображениями их изумрудов. И коровы пошли прямым путем к дороге в Беф-Шемеш, и пошли по большой дороге, мыча на ходу, и не сворачивали ни направо, ни налево; и владыки Филистимские пошли за ними до границы Беф-Шемеша. И жители Беф-Шемеша собирали урожай пшеницы в долине; и они подняли глаза свои, и увидели ковчег, и возрадовались, увидев его. И приехала повозка на поле Иисуса Навина, Вефсамитянина, и остановилась там, где был большой камень; и они раскололи дерево повозки и принесли коров во всесожжение Господу. И сняли левиты ковчег Господень и сундук, который был при нем, в котором были золотые украшения, и положили их на большой камень; и принесли жители Беф-Шемиса всесожжения и жертвы Господу в тот же день... Камень этот остается до сего дня на поле Иисуса Навина, Беф-шемитянина'. Пятьдесят тысяч семьдесят жителей Беф-Шемеша были поражены язвой, "потому что они заглянули в ковчег Господень".

В своих существенных чертах повествование об этой [чуме в Ашдоде](#) является простой копией гомеровской чумы. Очевидной причиной является Божье недовольство, но когда оно обрушивается на израильтян, избранный Богом народ, а также на филистимлян, это вызывает недоумение, поскольку знание о заразности или заразимости еще не зародилось. Но объяснение у меня наготове — израильтяне *также* оскорбили Бога, заглянув в ковчег. Жертвы за грех должны быть изображениями болезни в золоте, сродни приношениям по обету пораженных частей тела, освященных в святилищах Асклепия, и изображениями мышей, которые тогда и после обычно ассоциировались с чумой — опять же, имитирующей магию в ее простейшей форме. Жертвенный камень оставлен в качестве памятного алтаря на все времена. Теперь религия, похоже, усиливает магию. Филистимские прорицатели действительно рискуют предположить, что чума, возможно, была простой "случайностью, которая случилась с нами", и это слабо предвещает веру в естественную причину эпидемических заболеваний.

Достаточно ли у нас данных, чтобы установить, что это за заразная болезнь? Она вспыхнула на морском побережье среди племени морских торговцев и распространилась с побережья на другие города внутри страны. Это продолжалось более семи месяцев. Он принимал две формы: тяжелую, приводящую к ранней смерти, и менее фатальную, при которой в потайных отделах появлялись опухоли (так называемые изумруды) - всеобъемлющий термин, который обычно включал всю область, прилегающую к гениталиям, и в том числе пах. Основываясь только на этих данных, трудно избежать вывода о том, что это была настоящая восточная чума с большим количеством случаев бубонной инфекции, болезнь, которая на протяжении всей своей зарегистрированной истории охватывала этот уголок Леванта.

Жертвоприношения по обету для исцеления от болезней обычно изображали больную часть, а не саму болезнь, причем последняя так часто не поддавалась пластическому изображению. Но в случае простого отека естественно, что должно быть смоделировано само заболевание.

Возникает соблазн с уверенностью утверждать о прямой причинно-следственной связи между болезненными припухлостями и мышами, поскольку до недавнего времени крыс и мышей было трудно отличить друг от друга. Дело еще более осложняется тем фактом, что существуют значительные сомнения относительно подлинности, по крайней мере, отдельных частей повествования. Состав Книг Самуила составлялся на протяжении примерно семи столетий, с 900-200 годов до н.э., и считается, что история с мышью является поздней интерполяцией, дату которой установить невозможно. Но в тексте в его нынешнем виде мыши обозначены как "мыши, разоряющие землю", а древняя литература изобилует записями об ужасающем уничтожении посевов с помощью полевых мышей. Элиан, [16] Аристотель, [17] Страбон, [18] Теофраст, Плиний и другие свидетельствуют об этом. Леффлер [19] описывает фессалийский урожай кукурузы, уничтоженный ордой полевых полевок, поле было полностью опустошено за одну ночь. Мыши были, по сути, одной из основных причин массового голода [20] в истории. Рассматриваемый в этом свете, он помогает нам понять другую библейскую эпидемию, которая обрушилась на армию Сеннахирима в 701 году до н.э. при Пелузии. Эта кампания Сеннахериба была предпринята для подавления всеобщего восстания западных государств против ассирийского господства и выплаты дани ассирийскому царю. Восстание, по-видимому, было спровоцировано Меродахом-Баладаном, которого Саргон сверг с царствования в Вавилоне и который теперь втянул Езекию в восстание. Он отправил к Езекии посольство с подарками, номинально, чтобы поздравить его с выздоровлением от тяжелой болезни, которую в библейском повествовании называют 'нарыв'. Возможно, это может указывать на настоящую пустулезную чуму, но формы фурункула (например, багдадский фурункул), совершенно отличные от чумы, хорошо известны в нескольких регионах Востока. Сеннахериб сначала разгромил Меродах-Баладана, а затем выступил против Езекии, который сразу же обратился за помощью к Тиракуа, эфиопскому наместнику Египта. В решающей битве при Алтаку Сеннахериб разгромил Тиракуа и запер Езекию в Иерусалиме, который он приступил к осаде. Тем временем Тиракуа собрал свою армию и снова двинулся на помощь Езекии, так что Сеннахериб был вынужден выступить против него на юг. В Пелузии, на границе с Египтом, армия Сеннахериба была внезапно уничтожена эпидемией, которая вынудила его немедленно отвести остатки в Ассирию. "И было так, что в ту ночь ангел Господень вышел и поразил в стане ассирийцев сто восемьдесят пять тысяч; и когда они встали рано поутру, вот, все они были мертвыми трупами". [21] Исаия подробно подтверждает повествование Книги Царств, а халдейский хронист Берос во фрагменте, сохраненном Иосифом Флавием, утверждает также, что Сеннахирим был отброшен эпидемией. Надписи на призме Сеннахериба характерно умалчивают об этом предмете: они рассказывают только о том, как он запер Езекию в Иерусалиме, как птицу в клетке.

Пелузий имеет дурную репутацию в "анналах чумы". Прокопий называет его отправной точкой чумы Юстиниана. Там также во время одной из экспедиций крестоносцев заразилась чума; и снова, в 1799 году н.э., армия Наполеона была заражена там и занесла болезнь в Сирию. Объяснение не заставит себя долго искать. Восточное и южное побережья Средиземного моря, и в особенности Сирия, Египет и Ливия, были пунктами, куда купцы Востока привозили свои товары для обмена с западными. С незапамятных времен арабские караваны и верблюды пересекали хорошо проторенные торговые пути с Востока, упиравшиеся в Средиземное море в Тире, Сидоне и Пелузии, а позже в Александрии. В этих

местах встречи Востока и Запада, как и в Константинополе, чума легче всего нашла бы себе опору, и действительно нашла. Возможно, восточная дельта была эндемичным центром, но более вероятно, что, как считалось в случае поздней китайской чумы, первоначальным источником был центр распространения.

Байрон в своих строках из *"Еврейских мелодий"* о "Гибели Сеннахериба" уловил страстную ноту пылкого патриотизма, которым избранная раса праздновала свое избавление от языческого врага мощью своего собственного Бога, и сохранил образность и простоту изложения библейской истории:

Ибо Ангел Смерти расправил свои крылья от порыва ветра И дохнул в лицо врагу, когда тот проходил мимо: И глаза спящих стали смертельными и холодными, А их сердца лишь раз вздрогнули и навсегда успокоились.

И мощь язычника, не тронутая мечом, растаяла, как снег, пред взором Господа.

Геродот [22] сообщает, что традиция этого чудесного избавления жила и в Египте. Его чичерон в храме Птаха в Мемфисе рассказал ему следующую историю. 'Следующим царем был жрец Вулкана по имени Сетос. Этот монарх презирал и пренебрегал воинским сословием египтян, как будто не нуждался в их услугах. Среди других унижений, которые он им предлагал, он отнял у них земли, которыми они владели при всех предыдущих королях, состоящие из двенадцати акров отборной земли для каждого воина. Поэтому впоследствии, когда Сеннахериб, царь арабов и ассирийцев, повел свою огромную армию в Египет, воины все до единого отказались прийти ему на помощь. После этого монарх, сильно огорченный, вошел во внутреннее святилище и перед изображением бога оплакал участь, которая обрушилась на него. Плача, он заснул, и ему приснилось, что бог пришел и встал рядом с ним, приказывая ему ободриться и смело идти навстречу арабскому войску, которое не причинит ему вреда, поскольку он сам пошлет тех, кто должен помочь ему. Затем Сетос, полагаясь на сон, собрал тех египтян, которые были готовы последовать за ним, причем среди них были не воины, а торговцы, ремесленники и рыночный люд, и с ними отправился в Пелузий, который командует входом в Египет, и там разбил свой лагерь. Когда две армии расположились здесь друг против друга, ночью налетело множество полевых мышей, которые сожрали все колчаны и тетивы вражеских луков и объели ремни, с помощью которых они держали свои щиты. На следующее утро они обратились в бегство, и пало множество людей, так как у них не было оружия, чтобы защититься. В храме Вулкана и по сей день стоит каменная статуя Сетоса с мышью в руке и надписью на этот счет: "Посмотри на меня и научись почитать богов".

У Страбона [23] есть история о мышах, поедающих тетивы лука, и ее вариант встречается также в китайских летописях, [24] так что ее можно рассматривать просто как образное выражение для обозначения некоего провиденциального избавления от врага, и в случае с Сеннахерибом средством избавления была эпидемия.

Невозможно сказать, чью статую Геродот приписывает Сетосу, поскольку в истории Египта не известно ни одного царя Сетоса. Возможно, это была статуя Гора, египетского эквивалента Аполлона, или, что вполне возможно, самого Аполлона, поскольку у нас есть множество свидетельств связи мыши с Аполлоном. В "Море" из *"Илиады"*, [25] Хрис обращается к нему как к Богу-Мыши (σμίθεύς). Страбон говорит, что у статуи Аполлона Сминфея в Хрисе, городе в Троаде, под ногой была мышь; то же самое можно сказать и о бронзовой монете, которая сейчас находится в Британском музее. Де Витте [26] имеет

фигурные монеты Александрии, более древнего Хамаксита, в Троаде, на которых Аполлон Сминтей изображен с луком и мышью в руке. Элианская [27] гласит, что изображение мыши стояло рядом с треножником Аполлона. Древний барельеф неопределенной даты, иллюстрирующий гомеровскую чуму и приношения греков Аполлону Сминтею, также изображает мышь на треножнике. На другом изображен Аполлон с мышью под подбородком: то же самое можно сказать и о монете в тенеос. Белых мышей действительно держали под алтарем в храме Аполлона Сминтея в Хамаксите, и кормили их за государственный счет. Страбон [28] говорит, что поклонение Аполлону Сминфею распространилось на все побережье Малой Азии и на соседние острова.

Множество жертвоприношений в виде мышей было найдено в Александрии Троадской, [29] в Палестине, [30] и в других местах, и Страбон предполагает, что поклонение мыши возникли из желания умиловить мышей, чтобы побудить их не разорять кукурузные поля. Умиловление животных, [31] и особенно тех, которые заражают посевы, широко распространено в культе первобытных людей. Говорят, что филистимляне сделали изображения мышей, осквернивших их землю, и изгнали их из своей страны, чтобы побудить настоящих мышей тоже уйти. На более поздней стадии поклонения, когда бог вытесняет животное, вместо самого вредителя умиловляется бог: отсюда Мышиный Аполлон, [32] Саранчовый Аполлон, [33] Волк Аполлон, [34] и Зевс, отгоняющий мух. [35] Даже низшие вредители поглощаются божеством, так что у нас есть Аполлон Эрителий [36] (ἔρουσιβη = плесень), и римляне олицетворяли его и поклонялись ему как Робигусу [37] (робиго = плесень). Чамы Индокитая приносят жертвы грубому идолу-колонне, называемому Ян-тикух (бог-крыса), когда стаи крыс наводняют поля. [38] Таким образом, Аполлон, по-видимому, находится в таком же отношении к мыши, как Асклепий к змее. Он не только насылает мор, но и отводит его как от человека, так и от посевов. И, рассматривая все факты, мы можем с некоторой уверенностью заключить, что связь мышей с чумой была хорошо признана, но о каких-либо знаниях в то время о связи крыс с чумой имеется мало свидетельств.

Плутарх [39] утверждает, что персидские маги убили всех своих мышей и крыс, потому что они и боги, которым они поклонялись, испытывали к ним естественную антипатию, чувство, которое, по его словам, они разделяли с арабами и эфиопами. Любопытно узнать, что могло быть реальной основой этой антипатии, которой Плутарх предлагает нынешнее объяснение. Более чем вероятно, что опыт научил эти народы отношению этих животных к голоду и, возможно, также к мору.

Николя Пуссен (1593-1665) написал картину, которая сейчас находится в Лувре, о *чуме в Ашдоде*. Более дешевая копия висит в Национальной галерее, а еще одна - в Академии в Лиссабоне. Ужас - доминирующая нота композиции, полной движения. Высоко между колоннами храма стоит ковчег Божий. Рядом с ним на пьедестале распростерто тело Дагона, голова и руки которого лежат внизу. Священник указывает рукой на изуродованное изображение группы охваченных благоговейным страхом мужчин, которые из-за своего властного вида кажутся старейшинами народа. В город вторгся рой крыс. Улицы усеяны мертвецами и умирающими всех полов и возрастов, носильщики уносят трупы. Сломанные колонны, валяющиеся тут и там среди пораженных чумой, усиливают ощущение смерти и разрушения. В центре переднего плана находится группа, которую Пуссен позаимствовал у Рафаэля. Женщина с обнаженной грудью лежит мертвая между двумя своими младенцами: один мертв, другой прижимается к груди мертвой матери. Отец наклоняется, протянув руку, чтобы удержать его: другой рукой он зажимает рот и нос, чтобы не допустить заражения. Справа другой мужчина удерживает ребенка постарше, который подходит к мертвой женщине. Один мужчина скорчился в предсмертных судорогах, другой в изнеможении

лежит на сломанной колонне. На ступеньках больной человек умоляет о помощи того, кто спешит мимо него, чтобы избежать заражения. Слева мужчина с жалостью, изображенной на его лице, смотрит на другого, корчащегося в агонии. Вся сцена разворачивается в центре города, на открытом пространстве, окруженном массивными зданиями в классическом стиле, который Пуссен приобрел среди разрушенных памятников Рима. Ни на одном из тел нет никаких отличительных признаков чумы, на болезнь ясно указывает присутствие стаи крыс.



РИСУНОК II "АШДОДСКАЯ ЧУМА" Н. ПУССЕНА

Фотография Жиро, Париж (Лицевая страница 18)



ТАБЛИЧКА III "ЧУМА ДАВИДА" П. МИНЬЯРА

(Первая страница 19)

Еще одна библейская [40] мор, *чума Давида*, представляет нам другой и более стойкий образ мора, а также представляет собой стадию, на которой религия вытеснила магию. Давиду, в наказание за его самонадеянность в исчислении числа людей, предоставляется выбор: семь лет голода, три месяца бегства от врагов или три дня мора. Он выбрал последнее, и семьдесят тысяч его людей погибли. 'И поднял Давид очи свои и увидел Ангела Господня, стоящего между землей и небом, с обнаженным мечом в руке своей, простертым над Иерусалимом'. 'И когда ангел простер руку свою на Иерусалим, чтобы разрушить его', Бог остановил его на гумне Арауны Иевусеянки. 'И повелел Господь ангелу; и он вложил свой меч обратно в ножны его'. Затем пророк Гад велел Давиду воздвигнуть жертвенник на гумне Арауны. И купил его Давид, и поставил жертвенник, и принес жертву Богу, и язва прекратилась: на месте этого жертвенника Соломон построил Храм.

И здесь чума фигурирует как явное свидетельство Божьего недовольства. Ангел - это посредник, с помощью которого Он распространяет чуму, а обнаженный меч, любимое оружие Израиля, заменяет лук и стрелы. Вложенный в ножны меч - знак того, что эпидемия закончилась. Этот образ снова и снова появляется в христианской литературе и искусстве и, кажется, берет свое начало именно здесь. Ангелы - прекрасная фантазия всех религий Востока. Примитивное представление о море настолько живо, что мы находим его олицетворением с самых ранних времен: то как бога-лучника, то как человека, идущего во тьме, то как ангела с обнаженным мечом. Давид приносит ту же искупительную жертву и воздвигает памятный алтарь, как это было сделано во время *чумы в Ашдоде*.

Пьер Миньяр (1610-95) написал картину "*Чума Давида*". Оригинал утерян, но гравюру Одрана можно найти в Халькографии Лувра. Как и в случае с Пуссеном, действие происходит на фоне классической архитектуры, но в изображении фигур мало следов классического чувства.

Центральной темой является идея преданности перед лицом страдания. Ангел в небе изливает сернистые пары из двух сосудов, когда сера и огонь пролились дождем на Содом и Гоморру. В перистиле храма царь Давид приносит искупительные жертвы, чтобы остановить эпидемию, в то время как люди падают ниц в позах мольбы у ступеней храма. На заднем плане виден каскад воды, падающей в бассейн, рядом с которым лежит умирающий человек, в то время как другие пытаются утолить свою жажду. Двое мужчин спешат вперед, чтобы изгнать их из бассейна, пока они не загрязнили его воду. Этот инцидент взят с некоторой вольностью в интерпретации из повествования Фукидида. В центре картины, напоминающей Рафаэлевскую, молодая женщина лежит при смерти на руках своего мужа, ее мертвый ребенок все еще лежит у нее на коленях. На переднем плане - угольная жаровня, испускающая очищающий дым. Рядом с ним врач, который только что вырезал бубон в подмышечной впадине женщины, падает в обмороке, роняя свой бистро и миску, в то время как его ассистент, который все еще удерживает руку женщины подальше от ее бока, хватается за своего хозяина, чтобы тот не упал. Случайный прохожий убегает в ужасе. Сострадание и трусость здесь соседствуют. Справа двое мужчин раздают больным еду и лекарства. Служитель опускается на колени, чтобы предложить раненому чашу воды, в то время как факелonosец следует за ним с зажженным факелом, чтобы продезинфицировать воздух. Рядом с ними лежит мертвая собака. Слева одна молодая женщина дает ложечкой какое-то лекарство другой, распростертой на земле, а позади них стоят женщина и ребенок, оба в слезах. Картину дополняют отдельные эпизоды. Женщина хватается за мужчину в бреду, когда он убегает из своего дома. Мужчина уносит девочку на руках. Женщина рвет на себе волосы над мертвым телом своего ребенка. Женщина подносит еду к своему окну с помощью корзины и шнура.

За исключением [Ашдодской чумы](#), трудно рискнуть предположить природу этих библейских бедствий. На протяжении всего Ветхого Завета меч, голод и мор обычно связаны друг с другом. Как чума следовала за флагом торговли, так голод и тиф следовали за флагом войны. Во время Тридцатилетней войны вся Центральная Европа была опустошена голодом и сыпным тифом. Они свирепствовали после наступления армий Наполеона, и тысячи людей погибли от тифа во время отступления из Москвы. В Крыму тиф истребил плохо питавшуюся французскую армию, и только сегодня мы узнали, что тифозная вошь является связующим звеном между голодом и тифом. Восемнадцатый век в Ирландии, даже когда войны не было, был почти непрерывным периодом голода и тифа, и Ирландия избавилась от эпидемии тифа только тогда, когда она настолько расширила область своих запасов, что обеспечила иммунитет от голода. Своим избавлением от тифа Ирландия обязана своему картофелю, а не врачам. Таким образом, в свете свидетельств современной истории тиф вполне мог занимать видное место в списке библейских бедствий. Тем не менее, имеется немало примеров, когда настоящая чума следовала по пятам за массовым голодом; а в Индии холера и дизентерия появляются слишком часто, чтобы завершить работу, которую голод сделал лишь наполовину.

ГЛАВА II

Представление о море как наказании за грех столь же широко распространено в греческой литературе, как и в еврейской. Мы видели это в гомеровской истории, и мы видим это снова,

там, где нам меньше всего следовало бы этого ожидать, у Софокла. Мор по-прежнему сосредоточен вокруг личности Аполлона, но в то время как у Гомера Аполлон остается чумой, у Софокла к нему обращаются только за знаниями, с помощью которых можно остановить его. Гомер наделяет его особой силой, Софокл - только особыми знаниями. У Гомера он - бог яркого света (φῶς), который рассеивает тьму чумы: у Софокла он - свет, озаряющий темные уголки разума.

The "*Эдип Тираннус*", по-видимому, впервые публично был исполнен между 429-420 годами до н.э., возможно, еще до того, как афинская чума окончательно утихла. Софокл, конечно, не описывает афинскую чуму под видом фиванской чумы, но это, должно быть, повлияло на его мысли, а также на мысли его слушателей. Его описание эпидемии, уничтожающей посевы и вызывающей падеж скота, болезни и смерть людей, наводит на мысль об одном из видов массового голода, распространенных в древней истории. Гесиод [41] не был в неведении о них (λίπὸν ὄρωϊ καὶ λοιπὸν). Софокл - первый писатель, попытавшийся хотя бы в общих чертах описать мор, и при этом он нарисовал картину мора, посланного богами в наказание за грех. Путь искупления ищут в Дельфах, и в ожидании этого знания обращаются с мольбой к Афине, Артемиде и Аполлону, божествам, которые контролируют эпидемию и держат пораженный чумой город на особом попечении. Вот обращение к Аполлону, Делосскому Целителю:

Осыпь из золотой тетивы Свои стрелы, ликийский царь. О Феба, пусть твои огненные копья летят Без Сопротивления, когда они проносятся По горной роще Ксанфа! О фиванский Вахх с сияющим оком, С факелом, толпой менад и в яркой короне, Воссияй над богом, от которого отрекаются все на Небесах. [42]

В этой архаичной атмосфере "*Эдип Тираннус*" выглядит странно рядом с реалистичными записями Фукидида, опубликованными всего несколькими годами позже. Но Софокл дал лишь в общих чертах то, что Фукидид дал с поразительными подробностями.

Для историка, врача и литератора рассказ Фукидида о чуме в Афинах во время Пелопоннесской войны должен навсегда остаться одним из самых замечательных документов во всех анналах эпидемии. Ввиду гораздо большей численности лакедемонянских сухопутных войск непоколебимой политикой Перикла было удерживать афинян в их стенах, позволяя лакедемонянам истощить себя на опустошительной территории Аттики, одновременно нанося ответный удар афинскому флоту по побережью Пелопоннеса. Каждый год при приближении лакедемонянской армии жители Аттики стекались к стенам Афин, принося с собой все свое движимое имущество, предварительно отправив своих овец и крупный рогатый скот на Эвбею и соседние острова, так что дополнительный ужас крупной эпизоотии был предотвращен. Больше число разбило лагерь на свободных площадях города и Пирея, а также в многочисленных храмах и вокруг них. Некоторые разместили свои семьи в башнях и нишах городских стен или в сараях, хижинах, палатках или даже кадках, расположенных по всей длине длинных стен. Таково было перенаселенное состояние осажденных Афин, когда на второй год Пелопоннесской войны (430 г. до н.э.) разразилась эпидемия, подвергшая политику Перикла серьезному испытанию.

Опустошив равнину, пелопоннесцы опустошили прибрежные районы Аттики, сначала на южном побережье, а затем на северном. Перикл немедленно снарядил афинскую военно-эскадру и нанес контрудар по Пелопоннесу. Этот флот насчитывал 4000 гоплитов и 300 всадников, которые разорили окрестности Эпидавра и другие города на прилегающем побережье. Однако, похоже, несмотря на слухи об обратном, которые достоверно записывает Фукидид, что ни эпидемия, ни действия этого экспедиционного корпуса на

самом деле не ускорили уход лакедемонян, поскольку они пробыли там 40 дней, что было дольше, чем любое другое пребывание. В этом экспедиционном корпусе разразилась эпидемия, и это, несомненно, причина того, что он вернулся, не добившись большего. Плутарх действительно говорит, что афиняне захватили бы Эпидавр, если бы не эта вспышка болезни.

Тем же летом афиняне также послали еще один флот против Потидеи во Фракии, которая уже находилась в осаде со стороны афинской армии. Эпидемия произвела страшный опустошительный эффект в этом дополнительном отряде и распространилась от него на войска, которые уже были там, в результате чего погибло 1050 человек из общего числа 4000 гоплитов, так что экспедиция была вынуждена вернуться и предоставить осаду войскам, которые были там до них.

В своем отчаянии афиняне излили свой гнев на Перикла, подобно тому, как люди в бреду, говорит Плутарх, [43] набрасываются на своего врача или отца. Они настаивали на том, что эпидемия произошла из-за того, что сельское население, привыкшее к существованию под открытым небом, содержалось взаперти в душных хижинах, так что они передавали инфекцию друг другу. Но народное негодование утихло так же быстро, как и возникло. В благородной речи, которую подробно воспроизводит Фукидид, Перикл отучил их думать лучше. Его собственные семейные страдания, возможно, вызвали у них сочувствие. Он потерял от эпидемии двух своих единственных законных сыновей, Ксантиппа и Парала, свою сестру и многих родственников и друзей. Смерть его любимого сына Парала оставила его без законного наследника, который мог бы поддерживать семью и выполнять наследственные священные обряды. "Этот удар", - говорит Плутарх, [44] 'пригвоздил его к земле. Он действительно изо всех сил старался сохранить свою обычную бесстрастность и безмятежное самообладание. Но когда он возложил венок на тело и посмотрел на своих умерших, мука от всего этого захлестнула его, и он разразился горькими рыданиями — поступком, которого за всю свою жизнь он никогда прежде не делал.' Зрелище этого гордого, сдержанного человека, который стоял твердо, как скала, среди поднимающейся волны народного негодования, смиренный перед Богом, униженный перед людьми, когда железо опалило его сокровенную душу, является одной из самых трогательных картин во всей истории и литературе.

Мой Бог склонил меня к тому, кто я есть, Мое одиночество и горе унизили меня.

Вскоре после этого, по-видимому, чума настигла Перикла. Нападение не было, как в других случаях, резким и суровым. Это приняло форму недуга, незначительного, но затяжного, проходившего в различных фазах, которое постепенно истощало его силы и подрывало бодрость ума.' Но если мы можем судить по рассказам о его смертном одре, приведенным самим Плутархом и Теофрастом в его *Этике*, его разум был свободен от какого-либо намека на безумие.

Первая вспышка эпидемии продолжалась два года, с весны 430 г. до н.э. по весну 428 г. до н.э., затем наступило частичное, но не полное ослабление на полтора года, за которым последовала еще одна вспышка в 427 г. до н.э., которая длилась год. "Для могущества Афин, - говорит Фукидид, - конечно, не было ничего более разрушительного. Погибло не менее 4400 афинских гоплитов, которые были в списке, а также 300 всадников и неисчислимое количество простых людей", по оценке Диодора Сицилийского [45] в 10 000 свободных и рабов. Бери [46] общее число афинских бюргеров (обоих полов и всех возрастов) в начале Пелопоннесской войны составляло 100 000 человек, и это общее число было сокращено из-за эпидемии примерно до 80 000 или меньше. Класс метисов и рабов он приблизительно

оценивает в 30 000 и 100 000 человек соответственно, но, помимо ненадежного заявления Диодора Сицилийского, у нас нет никаких данных об их сокращении. Принимая вердикт Фукидида о катастрофических последствиях эпидемии для могущества Афин, мы не должны забывать, что действовали и другие факторы, направленные к тому же результату, на последствия которого Перикл ясно указал в своей речи перед войной. Если бы не они, Афины, без сомнения, быстро оправились бы от удара, как мы увидим, другие города обычно поступали в подобном случае с ее городом.

Обстоятельства, при которых эпидемия вспыхнула в Афинах во второй раз, не могли сильно отличаться от тех, которые были при ее первом начале, поскольку, хотя стояла зима и лакедемонянской армии не было на поле боя, окружающая местность была опустошена, и большая часть крестьян, должно быть, все еще была заперта в состоянии перенаселенности за городскими стенами. По мере того как в Афинах продолжалась эпидемия, суеверия крепко овладевали населением под давлением их затянувшихся страданий. По совету оракула они решили очистить остров Делос, который раньше был посвящен Аполлону, но в последнее время использовался как место захоронения. Все умершие были перевезены на соседний остров Рен, и был принят закон, запрещающий отныне захоронение трупа или рождение ребенка на Делосе. Забытый панегирический фестиваль Аполлона также возродился на острове. Не было оставлено камня на камне, чтобы умиловать бога, который, как теперь убедились афиняне, наслал на них смуту.

Землетрясения и наводнения продолжались, как и эпидемия, все лето 426 года до н.э. Диодор Сицилийский, по-видимому, предполагает, что землетрясения были посланы Аполлоном, которого должным образом умиливали, чтобы отвлечь лакедемонян от вторжения в Аттику. На самом деле они действительно добились этого, ибо Агис, царь Спарты, хотя и уже прибыл на перешеек, принял предзнаменование и повел свою армию обратно. Ни Фукидид, ни Диодор Сицилийский не утверждают о какой—либо прямой причинно-следственной связи между землетрясениями и эпидемией - вера, которая, хотя и была смутным предзнаменованием, приняла определенную форму лишь позднее.

Ниже приводится полное описание [47] эпидемии, приведенное Фукидидом:

Как только вернулось лето, пелопоннесская армия, составлявшая, как и прежде, две трети вооруженных сил каждого конфедеративного государства, под командованием лакедемонянского царя Архидамы, сына Зевксида, вторглась в Аттику, где они обосновались и разорили страну. Они пробыли там всего несколько дней, когда в Афинах впервые вспыхнула чума. *Это*, как говорят, ранее поразило многие места, особенно Лемнос, но нет никаких записей о *столь сильной* эпидемии, произошедшей где-либо еще, или о *таком* разрушении человеческих жизней. Некоторое время врачи, не зная природы болезни, пытались применить лечебные средства; но это было тщетно, и они сами оказались в числе первых жертв, потому что чаще всего соприкасались с ней. Никакое человеческое искусство не приносило никакой пользы, а что касается молитв в храмах, обращений к оракулам и тому подобного, то они были совершенно бесполезны, и в конце концов люди были подавлены бедствием и отказались от них всех. Говорят, что болезнь началась к югу от Египта, в Эфиопии; оттуда она распространилась на Египет и Ливию и, распространившись по большей части персидской империи, внезапно обрушилась на Афины. Сначала он напал на жителей Пирея, и предполагалось, что пелопоннессцы отравили цистерны, поскольку там еще не было проложено никаких каналов. Впоследствии он достиг верхнего города, и тогда смертность стала намного выше. Относительно его вероятного происхождения или причин, которые могли вызвать такое нарушение природы, каждый человек, независимо от того, является он врачом или нет, выскажет свое собственное мнение. Но я опишу его

действительный *характер* и симптомы, по которым любой, кто знает их заранее, может распознать расстройство, если оно когда-нибудь появится вновь. Ибо я сам подвергся нападению и был свидетелем страданий других.

Было признано, что сезон был на удивление свободен от обычных болезней; и если кто-то уже болел какой-либо другой болезнью, то это было связано с этим. Многие из тех, кто был совершенно здоров, внезапно и без какой-либо видимой причины почувствовали сильный жар в голове, покраснение и воспаление глаз. Внутренне горло и язык быстро налились кровью, а дыхание стало неестественным и зловонным. За этим последовали чихание и охриплость голоса; через короткое время расстройство, сопровождаемое сильным кашлем, достигло грудной клетки; затем, распространяясь ниже, оно приводило в движение желудок и вызывало все те рвотные позывы с желчью, которым врачи когда-либо давали названия; и они были очень неприятными. Безрезультатная рвота, вызывающая сильное *натуживание*, атаковала большинство страдальцев; у некоторых сразу после исчезновения предыдущих симптомов, у других - спустя некоторое время. Внешне тело было не таким уж горячим на ощупь и в то же время не бледным: оно имело багровый цвет, переходящий в красный, и покрывалось пустулами и язвами. Но внутренняя лихорадка была сильной: страдальцы не могли носить на себе даже самую тонкую льняную одежду. Они настаивали на том, чтобы быть обнаженными, и не было ничего, чего они жаждали бы больше, чем броситься в холодную воду. И многие из тех, у кого некому было присмотреть за ними, действительно нырнули в водоемы, потому что их мучила непрекращающаяся жажда, которая нисколько не утолялась независимо от того, пили они мало или много. Они не могли заснуть: невыносимое беспокойство никогда не покидало их. Пока болезнь была в самом разгаре, организм, вместо того чтобы истощаться, чудесным образом выдерживал эти страдания, и либо они умирали на седьмой или девятый день, но не от слабости, поскольку их силы не были истощены, а от внутренней лихорадки, которая была концом большинства; либо, если они выживали, тогда болезнь спускалась в кишечник и там вызывала сильные изъязвления; в то же время начиналась сильная диарея, а на более поздней стадии вызывала истощение, которое в конце концов, за немногими исключениями, уносило их. Ибо расстройство, первоначально поселившееся в голове, постепенно распространялось по всему телу, и, если человек преодолевал худшее, часто захватывало конечности и оставляло свой след, поражая интимные части, а также пальцы рук и ног; и некоторые отделялись потерей их, некоторые - потерей глаз. Некоторые снова, как только приходили в себя, их охватывало забвение всего на свете, и они не узнавали ни себя, ни своих друзей.

Болезнь приняла форму, *не поддающуюся описанию*, и ярость, с которой она обрушивалась на каждого страдальца, была непосильной для человеческой натуры. Было одно особое обстоятельство, которое отличало его от обычных болезней. Птицы и животные, питающиеся человеческим мясом, хотя так много тел лежало непогребенными, либо никогда не приближались к ним, либо умирали, если прикасались к ним. Это было доказано замечательным исчезновением хищных птиц, которых не было видно ни около тел, ни где-либо еще: в то время как в случае с собаками факт был еще более очевиден, потому что они живут с человеком.

Такова была общая природа болезни: я опускаю многие странные особенности, которые характеризовали отдельные случаи. Ни одна из обычных болезней никого не поразила, пока это продолжалось, а если и поразила, то закончилась чумой. Некоторые из страдальцев умерли от недостатка ухода, другие в равной степени получали наибольшее внимание. Ни одно средство правовой защиты не может считаться конкретным, ибо то, что приносит пользу одному, причиняет вред другому. Ни одна конституция сама по себе не была

достаточно сильной, чтобы сопротивляться, или достаточно слабой, чтобы избежать атак: болезнь уносила всех одинаково и не поддавалась никакому способу лечения. Самым ужасным было уныние, которое охватывало любого, кто чувствовал себя отвратительно: ибо он мгновенно предавался отчаянию и, вместо того чтобы держаться, полностью упускал свой шанс на жизнь. Ужасающей была также скорость, с которой люди подхватывали инфекцию: они умирали как овцы, если ухаживали друг за другом: и это было основной причиной смертности. Когда они боялись навещать друг друга, страдальцы умирали в своем одиночестве, так что многие дома пустовали, потому что некому было ухаживать за больными; или, если они отваживались, они погибали, особенно те, кто стремился к героизму. Ибо они шли навещать своих друзей, не думая о себе, и им было стыдно покидать их, даже в то время, когда сами родственники умирающего наконец устали и перестали причитать, подавленные масштабом бедствия. Но какие бы примеры такой преданности ни были, чаще всего за больными и умирающими ухаживали с сочувствием те, кто выздоравливал, потому что они знали течение болезни и сами были свободны от опасений. Ибо ни на кого никогда не нападали во второй раз и со смертельным исходом. Все люди поздравляли их, а сами они в тот момент от избытка радости невинно воображали, что не могут умереть ни от какой другой болезни.

Скопление людей из деревни в город усугубляло нищету, и больше всего страдали новоприбывшие. Ибо, не имея собственных домов, но обитая в разгар лета в душных хижинах, смертность среди них была ужасной, и они погибли в диком беспорядке. Мертвые лежали так, как они умерли, один на другом, в то время как другие, едва живые, валялись на улицах и ползали у каждого фонтана, жаждая воды. Храмы, в которых они поселились, были полны трупов тех, кто умер в них, ибо жестокость бедствия была такова, что люди, не зная, куда обратиться, стали пренебрегать всеми законами, человеческими и божественными. Обычаи, которые до сих пор соблюдались на похоронах, повсеместно нарушались, и каждый хоронил своих умерших так, как только мог. Многие, не имея надлежащей бытовой техники из-за того, что смерти в их доме были очень частыми, без колебаний пользовались местом захоронения других людей. Когда один человек насыпал погребальную кучу, приходили другие и, бросив сначала своих мертвецов, поджигали ее; или когда какой-нибудь другой труп уже горел, прежде чем их можно было остановить, они бросали на нее своих мертвецов и уходили.

Были и другие, худшие формы беззакония, которые чума принесла в Афины. Люди, которые до сих пор скрывали свое пристрастие к удовольствиям, теперь стали смелее. Ибо, видя внезапную перемену — как богатые умирали в одно мгновение, а те, у кого ничего не было, немедленно унаследовали свое имущество, — они размышляли о том, что жизнь и богатство одинаково преходящи, и они решили наслаждаться, пока могут, и думать только об удовольствиях. Кто был бы готов пожертвовать собой ради закона чести, если бы не знал, доживет ли он когда-нибудь до того, чтобы его почитали? Удовольствие от момента и все, что ему сопутствовало, заняло место как чести, так и целесообразности. Ни страх Божий, ни закон человеческий не удерживали преступника. Те, кто видел, что все погибают одинаково, думали, что поклонение Богам или пренебрежение ими не имеет значения. За преступления против человеческих законов не стоило опасаться наказания: никто не проживет достаточно долго, чтобы его привлекли к ответственности. Гораздо более тяжелый приговор уже был вынесен и висел над головой человека: прежде чем он свершится, почему бы ему не получить немного удовольствия?

Таково было тяжкое бедствие, которое теперь постигло афинян: внутри стен умирал их народ, а снаружи их страна подвергалась опустошению. В своих бедах они, естественно, вспомнили стих, который, по словам старших среди них, был популярен давным-давно:

Начнется дорийская война, а вместе с ней и чума.

Возник спор о точном выражении: некоторые говорили, что первоначальным словом было *limos*, голод, а не *loimos*, чума. Тем не менее, как и следовало ожидать, поскольку воспоминания людей отражали их страдания, аргумент в пользу *лоймоса* в то время возобладал. Но если когда-нибудь в будущем разразится еще одна дорийская война, которая будет сопровождаться массовым голодом, они, вероятно, повторят этот стих в другой форме. Ответ оракула лакедемонянам, когда Бога спросили, “должны ли они идти на войну или нет”, и он ответил, “что если они будут сражаться изо всех сил, то победят, и что он сам примет их сторону”, не был забыт теми, кто слышал об этом, и они вполне вообразили, что являются свидетелями исполнения его слов. Болезнь, безусловно, началась сразу после вторжения Пелопоннесцев и не распространилась на Пелопоннес в какой-либо степени, о которой стоит говорить, в то время как Афины сильнее всего ощутили ее опустошение, а рядом с Афинами были самые густонаселенные места. Такова была история чумы”.

Тщательное изучение, строка за строкой и слово за словом, данного Фукидидом описания клинических особенностей афинской эпидемии, рассмотрение его, с одной стороны, в свете медицинских знаний того времени, а с другой - в свете открытий современной патологии, вряд ли может не привести к непредвзятому суждению о том, что мы имеем дело с сыпным тифом. Это правда, что он имеет большое сходство с восточной чумой, но, хотя возражения против этого диагноза кажутся нам непреодолимыми, мы надеемся показать, что те, которые до сих пор казались препятствиями для постановки диагноза сыпного тифа, либо искусственны, либо основаны на неправильном толковании текста. Смещение сыпного тифа и восточной чумы преобладало вплоть до сравнительно нового времени даже среди авторов-медиков; мало того, что существует поразительное сходство в клинической картине двух заболеваний, но они постоянно смешивались в рамках одной и той же эпидемии. Это неудивительно, если вспомнить, что блоха является главным возбудителем одной болезни, а вошь - другой.

Едва ли найдется хоть один писатель шестнадцатого, семнадцатого или восемнадцатого веков, писавший о лихорадках, который не прокомментировал совпадение злокачественных лихорадок с эпидемиями восточной чумы. Это правда, что не все они идентифицируют злокачественные лихорадки как сыпной тиф, просто потому, что тиф, хотя и был выделен Фракасториусом как болезненное заболевание еще в 1546 году, не стал общепризнанным во всей Европе до восемнадцатого века, и даже тогда его идентичность была скрыта под множеством синонимов. Амбруаз Паре в 1568 году описал чумную лихорадку, преобладавшую во Франции наряду с настоящей чумой, при которой на коже появлялись пятна, похожие на укусы блох или клопов. Вильяльба говорит, что в шестнадцатом веке несколько раз пятнистая лихорадка, называемая Табардильо, которая, как теперь известно, была тифом, была распространена в Испании одновременно с чумой, и ее часто путали с ней. Согласно Лотцу, злокачественная пятнистая лихорадка присутствовала в Лондоне в 1624 году, которая превратилась в чуму в 1625 году и снова в пятнистую лихорадку в 1626 году. Аналогичным образом Сиденхэм утверждает, что Великой лондонской чуме предшествовала и сопровождалась чумной лихорадкой, которая, судя по его описанию, явно была тифом, и он отмечает, что она отличалась от чумы только более мягким характером своих симптомов. Согласно Димербруку, пятнистая лихорадка (тиф) предшествовала чуме в Голландии в 1636 году, и ее вредоносность постепенно увеличивалась, пока, наконец, не

переросла в настоящую чуму. То же самое верно в отношении *марсельской чумы* в 1720 году, чумы в Алеппо в 1760 году и московской чумы в 1771 году. Хэнкок в 1821 году утверждал, что почти всем самым заметным эпидемиям последних двух столетий предшествовал тиф. Вот и путаница между этими двумя заболеваниями из-за их совпадения.

Мерчисон, чей трактат о сыпном тифе выделяется как памятник острых и точных наблюдений, подробно описывает сходство этих двух заболеваний. Дело не только в общем клиническом сходстве, которое характерно для большинства острых инфекционных лихорадок, хотя и это достаточно поразительно, но помимо этого существует замечательное сходство в конкретных симптомах, клиническом течении и осложнениях. Существует тенденция рассматривать бубоны как отличительный признак чумы, но они обнаруживаются в небольшой группе случаев сыпного тифа. С другой стороны, петехиальные высыпания тифа, его наиболее отличительный признак, достаточно распространены при чуме.

Возникает соблазн обойти трудности дифференциального диагноза, предположив, что в Афинах, как это часто бывает в других местах, одновременно произошли вспышки тифа и чумы, но все имеющиеся данные убедительно указывают на наличие тифа, и только тифа. Мы постараемся представить доказательства честно и просто, чтобы каждый читатель мог сделать свой собственный вывод, обратившись к прилагаемому повествованию Фукидида.

Начиная с Эфиопии, ходили слухи, что болезнь распространилась на север, в Египет и Ливию, а оттуда на большую часть Персидской империи, которая в то время включала почти всю Западную Азию, затем внезапно она обрушилась на Афины. Говорили, что та же болезнь ранее поражала Лемнос и многие другие места, но с гораздо меньшей серьезностью. С Лемносом Фукидид, вероятно, был близко знаком, поскольку он лежал на прямом пути во Фракию, где он владел собственностью. Он осторожно отмечает, что предоставляет эту информацию, а также информацию о ее отправной точке и направлениях развития только понаслышке. Если бы это действительно было частью одной огромной пандемии, удивительно, что у него не было бы более точных сведений о ее распространенности. Правда, в том же году в Риме свирепствовала эпидемия, но не следует предполагать, что она обязательно носила тот же характер, что и в Афинах. На протяжении всего пятого века Рим редко обходился без эпидемий, и Ливий и Дионисий Галикарнасский описывают череду эпидемий, некоторые из которых длились несколько лет и жестко следовали одна за другой. Если принять происхождение в Эфиопии и последующие направления распространения, это, безусловно, стало бы весомым аргументом в пользу восточной чумы. В последние годы эндемический очаг чумы был обнаружен в Центральной Африке, и в своем распространении болезнь следовала по устоявшимся торговым путям, как это было обычно. Пандемичность также является врожденной тенденцией чумы. Тиф по большей части следовал за продвижением армий и вслед за массовым голодом и почти не проявлял склонности придерживаться проторенных торговых путей. В некоторых случаях сыпной тиф распространялся в одно и то же время на обширных территориях, но по большей части он распространялся на сопредельные участки земли. Таким образом, Хильдебранд зафиксировал эпидемию, охватившую всю Германию, Галицию, Венгрию и земли австрийской короны.

Фукидид утверждал, что афинская чума была неизвестной болезнью. В настоящее время имеется много свидетельств того, что во времена Фукидида бубонная чума в ее спорадической форме была признана клиническим заболеванием. Язык проход во 2-й книге эпидемии, трактат Гиппократ в школе, кажется, практически не поддается любое другое толкование: ὁ ἐπὶ βουβῶσι πυρετὸς καὶ ἄλλοι τῶν ἐφημέρων, καὶ οἱ ἐπὶ πυρετῶσι βουβῶνες κακίονες ('лихорадка последующей на бубоны-это плохой знак, если они не эфемерным: но

бубоны последующей лихорадки еще хуже). Упоминания о бубонах также у Аристофана настолько многочисленны, что почти исключают любой другой вывод: и нельзя утверждать, что это были последствия эпидемии, поскольку Фукидид [48] косвенно утверждает полное исчезновение болезни.

Первая вспышка чумы в Пирее наводит на мысль о завозе по морю. Морские перевозки гораздо более характерны для чумы, чем для тифа, хотя тиф достаточно часто завозился из Ирландии в Англию, а также был привезен обратно в Англию войсками из Ла-Коруньи и во Францию французскими войсками из Крыма. С другой стороны, именно в Пирее перемещенные крестьяне беспорядочно теснились в маленьких душных жилищах, создавая как раз те условия, в которых обычно возникает тиф и которые становятся эпидемиями.

Среди тех эпидемических заболеваний, которые в прошлые времена опустошали осажденные города, тиф, несомненно, занимает почетное место. Гранада в 1489 году, Мец в 1552 году, Монпелье в 1623 году, Рединг в 1643 году, Генуя в 1799 году, Сарагоса в 1808 году, Данциг и Вильна в 1813 году и Торгау в 1814 году - все они рассказывают одну и ту же историю. С нашими недавно приобретенными знаниями о передаче сыпного тифа через вшей легко понять распространенность этого заболевания по эпидемической вирулентности среди осажденного и перенаселенного гарнизона. Мерчисон, чьи знания и опыт в области тифа не имели себе равных, без колебаний определил афинскую чуму как сыпной тиф, как из-за этого особого обстоятельства ее возникновения, так и из-за клинической картины в целом.

Мимолетные замечания Фукидида о причинах чумы показывают, что он не только превосходит суеверную доверчивость некоторых своих соотечественников, но и намного опережает наиболее просвещенное медицинское мнение своего времени. В Афинах все еще оставались люди, которые полагались на мольбы в храмах и запросы оракулов; но теперь эти меры были взвешены на весах и признаны недостаточными. Суровые испытания персидских войн преподали урок, что победа была наградой сильным, а не вознаграждением набожных; и с этим знанием погибла вся структура греческого политеизма. Так что теперь большая часть населения приписывала эпидемию естественной причине: лакедемоняне, несомненно, отравили колодцы. С этого дня и далее, вплоть до наших дней, этот призрак яда преследует по пятам чуму.

Фукидид не оставляет никаких сомнений относительно своих собственных взглядов: он творил добро по сверхъестественной причине, хотя и признается в своей неспособности определить точную причину, оставляя это другим для размышлений. Он констатирует и безоговорочно принимает передачу инфекции от человека к человеку. В этом его великий современник, Гиппократ, сильно отстает от него. Разум Отца Медицины все еще находился в плену у ранних греческих физиков. Считая, что болезнь вызывается у человека телесными нарушениями, связанными либо с характером вдыхаемого воздуха, либо с принимаемой пищей и питьем, Гиппократ неизбежно придавал главное значение изменениям в атмосфере, которым в равной степени подвергались все люди. Он действительно признает возможность его заражения чужеродными гнилостными выделениями, но, несмотря на все это, первостепенное значение, по его мнению, имеют простые физические изменения в его строении. О передаче инфекции от человека к человеку он не имел ни малейшего представления, и для него, как и для Галена, и даже для нашего Сиденхэма единственным критерием эпидемичности была распространенность болезни на большое количество людей одновременно.

Для изучающего историю медицины не будет ничего удивительного в том, что Фукидид видел незамутненным зрением то, что Гиппократ видел до сих пор только через темное стекло. Медицина во все века была рабыней правдоподобных предубеждений, и для профессионального самодовольства унинительно просматривать длинный ряд непрофессиональных авторов, начиная с Фукидида и далее, которые принимали заражение как доказанный факт, прежде чем пелена спала с глаз мракобесивой науки. Из многих мы можем перечислить Аристотеля, Лукреция, Диодора Сицилийского, Вергилия, Овидия, Дионисия Галикарнасского, Ливия, Сенеку, Силия Италика, Плиния старшего и Плутарха: хотя до Аретея Каппадокийского, во втором веке после Рождества Христова, мы не встречаем четкого и недвусмысленного признания ни у одного автора-медика. Наука, не обремененная литературой, склонна вызывать умственную близорукость, и нам, людям медицины, не мешало бы поразмыслить над историей Архимеда, который, рисуя математические фигуры на песке, ценой своей жизни проглядел тот факт, что город попал в руки врага.

Хотя Фукидид был первым из дошедших до нас авторов, четко сформулировавшим доктрину заражения, есть основания полагать, что восточная медицина уже усвоила эту идею. Левитские таинства, по-видимому, признают это в случае проказы. Это правда, что они достигли своей окончательной редакции только после времен Фукидида, но в то же время они представляют собой свод гораздо более древних традиций.

Фукидид осторожно утверждает, что это время года не было болезненным, поскольку сам Гиппократ объяснял эпидемию жарой и южными ветрами, загрязняющими атмосферу, и, следуя примеру Акрона и Эмпедокла Агригентских, пытался изменить состав атмосферы в сезон эпидемий путем разжигания больших пожаров. Акрон стремился только снизить его влажность, но Гиппократ, возможно, стремился уничтожить путем окуливания гнилостные выделения, образующиеся из-за высокой температуры воздуха. Его примеру скрупулезно следовали во время чумы в Лондоне в 1666 году и в Марселе в 1720 году. Сравнение Фукидида с Диодором Сицилийским мало что говорит в пользу последнего. Диодор утверждает, что три различных фактора вызвали чуму в Афинах своими согласованными действиями. Во-первых, предыдущей зимой выпало так много дождей, что почва стала насыщенной и переувлажненной; вслед за этим необычайно жаркое лето привело к выделению из почвы гнилостных выделений, которые загрязнили воздух. На самом деле мор был порождением болотных миазмов. Считалось, что Эмпедокл из Агригента избавил Селин от эпидемии в пятом веке до нашей эры, осушив его болота, и сохранившаяся монета увековечивает это событие, а Гиппократ четко осознавал связь периодических (то есть малярийных) лихорадок с болотами.

Во-вторых, он ссылается на нехватку хорошей пищи как на сопутствующую причину, поскольку дождь также повредил зерно. Это не было необоснованным предположением, поскольку распространение грибка спорыньи в зерне ржи после сезона дождей привело к многочисленным и широко распространенным эпидемиям эрготизма.

В-третьих, не дули этесийские ветры, так что воздух стал перегретым, воспаляя человеческие тела всевозможными жгучими болезнями. Диодору достаточно того, что Гиппократ, Лукреций и другие постулировали эти причины эпидемии, чтобы обеспечить им признание в трезвом изложении его истории. Фукидид отказывается даже обсуждать такие расплывчатые гипотезы и выбирает для себя лучшую часть описания действительных симптомов болезни, поскольку он испытал их на собственном опыте и был свидетелем их в страданиях других, так что любой человек, знакомый с ними, мог бы сразу распознать расстройство в случае его повторного появления.

Таким образом, Фукидиду принадлежит заслуга не только первого подробного описания реального посещения мора, но и описания, которое в каждой строке передает истинный дух истории, запись событий прошлого как средство более точного прогнозирования будущего — дух, который вдохновляет его во всех его исторических работах, чтобы дать "истинную картину событий, которые произошли, и подобных событий, которые, как можно ожидать, произойдут в будущем в порядке человеческих вещей" — весь долг историка, который даже Геродот не осознавал в полной мере. до него. Он так озабочен тем, чтобы его читатели увидели вещи такими, какими видел их он, и извлекли из них те же уроки, что и он сам, что при случае готов манипулировать своим повествованием, как, например, когда он помещает великую Надгробную Речь Перикла в непосредственное сопоставление с повествованием о чуме, несомненно, для усиления драматического эффекта. Его картина чумы настолько ярка и убедительна, что трудно поверить, что прошло около десяти лет, прежде чем он взялся за перо, и около тридцати или больше, прежде чем все это приобрело свою нынешнюю форму. Неудивительно, что Лукреций, Прокопий, Боккаччо и Фруассар отдавали дань сознательного подражания этому мужественному повествованию. (*См. Приложение.*) [49]

Фукидид был первым, кто нарисовал картину деморализации общества в присутствии эпидемии — тема, ставшая привычной для более поздних историков чумы. Бесполезность врачей, безжалостное наступление эпидемии, страдания больных, пренебрежение к мертвым, осквернение храмов, кощунственные похоронные обряды - эти сцены и тому подобное составляют калейдоскоп человеческих страданий. Священные узы родства рухнули под жестоким чувством страха. Повсюду царило беззаконие, поскольку люди, видя неопределенность жизни и богатства, решили наслаждаться, пока могли. Те, кто видел, как все погибают одинаково, думали, что поклонение богам или пренебрежение ими не имеет значения.

Трудно определить, какие следы чумы можно найти в современном греческом искусстве и архитектуре. Некоторые считают, что статуя Афины Здоровья, установленная афинянами сразу за восточным портиком Пропилей, была установлена в память о том, что в Афинах закончилась эпидемия чумы. Ее культ был намного старше этого и, возможно, восходит к какому-то примитивному представлению о Матери-Земле, великой защитнице всех своих детей, подобно тому как в христианской агиологии Мадонна Здоровья защищает их от чумы.

Павсаний [50] рассматривает романтический храм Аполлона в Бассах как памятник избавления Фигалии от нашествия этой чумы в 430 году до н.э. Кажется, он делает такой вывод из посвящения храма Аполлону под его фамилией Помощник (Ἐπικούριος). С другой стороны, мы знаем из Фукидида [51], что чума едва коснулась Пелопоннеса. Маловероятно также, что афинский архитектор Иктинус, который, по словам Павсания, построил его, работал бы на пелопоннесцев во время войны с Афинами.

Такое же сомнение возникает и в отношении атрибуции храмов Аполлона-Помощника в Элиде и Пана-Избавителя в Трезене, и традиция, по-видимому, в каждом случае связана с фамилией бога в сочетании с датами их возведения.

Павсаний [52] говорит, что статуя Аполлона, Отвращающего зло (Ἀλεξίκακος), созданная Каламисом, была установлена в Афинах в память об избавлении от чумы, но этого не может быть, поскольку Каламис был мертв до начала чумы.

Однако такие посвящения были достаточно распространенным явлением. Когда Эпименид освободил Афины от эпидемии, он очистил город и воздвиг святилище Эвменид, а жители Танагры [53] аналогичным образом выразили свою благодарность Гермесу, несущему Барана (κριοφόρος), поручив Каламису возведение статуи в его честь.

Пуссен написал картину "Афинская чума", которая сейчас находится в галерее сэра Фредерика Кука в Ричмонде. Это унылая деревянная композиция, которая самым неблагоприятным образом сочетается с его "[Чумой в Ашдоде](#)", несмотря на близкое сходство инцидента и эпизода, которые она изображает.

ГЛАВА III

В отличие от Греции, молодой Рим неоднократно подвергался эпидемиям: эпидемии отмечали страницы его истории. Мы увидим, какой глубокий отпечаток они оставили на зарождающейся религии, литературе и искусстве Рима.

Сначала эти эпидемии, должно быть, были эндемическими и, без сомнения, распространялись на обширных болотах, которые простирались внутри города и вокруг него на многие мили, поскольку Рим тогда не был торговым городом. Свой хлеб она получала из Италии и Сицилии и практически не поддерживала сношений с Египтом вплоть до завоевания Карфагена. И все же, несмотря на многочисленные сохранившиеся записи о ее эпидемиях, нет ни одной, природу которой можно было бы определить до настоящей Эпидемии Григория Великого.

Согласно Плутарху [\[54\]](#) на восьмом году правления Нумы Помпилия (707 г. до н.э.), через сорок шесть лет после основания города, в Италии и Риме случился мор: легенда об этом полна интереса. Во время него с небес в руки Нумы упал медный щит. Эгерия и Музы рассказали ему о его значении. Он был послан с небес для сохранения города, и чтобы предотвратить его кражу, еще одиннадцать должны были быть сделаны настолько точь-в-точь похожими на него, что ни один вор не смог бы отличить их от остальных. Немедленное прекращение эпидемии, казалось, подтверждало эту интерпретацию. Некто Ветурий Мамурий успешно изготовил одиннадцать копий, и Нума передал все щиты салиям, названным так из-за танца, который они водили по улицам, когда в марте месяце они несли священные щиты по городу. "По этому случаю, - говорит Плутарх, - они облачены в пурпурные жилеты, подпоясаны широкими поясами из меди; они носят также медные шлемы и вооружены короткими мечами, которыми они ударяют по щитам, и в такт этим звукам отбивают ритм ногами. Они двигаются приятным образом, выполняя определенные вращения и эволюции быстро, с энергией, проворством и легкостью.... Наградой, которую Мамурий получил за свое искусство, как нам сказали, была ода, которую салии исполнили в память о нем вместе с пирровым танцем. Некоторые, однако, говорят, что в этом сочинении прославлен не Ветурий Мамурий, а *vetus memoria*, древнее воспоминание о вещи.' Легенда безошибочно свидетельствует о какой-то искупительной церемонии, впервые введенной для избавления от определенной чумы, но впоследствии, ввиду постоянного повторения, совершаемой два раза в год. Плутарх опускает одну важную особенность салического ритуала - вождение одетого в кожу человека по имени Мамуриус Ветуриус (старый Марс) по улицам, в то время как салии осыпали его ударами и выгнали из города. Примеры в древнем фольклоре [\[55\]](#) козлов отпущения животных и людей для изгнания чумы настолько многочисленны, что мы вполне можем искать интерпретацию этой салической церемонии в постоянстве этой концепции. Танцы, пение и бряцание щитами, возможно, были предназначены для того, чтобы изгнать злого демона из города, прежде чем передать его козлу отпущения Мамурию. В Танагре юноша, ежегодно обходивший стены города с бараном

на плечах, делал это как представитель Гермеса, несущего Барана, который таким же образом предотвратил чуму. [56]

Плутарх обсуждает значение этих щитов, называемых, как было сказано, Анцилиями из-за их изогнутой формы (ἄγκυλον). Он предлагает в качестве альтернативы деривации, ἀνέκαθεν = от: или ἄκεις = исцелении больного: или αὐχμῶν λύσις = прекращения засухи: или ἀνάσχεσις = избавления от бедствий. Но каким бы ни было этимологическое значение, их ритуальная цель, по-видимому, заключалась в том, чтобы отразить дротики мора, а салический церемониал был посвящен чести отправителя. Богом он не был, ибо религия Рима времен Нумы не знала богов в человеческом обличье: они были более поздним заимствованием из антропоморфной религии Греции. Он был каким-то *нуменом*, какой-то силой, менее личной, чем бог, но более личной, чем дух. Именно он своими злыми махинациями вызвал мор. Легенда снова возвращает нас к границам имитационной магии. Верно, что создан не возбудитель чумы, не медный змей, не мыши, не изумруды, но носитель освобождения, "твой щит".

В более поздние годы Салии фигурировали как коллегии жрецов, посвященные сначала поклонению Марсу, а позже и Квирину. Трансформация способствовала сокрытию их истинного происхождения, которое утверждает Плутарх и с которым есть все основания согласиться. Изначально Марс был не богом войны, а богом земледелия и, подобно Аполлону, охранял урожай. Одновременно с трансформацией ритуал приобрел более воинственный характер: салии исполняли военный танец в полном боевом облачении, когда процессия проходила через город дважды в год, в марте и октябре. Начало и конец сезона эпидемии незаметно перетекли в начало и конец сезона предвыборной кампании. Гораций [57] рассказывает об олдерманском великолепии их праздничной трапезы.

Гимн Салиев был написан архаичными сатурнианскими стихами, фрагменты которых дошли до нас. Квинтилиан [58] говорит, что к первому веку до нашей эры примитивный язык, передававшийся с точностью до слов из поколения в поколение, стал непонятным для тех, кто его церемонно декламировал. Один фрагмент поучителен по своему значению:

Кумэ тонас, Левсези, праэ тет тремонти, Куом тибей куней, декстумум тонарент.

("Когда ты гремишь, бог Света, они трепещут в твоём присутствии, когда стрелы молний бушуют из твоей десницы".) Эти строки напоминают фигуру Аполлона-Дальнобойщика из "Илиады" и его призыв в "Тиранне Эдипе".

Мор снова был в Риме незадолго до смерти Тулла Гостилия [59] в 640 году до н.э. сам Тулл заболел и во время своей болезни возродил все суеверные обычаи, хотя, когда был здоров, делал вид, что презирает религию. Люди также лелеяли убеждение, что, только получив прощение богов, они избавятся от чумы. Поэтому Тулл обратился к комментариям Нумы и, обнаружив, что Юпитеру Элицию следовало принести определенные жертвы (*elicere* = для получения информации), приступил к их совершению. Но поскольку он не сумел провести их должным образом, он не только не достиг своей цели, но и настолько вызвал гнев Юпитера, что тот поразил его молнией и превратил его и весь его дом в пепел. История Тулла Ливия хорошо иллюстрирует отношение римлянина к своему богу: это было практическое, а не духовное отношение, сделка, а не акт милосердия. Если римлянин платил все свои обряды поклонения богу, он имел право на возмещение в полном объеме. Снова и снова, под давлением эпидемии, неспособность бога выполнить свои обязательства заставляла римлянина попытаться счастья с чужеземными богами. Именно в таком духе Тарквиний Великий, [60] во время другой эпидемии чумы в 514 году до н.э. послал своих сыновей в

греческие Дельфы спросить бога, как избавиться от нее. Мору, таким образом, было суждено выковать множество звеньев в цепи, которая связывала Рим с Грецией.

В пятом веке до нашей эры Ливий и Дионисий Галикарнасский сообщают о постоянной череде эпидемий в Риме. Упоминается, по крайней мере, о восьми посещениях, и поскольку некоторые из них длились несколько лет, Рим в пятом веке редко мог быть свободен от эпидемии. И все же все это время она не только росла, но и фактически рассылала колонии.

О чуме в 473 году до н.э. у нас есть интересное повествование Дионисия Галикарнасского. [61] 'В начале года, ' пишет он, ' произошло много чудес и предзнаменований, которые наполнили город суевериями и страхом перед богами: и все авгуры и толкователи священных вещей заявили, что это были признаки божественного гнева, потому что некоторые обряды не были выполнены свято и чисто. Вскоре после этого чума, считавшаяся чумой, поразила женщин, особенно тех, которые были беременны, и погибло больше из них, чем когда-либо прежде. Ибо, когда у них случался выкидыш и они рожали мертвых детей, они умирали вместе со своими младенцами. И ни мольбы у статуй и алтарей богов, ни искупительные жертвоприношения, совершаемые от имени общества и частных семей, не приносили женщинам никакого облегчения.' Вслед за этим вперед вышел раб и обвинил Урбинию, одну из весталок, ухаживавших за вечным огнем, в нечистоплотности. Понтифики немедленно отстранили ее от служения, привлекли к суду, признали виновной и приговорили 'к порке розгами, проносу по городу и погребению заживо'. Один из ее провинившихся любовников покончил с собой: другого приказали публично выпороть, как раба, а затем предать смерти. После этого 'чума, поразившая женщин и вызвавшая среди них такую большую смертность, вскоре прекратилась'. Опять же, мор приписывается несовершенному выполнению какой-то детали ритуала, которая должна быть немедленно искуплена, если мы хотим умиловить насылателя мора. Его особая распространенность на женщин, казалось, вызывала у них чувство вины. Поэтому было оправдано, что жизнь женщины должна была стать искуплением. Таково самое раннее подробное свидетельство о человеческих жертвоприношениях во имя избавления от чумы, но мы будем встречаться с этим снова и снова в истории эпидемий мора. Несомненно, тигр в человеке лишь слегка заперт в своей человеческой клетке.

Человеческие жертвоприношения, вероятно, были распространены по всему миру в самые ранние века существования народов. Финикийцы [62] прибегали к нему во времена национальных бедствий, таких как эпидемия мора. Существует множество свидетельств из Библии [63] и в других местах, что человеческие жертвоприношения были обычным явлением в примитивной семитской религии. Израильяне были склонны утверждать, что они научились этим обычаям у народов, которых они вытеснили в земле Ханаан, но следует помнить, что они происходили из того же происхождения, что и эти расы. Павсаний [64] ссылается на легенду о Льве, который, как говорят, пожертвовал своими дочерьми по приказу оракула, чтобы спасти Афины от голода; и говоря о разрушенном городе Потнии [65] он говорит, что дельфийский оракул сказал им, что они избавятся от чумы, только принеся в жертву цветущего мальчика Дионису, который послал его за убийство своего жреца. На афинском празднике Таргелия в мае мужчину и женщину провели по городу и забили камнями до смерти за его стенами, мужчину для мужчин и женщину для женщин; аналогичная практика сохранялась и на Сатурналиях в Риме. Но с развитием цивилизации человеческие жертвы заменили заменители животных.

Филострат [66] приводит еще один примечательный пример человеческих жертвоприношений для избавления от эпидемии. Эфесяне призвали Аполлония (первый век нашей эры), чтобы тот пришел и остановил эпидемию. По прибытии он сразу же принялся

ободрять горожан и собрал их в театре, где сейчас стоит статуя Аверрунка. Здесь они нашли отвратительного старого нищего, которого Аполлоний приказал им забить камнями до смерти, как врага богов. Как только они принялись побивать его камнями, из глаз старого нищего полыхнул огонь, так что они поняли, что это демон. После того как они убили его, Аполлоний приказал им убрать камни из трупa, и они обнаружили вместо человеческого тела свирепую собаку, изрыгающую пену, словно обезумевшую.... Форма, которую приняла эта собака, была похожа на ту, что была придана статуе Аверрунка.

Жажда крови панического ужаса, нашедшая свое удовлетворение в убийстве Урбинии, является прямым потомком хладнокровного ритуала человеческого жертвоприношения: ни одна человеческая страсть не является столь жестокой, как страх. Но нам не удастся найти даже этого оправдания пыткам и убийствам "ункторов" как в Генуе, так и в Милане, а также массовому истреблению евреев во время "Черной смерти", совершенному в рамках юридического процесса, гораздо более преднамеренного, гораздо более длительного и гораздо менее страстного, чем любой обряд человеческого жертвоприношения.

Во время эпидемии 461 года до н.э. смертность была настолько велика, что возникла необходимость выбрасывать тела умерших в Тибр. Ливий [67] говорит, что эпидемии предшествовала эпизоотия крупного рогатого скота и что необходимость содержания скота в пределах стен из-за вторжения на римскую территорию экванов и вольсков усилила злокачественность чумы. В этот кризис бедствий Сенат приказал народу молить о защите богов. Эти 'мольбы' принимали форму искупительных процессий и, по-видимому, были перенесены из Греции в Рим. Подобно салическим процессиям, они двигались под звуки музыки и пения, посещая святилища богов, падая ниц перед их статуями, обхватывая их колени и целуя их руки и ноги. Ливий [68] утверждает, что боги-хранители и удача города спасли Рим на этом этапе, поскольку страх перед эпидемией побудил врага перенаправить свое наступление на более богатую и здоровую территорию Тускулана. Непосредственно перед этой вспышкой Ливий [69] говорит, что небо, казалось, было освещено чрезвычайно ярким светом. Неясно, какое небесное явление он имеет в виду, но оно примечательно, поскольку, возможно, предвосхищает стойкую веру более поздних времен в кометы как предвестников эпидемии.

Вера в астральное влияние на земные явления и на дела человечества была повсеместной и восходит к доисторическим временам. Гиппократ считал, что каждый врач должен разбираться в астрологии. Зависимость времени года от небесных тел и сезонная распространенность эпидемических заболеваний были очевидными фактами для всех, так что для древних было, по-видимому, разумно утверждать о влиянии небесных тел на болезни, хотя, когда это доходило до крайности, это становилось абсурдным. Когда мор редко отсутствовал, он должен был время от времени совпадать с определенными соединениями планет. Насколько глубоко вера пустила корни в медицине, показывают слова из предисловия к немецкому *гербарю*, [70] впервые опубликовано в 1485 году н.э.

‘Много раз и подчас Я размышлял про себя о чудесных деяниях Создателя вселенной: о том, как в начале Он сотворил небеса и украсил их прекрасными, сияющими звездами, которым Он дал силу влиять на все поднебесное. Также о том, как Он сформировал впоследствии четыре элемента: огонь, горячий и сухой воздух, горячую и влажную воду, холодную и влажную землю, сухую и холодную — и придал каждому его собственную природу; и как после этого тот же самый Великий Повелитель Природы создал травы многих видов и животных всех видов, и, наконец, Человека, благороднейшее из всех сотворенных существ. Вслед за этим я подумал о чудесном порядке, который Творец дал этим же Своим созданиям, так что все, что находится под небесами, получает это от звезд и сохраняет с их помощью”.

Дионисий Галикарнасский [71] описывает еще одну страшную эпидемию в 451 году до н.э., которая унесла всех рабов и половину граждан Рима. Загрязнение Тибра мертвыми телами, казалось, усилило его разрушительные действия. В Риме и его окрестностях одинаково гибли люди и скот, и последовал голод, потому что земля оставалась невозделанной. Пока у людей были какие-либо надежды на помощь своих собственных богов, они обращались к ним с жертвоприношениями и всевозможными искуплениями. Но когда все это оказалось бесполезным, они принялись внедрять иностранные новшества в устоявшуюся религию Рима. В следующем посещении мы увидим, в каком направлении разочарованные римляне впервые обратили свои взоры.

В 435-430 годах до н.э. мор, [72], последовавший за засухой и эпизоотией крупного рогатого скота, свирепствовал в Риме и прилегающей стране за пределами возможностей человеческой выносливости. Частые землетрясения предшествовали большому всплеску вирулентности в 431 году до н.э.: казалось, сами силы природы объявили войну Риму. Люди возносили общую мольбу богам, повторяя формулы слово в слово вслед за дуумвирами, чтобы никакая ошибка в слове или слоге не могла аннулировать служение, но тщетно. Таким образом, поклонение Аполлону было перенесено из Греции в Рим, и в 431 году до н.э. в его честь был воздвигнут храм. Аполлон не мог быть совершенно незнакомым богом, поскольку сивиллиные книги, по крайней мере, должны были познакомить Рим с его именем. Но с этого времени он натурализуется как главный римский бог. Из его храма во время эпидемии по улицам города проходили искупительные процессии; и по мере того, как чума следовала за чумой, он шаг за шагом вытеснял старых местных богов.

В 395 году до н.э. мор [73] произвел такой хаос, что Сенат приказал обратиться к Сивиллиным книгам. Это сборник пророческих слов по-гречески, приведенный далее вдохновенные пророчицы и Сивиллы (Σίβυλλα = дорического Σιὸς βόλλα = Διὸς βουλή = воля Бога), пришла к выводу о его пути из Трояды в Кумах. Оттуда Тарквиний Гордый перевез часть в Рим и хранил ее на священном хранении, чтобы использовать по приказу Сената во время чрезвычайного положения в стране. Поскольку в этих книгах признавались боги и ритуалы азиатских греков, они сыграли ведущую роль во внедрении греческих богов и греческого ритуала в религию Рима. По этому случаю Сивиллиные книги предписывали праздновать *лектистерний*.

The *лектистерний*, который сейчас впервые появился в Риме, был праздником греческого происхождения. Перед божествами был устроен грандиозный публичный пир, изображения которого были расставлены на ложах. Выставка трех пар инопланетных богов - Аполлона и Латоны, Дианы и Геркулеса, Меркурия и Нептуна - выдавала его иностранное происхождение. Люди с богатым воображением видели, как они принимают пищу или в гневе отворачиваются от нее. Тем временем по всему городу разлились домашние пиры, на которые приходили как незнакомые люди, так и друзья, и даже освобожденные заключенные, каждый, чтобы получить свою долю. Двери были повсюду открыты, предлагая приют каждому случайному посетителю. Все вещи были общими. Ни один звук раздора не нарушал совершенного покоя. Люди были допущены к торжественному общению с богами, как греческие воины перед Троей разделяли со своими богами евхаристический пир в знак того, что чума была остановлена.

По совпадению с этой эпидемией в Риме, Диодор Сицилийский [74] описывает с некоторыми клиническими подробностями эпидемию, поразившую карфагенскую армию во время осады Сиракуз. Лакедемоняне помогали Дионисию и сиракузянам в борьбе с карфагенянами. Запись представляет интерес, поскольку показывает Диодора в роли вопиющего плагиатора Фукидида.

Но что касается карфагенян, то после того, как они разорили пригороды, разграбили храмы Цереры и Прозерпины, армию охватила чума, и, чтобы усилить и обострить месть богов против них, как время года, так и скопление людей, скопившихся вместе, в значительной степени усугубили их страдания: лето было более жарким, чем обычно, и сама местность вызвала неконтролируемую эпидемию. Незадолго до этого афиняне были сметены в том же самом месте эпидемией чумы, потому что это была болотистая и низменная местность. В начале болезни, перед восходом солнца, их тела падали, дрожа от холодного воздуха, поднимавшегося от воды; но около полудня они задыхались от жары, потому что были прижаты так тесно друг к другу. Южный ветер занес среди них заразу и разметал их грудями, но на какое-то время они похоронили своих мертвецов. Но когда число умерших возросло до такой степени, что даже те, кто ухаживал за больными, были отрезаны, никто не осмелился приблизиться к зараженному, ибо чума казалась неизлечимой. За первые катары верхних дыхательных путей и отеки на шее (περί τὸν τράχηλον οἰδήματα) были вызваны зловоние разлагающихся трупов, которые лежали непогребенными, и гниение почвы. Затем последовали лихорадка, боли в мышцах позвоночника, тяжесть в конечностях, дизентерия и гнойнички (φλύκταιναι) по поверхности всего тела. Большинство страдало таким образом, но другие впадали в безумие и забывали обо всем, и, мечась рассеянно, поражали каждого, кого встречали. Вся помощь врачей была напрасна как из-за силы болезни, так и из-за внезапности, с которой она уносила многих людей, ибо в разгар ужасных страданий они обычно умирали на пятый или, самое позднее, на шестой день, так что те, кто погиб в бою, считались всеми счастливыми. И далее, было замечено, что все, кто ухаживал за больными, умерли от одной и той же болезни, и что усугубляло страдания, так это то, что никто добровольно не подходил к страждущим и измученным, чтобы помочь им. Ибо не только незнакомые люди, но даже братья и близкие друзья были вынуждены из-за страха заражения покинуть друг друга".

Диодор, по-видимому, использовал клинические симптомы нескольких различных заболеваний, чтобы усилить эффект своего описания. Сочетание гнойничков на теле с припухлостями на шее наводит на мысль о настоящей чуме, но на этом сходство заканчивается. У Диодора Сицилийского есть и другие описания мора, которые демонстрируют ту же эклектичную тенденцию.

В 363 году до н.э., после одной или двух более умеренных вспышек, в Риме начался новый период эпидемии [75]. Плутарх говорит, что это унесло огромное количество людей, большинство должностных лиц и самого Камилла. Когда ничто другое не смогло умиловить богов, из Этрурии были привезены сценические пьесы. До сих пор у римского народа были только цирковые представления. Ливий описывает их приобщение к Риму в мельчайших деталях, прослеживая развитие обычных сценических представлений на основе этих грубых сценических представлений. 'Из Этрурии, - говорит он, - были вызваны актеры, которые без всяких песен или подражательных жестов регулировали свои движения в такт музыке и демонстрировали в тосканской манере отнюдь не лишённые изящества танцы'. Для древних движения тела были языком, столь же знакомым, как движения языка. 'Мне показалось, - продолжает он, ' что следует обратить внимание на первоначальное происхождение пьес, чтобы было видно, как от скромного начала они дошли до своей нынешней экстравагантности. Однако первое представление пьес, задуманное как религиозное искупление, не избавило их умы от религиозного трепета, а тела - от болезней. 'Действительно, Тибр затопил цирк и прервал представление, как будто боги презрели их усилия по искуплению. Так популярное развлечение, наконец, пришло на смену популярному искуплению, породив в процессе драматическое развлечение. В этом

отношении мы обнаружим, что история повторяется с поразительным сходством во времена чумы в Средние века.

Таково было происхождение и эволюция сценических пьес (*ludi scenici*), представленных в первую очередь для того, чтобы отвлечь разум и дух от сокрушительной катастрофы мора. За посещением последовало землетрясение, которое, как говорят, открыло зияющую пропасть на Форуме, в которую бросился Манлий Курций в полном вооружении — добровольный человеческий козел отпущения, принесенный в жертву разгневанным богам.

Когда эти различные меры не смогли ослабить эпидемию, был торжественно возрожден старый обычай забивать гвоздь в храм Юпитера. Изначально целью этой практики было составление календаря лет. Но однажды, когда диктатор вбил гвоздь, эпидемия немедленно прекратилась. Итак, теперь утверждалось, что, если диктатор, а не простой судья вбьет гвоздь, эпидемия прекратится. Так говорит Ливий, но есть множество свидетельств, как из древней литературы, так и из современных фольклорных преданий, что он упустил реальное значение этого поступка. Мы находим следы распространенной во всем мире веры в возможность передачи пороков тела, так же как и пороков души, какому-то другому существу, животному или вещи. Козел отпущения знаком всем, и мы знаем из книги Левит, [76] что при очищении прокаженного евреи отпускали птицу улетать. Плиний [77] также сообщает нам, что римским средством от эпилепсии было вбивание гвоздя в землю, куда эпилептик ударился головой при падении: аналогичное средство от зубной боли практиковалось во Франции и Германии, а от лихорадки - в Саффолке. [78] В каждом случае идея заключалась в том, чтобы быстро схватить злую тварь и таким образом помешать ей вернуться и причинить неприятности своему бывшему хозяину. История, приведенная Л. Стрейкерджаном, [79] и процитированная Фрейзером, подходит к сути еще ближе. Во время Тридцатилетней войны чума пришла из Нойенкирхена в Ольденбурге на соседний фермерский дом в виде голубого пара и, проникнув в дом, проникла через дыру в дверном косяке. Фермер схватил колышек и вбил его в отверстие, чтобы он не вылез. Через некоторое время он вытащил колышек, полагая, что опасность миновала, но оттуда снова повалил голубой пар. Каждый член несчастливой семьи стал жертвой чумы.

В 348 году до н.э. мор [80] снова распространился, и *лектистерний* был замечен на примере Сивиллиных книг.

В 331 году до н.э. Рим снова оказался во власти опустошительной эпидемии. [81] Число членов Сената уже погибло, когда к эдилам пришла рабыня и заявила, что жертвы умерли от яда. Она показала бы им матрон, на самом деле занимающихся приготовлением ядов, и запас, приготовленный к употреблению. Действительно, наркотики были обнаружены у двух женщин патрицианского происхождения, Корнелии и Сергии, и, несмотря на их протесты о том, что они безвредны, они были вынуждены проглотить их и стали жертвами своих собственных гнусных замыслов. Сто семьдесят матрон были замешаны в их вине и заплатили за это своими жизнями. Рим устроил человеческую катастрофу духу панического страха.

Мрачное подозрение о яде было высказано не в первый раз, поскольку афиняне подозревали лакедемонян в отравлении своих колодцев. Но теперь обвинение предстает как смертоносное и коварное оружие, готовое попасть в руки каждого печально известного или недоброжелательно настроенного доносчика. Отвратительный список жестокостей, совершенных над невинными жертвами, находящимися под влиянием этой иллюзии, составляет мрачную главу в истории эпидемического мора.

Перед лицом очередной эпидемии [82] в 312 году до н.э. снова был назначен диктатор, который забил гвоздь в храм Юпитера.

Мы видели череду римских эпидемий, почти не прерывавшихся на протяжении четвертого и пятого веков. Мы привыкли думать о римском характере, воспитанном в школе нескончаемых войн, но мы склонны забывать, что был другой, более суровый и беспощадный враг, почти всегда настороже у ее ворот, "мор, ходящий во тьме". В постоянной борьбе за существование на изуродованных полях сражений и эпидемиями, молодой Рим до сих пор не находил досуга для более возвышенных устремлений человеческого интеллекта и не развил ни литературы, ни собственного искусства, достойного ни того, ни другого названия. Поскольку греки и римляне были в равной степени отпрысками одной общей породы, должно было действовать какое-то сильное влияние, направившее развитие по совершенно разным путям: и, возможно, в эпидемии мора, с которой Греция была мало знакома по крайней мере до конца пятого века, мы можем искать одно из таких воздействий.

В 295 году до н.э., во время свирепого мора, Ливий [83] говорит, что сын консула построил храм Венеры недалеко от цирка за счет штрафов, наложенных на некоторых матрон, осужденных за супружескую измену, как будто их грех считался ее причиной. В Средние века мы также найдем множество церквей, построенных в память о конкретных бедствиях.

Всего два года спустя сильная эпидемия [84] вынудила магистратов обратиться к Сивиллиным книгам, и, повинаясь их указанию, из Рима были отправлены послы в Эпидавр, чтобы потребовать змея Эскулапа, в котором, по-видимому, воплотился бог. Сначала ничего не было сделано, кроме как посвятить один день мольбам Эскулапа. Но в следующем году послы отправились в путь под предводительством Квинта Огульния [85] и по прибытии в Эпидавр были доставлены в храм Эскулапа и приглашены унести все необходимое для спасения их города от эпидемии. После этого змей, который редко показывался эпидаврийцам, в течение трех дней появлялся в самых людных местах города, а затем сам по себе направился к римской галере, на которой его перевезли в Анций, после того как послы были проинструктированы, как воздавать почести богу. После недолгого пребывания там он вернулся на римскую галерею, и едва они достигли Тибра, как он поплыл к острову посреди течения, где впоследствии был посвящен храм Эскулапу. В память об этом событии сохранились монета Коммода [86] и медальон Антонина (см. [Таблицу I, стр.4](#)). По сей день на нескольких больших каменных блоках, отлитых в форме кормы корабля, на острове Тиберина можно увидеть рельефную голову Эскулапа со змеей, обвившейся вокруг его посоха.

Итак, именно эпидемия привела Эскулапа в Рим, как до него она привела Аполлона. В этом храме на Тибре ритуал исцеления бога процветал в течение нескольких столетий, и в ходе недавних раскопок было обнаружено множество обетных эмблем, изображающих больные части тела. С небольшими перерывами, да и те были непродолжительными, остров был посвящен лечебным работам вплоть до наших дней. Клавдий постановил, что больных рабов следует выставлять на острове, а те, кто выздоровеет, должны были получить свободу. Больница Сан-Джованни Калабита, основанная в 1575 году, стоит там до сих пор. В 1656 году весь остров был превращен в лазарет для жертв чумы.

У жрецов Эпидавра был постоянный обычай при основании нового святилища выпускать из святилища одну из священных змей. Павсаний [87] описывает прибытие Эскулапа из Эпидавра в Сикион в виде змеи в повозке, запряженной парой мулов.

До своего перевода в Рим Эскулап уже обладал всеми атрибутами божественности. Он перестал быть простым богочеловеком к тому времени, когда его поклонение достигло Афин из Эпидавра (420 г. до н.э.). Его змеиное происхождение было забыто настолько, что греки объясняли его связь со змеем предположением, что лекарство, подобно змее, ежегодно появляется в свежем виде.

В подсчете количества эпидемий, посетивших Рим, Ливий является главным авторитетом, и при этом следует иметь в виду, что его работа является неполной. Сохранились лишь эпитомы книг, относящихся к периоду с 293 по 219 год до н.э., а также к периоду с 167 года до н.э. до конца его истории в середине правления Августа. О том, что частые повторения эпидемий не прекращались, можно разумно заключить из регулярности их появления в те промежуточные годы, о которых сохранилось полное собрание его историй.

В 212 году до н.э. Ливий [88] описывает одновременную эпидемию в Сиракузах и Риме. Римский полководец Марцелл осаждал Сиракузы, когда эпидемия обрушилась как на осаждающих, так и на осажденных. Однако карфагенская и сицилийская армии пострадали больше, чем римляне, которые укрылись за стенами, чтобы восстановить здоровье. Сицилийцы также избавились от него, рассеявшись по своим городам, но он продолжал свирепствовать среди карфагенян, которым некуда было отступить. Описание Ливием пренебрежения к мертвым напоминает описание Фукидида, но сходство выражений не настолько велико, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что он заимствовал непосредственно у Фукидида. Он пишет: 'В конце концов, их чувства настолько ожесточились из-за того, что они привыкли к этим страданиям, что они не только не провожали своих умерших со слезами и достойными причитаниями, но даже не выносили их и не хоронили: так что тела умерших лежали разбросанными повсюду, выставленные на обозрение тех, кого ожидала подобная участь. И таким образом, мертвые были средством уничтожения больных, а больные - тех, кто был здоров, как из-за страха, так и из-за грязного состояния и отвратительного зловония их тел. Некоторые, предпочитая умереть от меча, даже бросались на аванпосты врага.' Ливий вполне мог описывать сцены на улицах Марселя во время чумы 1720 года нашей эры. Силиус Италик [89] описал эту чуму так же, как и Ливий, но это всего лишь поэтическая картина ее воображаемого распространения сначала на собак, затем на птиц, затем на диких зверей и, наконец, на человека.

Ludi Apollinares также были учреждены в 212 году до н.э., но Ливий утверждает, что они были учреждены в ознаменование военной победы, а не из-за восстановления здоровья, как обычно предполагается. В данных обстоятельствах одно предложение вряд ли должно исключать другое.

В течение полных трех лет, с 183 по 180 год до н.э., мор [90] бушевал в Риме, унося как высших, так и низших. Люди увидели в этом знак небесного гнева, и Верховный понтифик приказал обратиться к сивиллиным книгам. Позолоченные статуи и подношения были должным образом принесены в жертву божествам-целителям Аполлону, Эскулапу и Гигии, которые в течение долгих лет в лице Афины были покровительницами здоровья Афин. Теперь чума привела ее в Рим. В городе и его окрестностях была совершена молитва всеми, кто был старше двенадцати лет, просители носили венки на головах и держали в руках ветви лавра, посвященного Аполлону. Подозрения в отравлении свободно распространялись по городу, и Валерий Анциумский говорит, что расследование фактически привело к осуждению двух тысяч человек, и среди них Кварты Враждебии, жены консула, умершей от чумы. Столь великолепное искупление должно было успокоить разгневанных богов.

В 176-175 годах до н.э. в Риме снова свирепствовала эпидемия. [91] рассказ об этом интересен, потому что он утверждает, что, несмотря на большую смертность среди крупного рогатого скота и людей, ни в один из лет эпидемии не было видно стервятников. Рассматривая это наблюдение в его контексте, можно сделать вывод, что первыми пострадали стервятники, так что они были истреблены на месте, затем крупный рогатый скот, а затем человек, а вместе с ним, вероятно, и его собака. Фукидид уже привлек внимание к отсутствию стервятников во время чумы в Афинах, и с течением лет это наблюдение

оформилось в догмат веры, относящийся ко всем без исключения эпидемиям. В случае с чумой в Алеппо Рассел определенно отрицает это наблюдение.

С завершением истории Ливия мы вступаем в бесплодный период в истории римской эпидемии и можем ненадолго обратиться к некоторым аспектам эпидемии, представленным древней латинской поэзией.

ГЛАВА IV

В свою великую поэму "О природе вещей" (*De Rerum Natura*) Лукреций вставил описание афинской чумы, переведя летопись Фукидида в латинский гекзаметр. Его главный мотив при введении к книге - показать, что все главные явления природы, и эпидемия как одно из них, согласуются с атомной теорией, которую он перенял у Демокрита и Эпикура. Лукреций действительно предлагает атомарное объяснение мора, созвучное в своих основных чертах доктринам его современника Асклепиада. Мы можем рассуждать о неощутимом, утверждает он, только исходя из нашего знания о воспринимаемом. Наши глаза видят облака, спускающиеся с неба, и ядовитые пары, поднимающиеся в виде тумана с земли. Тогда наш разум не может безосновательно заключить, что чума также либо нисходит с небес в виде облаков, либо поднимается с пропитанной дождем земли в виде тумана. Так или иначе, атмосфера пропитывается вредными атомами, которые загрязняют ее. Эти частицы попадают в наш организм либо с воздухом, которым мы дышим, либо с загрязненной ими пищей и питьем, и таким образом провоцируют инфекцию. Такова, по его мнению, была причина чумы в Афинах.

Взгляды Лукреция относительно непосредственных причин эпидемии почти идентичны взглядам его современника Диодора Сицилийского. При каждом из них влага в виде облака или тумана загрязняет воздух или повреждает пищу и таким образом попадает в легкие или желудок. При каждом плохом ветре может возникнуть эпидемия: у Лукреция - из-за того, что вредная атмосфера заменяется благотворной; у Диодора Сицилийского - из-за того, что не удастся охладить воздух до соответствующей температуры, вызывая тем самым лихорадку. Для Лукреция облака, туманы и ветры являются переносчиками вредных частиц. В этой атомной теории заражения он смутно предвосхищает доктрину о ядах в виде частиц, которая занимала поле научных спекуляций в памяти ныне живущих людей. Но даже в этом случае Лукреций был менее близок к истине, чем его великий современник Варрон, [92] который на самом деле приписывает болезни животных живым организмам, находящимся за пределами человеческого зрения ("crescunt animalia quaedam minuta, quae non possunt oculi consequi, et per aera, intus per os ac nares perveniunt atque efficiunt difficiles morbos").

Для Лукреция эпидемия - это чисто естественный процесс, в котором нет места делу рук богов. Эту тему, в различных ее проявлениях, он яростно отстаивает на протяжении всей своей поэмы. Возможно, именно по этой причине он выбрал повествование Фукидида в качестве основы своей поэмы, поскольку Фукидид тоже относил эпидемический мор к естественной причине, а не к особому деянию какого-либо бога. Как и Фукидид, Лукреций безоговорочно принимает доктрину заразительности:

Qui fuerant autem praesto contagibus ibant Atque labore.

(Те, кто оставался под рукой, умирали от заразы и тяжелого труда.)

"Мор" также дает Лукрецию редкий текст для разоблачения пустого притворства государственного культа, который представлял собой теперь все, что сохранилось от религии в Риме. Мы видели, как большая часть римской религии время от времени зарождалась в необходимости изгнания нечистой силы; и мы видели, как народное суеверие возродило ритуал народного искупления. Теперь обращаются к сивиллиным книгам. Теперь в храм Юпитера вбивают гвоздь. Теперь Аполлона привозят в Рим, и в его честь воздвигают храм. Теперь Эскулап приходит в виде змеи, чтобы освободить Рим: теперь Гигиен. Теперь приносятся жертвы и устраиваются пиры перед статуями богов. Это ткань, которую Лукреций, воспламененный иконоборческим рвением, охотно разрушил бы, но не как враг религии, а как безжалостный враг религиозного притворства.

По литературной форме эта часть великой лукрецианской поэмы намного уступает остальным. Стихотворение в целом само по себе обладает суровым величием, но эта заключительная часть, сохранив всю суровость, утратила большую часть величия. Она производит впечатление просто грубо отлитой, ожидающей полировки, которой из-за преждевременной смерти поэта в 55 году до н.э. она так и не получила. Ошибка также может быть обнаружена в литературном содержании, поскольку местами он неправильно понимает язык Фукидида и искажает его смысл. Опять же, он кое-где включает фрагменты Гиппократовы и свои собственные фантазии в летопись Фукидида, как будто все болезни представляют собой единую клиническую фацию. Например, он воспроизводит как *кор кардία* Фукидида, который последний использовал, как и Гиппократ, для обозначения сердечной части желудка. Опять же, он неверно истолковывает Фукидида относительно влияния болезни на конечности. Он представляет *στερισκόμενοι τοῦτων* как *ferro privati*, тогда как ясно, что Фукидид имеет в виду, что части отслоились, а не были ампутированы. Казалось бы, Лукреций был сведущ в греческом языке своего времени, но этот язык больше не был греческим Фукидида и Платона. Лукреций также не пренебрегает полной вольностью, которую Гораций предоставляет поэту, и требования метра иногда вынуждают его не придерживаться строго своей модели: таким образом, он превращает критические дни в восьмой и девятый. Начинается один длинный отрывок

Multaque praeterea mortis tum signa dabantur

состоит из различных отрывков из Гиппократовы, переведенных на латинский стих. Они собраны из таких разнообразных частей трудов Гиппократовы, что указывают на значительное знакомство с ними. Черты гиппократовой фации воспроизведены в деталях. Дело в том, что Лукреций больше заботился о живописности, чем о точности своего описания, при условии, что это не ставило под угрозу логическую обоснованность основного тезиса и его дидактическую цель.

В своей картине мифической чумы, поразившей жителей Эгины, Овидий [93] В равной степени опирается на Фукидида, Лукреция и Вергилия, хотя есть определенные черты, которые имеют сильное сходство с Диодором Сицилийским. Его история такова, что Минос, царь Крита, второй царь с таким именем, отправляется в поисках союзников на остров Эгина и безуспешно обращается за помощью к его царю Эаку. Как только он отбыл, Кефал прибывает в качестве посла из Афин и получает помощь от Эака, который рассказывает ему о чуме, которая ранее свирепствовала на Эгине, и подробно останавливается на ее чудесном повторении. Овидий сохраняет достаточную независимость от своих моделей, чтобы мы могли составить хотя бы некоторое представление о современных представлениях

о море, хотя и в атмосфере древности. Сначала болезнь объясняли естественной причинностью, и поэтому с ней боролись с помощью лекарств:

Dum visum mortale malum tantaque latebat Causa nocens cladis, pugnatum est arte medendi.
Exitium superabat opem, quae victa iacebat.

Теперь существовала тенденция рассматривать эпидемию как естественный процесс, пока она не вышла за рамки привычных ограничений и не бросила триумфальный вызов ресурсам ортодоксальной медицины. Тогда народное воображение увидело в этом руку бога и немедленно вывело это за пределы признанной патологии. Итак, теперь Овидий приписывает эгинетскую чуму гневу Юноны, потому что остров был назван в честь ее неверной соперницы Эгины, которую Юпитер перенес туда и которая от него стала матерью Эака, царя Эгины. Но наряду с этим Овидий подчеркивает различные метеорологические явления, которые сопровождали эпидемию или предшествовали ей — землю, окутанную густой тьмой, сонную жару в облаках и постоянные горячие ветры, как будто он верил в какую-то тесную причинно-следственную связь. Он полагает, что вирус передается через воду, поскольку считалось, что фонтаны и озера заражены, а реки заражены ядом бесчисленных змей. Он подробно останавливается на эпизоотиях и развивает эту особенность гораздо больше, чем Ливий, и, верный обычному характеру римской эпидемии, он делает ее предшествующей эпидемии среди людей. Он твердо придерживается доктрины заразы, которая, по его мнению, передается как мертвыми, так и живыми. Описание мора Овидием разоблачает его поверхностную натуру. Он показывает себя не более и не менее как элегантным литературным пустяком. В легком течении его стихов и легких причудах его живописного воображения чувствуется безразличие к ужасной реальности, с которой он имеет дело. У него нет силы, подобно Фукидиду, проникнуть в глубины пафоса, и читатель отворачивается от его перечня страданий без чувства ужаса, тем более с чувством сочувствия. Тщетно искать какие-либо следы моральной серьезности Лукреция. Даже для его божеств пружины действия заключаются в низменных человеческих страстях. Каприз и ревность побуждают Юнону наслать мор: человечество - забава для этих немощей. Когда представления человека о Божественном Провидении пали так низко, было хорошо, что Имперский Рим остался без религии.

Манилий в своей *"Астрономике"*, [94], написанной о христианской эре, с уверенностью утверждает, что кометы предвещают эпидемию. Это верование, вероятно, намного старше Манилия, хотя трудно привести точные источники. Ливий [95] говорит о ярком свете в небе перед чумой 462 б.С.: 'coelum ardere визу есть plurimo зажигании, и Дионисий Галикарнасский [96] рассказывает розжиг костра в небеса до того, что из 450 б.С.: ἐν οὐρανῷ σέλα φερόμενα καὶ πυρὸς ἀνάψεις. Намеки, подобные этим, по-видимому, означают появление кометы. Вергилий [97] является еще более явной:

Non secus ac liquida si quando nocte cometae Sanguinei lugubre rubent, aut Sirius ardor, Ille sitim morbosque ferens mortalibus aegris Nascitur, et laevo contristat lumine coelum.

В их предполагаемом пагубном влиянии на человеческие дела в целом нет никаких сомнений. Тацит [98] придает им даже политическое значение, поскольку он говорит, что, по мнению народа, они всегда предвещают переворот в королевствах.

Сенека, [99] в своей *"Физической науке"* делает конкретное заявление о том, что "после сильных землетрясений обычно случается эпидемия". О совпадении этих двух понятий ранее упоминали Фукидид, Диодор Сицилийский, Ливий и другие, но Сенека, по-видимому, был первым, кто попытался определить точное отношение одного к другому. Во время кампанского землетрясения 63 года н.э. недалеко от Помпей при загадочных

обстоятельствах погибло стадо из 600 овец. Сенека полагает, что землетрясения высвобождают ядовитые пары, заключенные в земле или скопившиеся в болотах, которые загрязняют воздух. Он считает, что больше всего страдают стада, потому что они живут на открытом воздухе, а также пьют отравленную воду. Они также питаются, пригнув головы к земле, и таким образом получают концентрированный яд до того, как он станет разбавленным: и затем он добавляет: 'Если бы он выделялся в большем объеме, это повредило бы и человеку, но обильный приток чистого воздуха нейтрализовал его, прежде чем он смог подняться достаточно высоко, чтобы им мог дышать любой человек'. И он продолжает: 'Лучшее всегда побеждается худшим. Тогда даже чистый воздух небес превращается в зловонный. Отсюда происходят внезапные и непрерывные смерти и зловещие формы болезней, которые возникают по беспрецедентным причинам. Катастрофа может быть длительной или кратковременной в зависимости от силы источников инфекции. И чума не прекратится до тех пор, пока свобода небес и порывы ветра не прогонят этот роковой воздух'.

Сенека, вероятно, наткнулся на истинное объяснение гибели кампанских овец, поскольку Гейки говорит, что после извержения Везувия в результате выброса углекислого газа задохнулись сотни зайцев, куропаток и фазанов. Сенека, в соответствии с ученым мнением своего времени, рассматривает вулканы и землетрясения как тесно связанные явления. Землетрясения рассматривались в основном как результат сильного волнения воздуха. Нибур, как и Сенека, выражал твердую веру в землетрясения и извержения вулканов как причины эпидемий, и этот тезис пытались обосновать многие авторы. Даже сегодня возникает соблазн порассуждать о миграциях крыс, приведенных в движение подземной активностью. Но тщательный анализ достаточной серии землетрясений и эпидемий дает мало подтверждений такому предположению. Каждое из них может происходить одинаково до или после, с другим или без другого, и их частое совпадение в древней истории означает не что иное, как то, что внимание историков было сосредоточено, почти исключительно, на узком участке земли у берегов Средиземного моря, где землетрясения были и остаются общеизвестно частым явлением. Через два года после великого землетрясения Кампания была опустошена ураганом, а Рим опустошен эпидемией. Тацит [100] говорит, что эпидемия уничтожила 'все классы людей без какого-либо такого нарушения атмосферы, которое было бы заметно. И все же дома были заполнены мертвыми телами, а улицы - похоронами.' Тацит без колебаний заявляет о возникновении эпидемии естественным, а не сверхъестественным путем.

79 год н.э. навсегда запомнился разрушением Геркуланума и Помпей. За этим последовала эпидемия, которую Дион Кассий приписывает пеплу Везувия. Пыль вызвала подозрения с самых отдаленных времен древности. Во время Исхода Моисею было велено посыпать землю прахом перед небом. 'И превратится она в прах по всей земле Египетской, и будет нарыв, распространяющийся на человека с язвами'. Ливий и Плутарх объясняли чуму, вспыхнувшую среди галлов во время осады Рима при Бренне, пылью и пеплом от сожженных ими домов. Филон также приписывает мор, случившийся примерно в 92 году н.э., горячей пыли, раздражавшей кожу.

Дион Кассий [101] упоминает чуму, вспыхнувшую в правление Домициана (81-96 гг. н.э.), и которая может совпадать с той, что упоминается Филоном. 'Определенные люди,' говорит он, - натыкали отравленные иглы и принимались колоть, кого хотели: несколько уколотых умерли, ничего не зная об этом; но некоторые из негодяев были разоблачены и наказаны; и это произошло не только в Риме, но, так сказать, по всему миру'. Какое-то начальное точечное извержение, возможно, имитировало укол иглой. Вере в распространение чумы

путем кожного введения яда было суждено процветать на протяжении многих веков. Дион Кассий [102] сам повторяет это утверждение в случае другой эпидемии в правление Коммода (187 г. н.э.): 'В правление Коммода произошла самая жестокая болезнь, которую я когда-либо знал: в Риме две тысячи человек часто умирали за один день. Но многие умерли не только в Риме, но и во всех частях империи другим способом: негодяи, отравляя маленькие иголки определенными ядовитыми веществами, передавали болезнь таким способом за плату: это делалось уже в царствование Домициана.' Затем в течение трех лет голод и мор работали рука об руку, разрушая Рим, и народ в своей ярости требовал жертвы. Приятная жертва оказалась кстати во фригийском вольноотпущеннике Клеандре, жадном и печально известном министре Коммода. Горячо обсуждалось, что Клеандр припас пшеницу, и обезумевший народ, хлынувший во дворец Коммода, требовал головы ненавистного фаворита. Император, опасаясь за свою собственную жизнь, по просьбе придворных женщин потребовал, чтобы голова Клеандра была выброшена из дворца на всеобщее обозрение. Зрелище этого кровавого искупления утихомирило ярость толпы. По совету своих врачей [103] Сам Коммод поспешно отступил в Лаврентум, чтобы найти противоядие в аромате его обильных лавров. Те, кто остался в Риме, смазывали свои носы и уши сладкими мазями, чтобы нейтрализовать зловонные испарения зараженных тел и заразную атмосферу. Наконец, обнаруживается римский император, который во время эпидемии консультируется — не с сивиллиными книгами, не с оракулом, не с предзнаменованиями, — а с врачом и повинуетя его указаниям. Медицина с опозданием вступила в свои права, и сарказм Плиния о том, что Рим процветал в течение 600 лет без врачей, утратил свою остроту. Но вскоре мы увидим, что час профессионального возвышения еще не наступил.

Великая антонинова чума — долгая чума, как называет ее Гален, поскольку она длилась не менее пятнадцати лет [104] — была принесена в Рим с Востока сирийской армией Вера около 165 г. н.э. Аммиан Марцеллин [105] начинается со святотатственной глупости нескольких римских солдат при разграблении города Селевкия. Эти люди сорвали с места статую Аполлона, и из узкого отверстия под ее пьедесталом вырвалась эпидемия, неся смерть повсюду, куда бы она ни пришла. Юлий Капитолин (ок. 300 г. н.э.) подтверждает заявление Аммиана Марцеллина, за исключением того, что он проследивает источник происхождения маленького золотого ларца в том же храме Аполлона. Перенесенный оттуда победоносной армией в Рим, он нашел там благоприятные условия для своего распространения в виде уже существовавшего голода, скопления солдат и скопления зрителей, пришедших посмотреть на должным образом отпразднованный триумф объединенных императоров. Данных о смертности в Риме не существует, но говорят, что она была очень велика. Мертвых тел было так много, что их везли на похороны, сложив в телеги. Аврелий [106] отдал должное умершим на публичных похоронах и воздвиг статуи в память многих людей высокого положения. Его философия, хотя и противоречила религиозным верованиям, не доказала свою несостоятельность против религиозных суеверий. Весь языческий ритуал искупления был продемонстрирован от имени обезумевшего города. Заброшенное поклонение богам возродилось с новой силой, и к помощи тех, кто был наиболее могущественен в подобных обстоятельствах, стали охотно обращаться за помощью. Для очищения города была торжественно проведена люстрация, и *лектистерний* праздновался целых семь дней. Народ был легко заражен суевериями своего государя, и с этого времени можно датировать краткое возрождение поклонения изжившим себя языческим божествам. Аврелий стремился даже умиловить гнев национальных богов путем гонений на христиан, религия которых была оскорблением их величества. Христианский хронист Орозий, [107] приписывает эпидемию фактически преследованиям христиан, которые вспыхнули в Азии и Галлии до ее начала. Все, что известно наверняка, это то, что такое преследование было следствием, если не причиной. Сохранившаяся в Париже гравированная яшма кровавого

цвета, фигурирующая в *Истории Академии надписей и художественной литературы*, сохранилась в памяти о жертвах, которыми Марк Аврелий пытался отвести чуму. Duguy [108] описывает ее особенности:

‘Марк Аврелий как суверенный понтифик: на его покрытой вуалью голове земной шар, символ его суверенной власти; позади него посох авгура: лицом к императору Рима в шлеме и Эскулапу с рогами: под Аврелием Гигиен, или Здоровье: наконец, голова Фаустины. Стрелец, занимающий центр, отмечает время жертвоприношений, приносимых в ноябре или декабре.’

Некоторые сделали вывод из отрывка Юлия Капитолина, что сам Марк Аврелий умер от этой чумы в 180 году н.э. Описывая свое смертное одро, Капитолин говорит, что он поспешно попрощался со своим сыном, опасаясь сообщить ему о своей болезни.

Нибур считает, что древний мир так и не оправился от опустошения, вызванного этой эпидемией. С его помощью он прослеживает упадок римской литературы и искусства в последующие годы и указывает на аналогичные результаты в Греции от афинской чумы, а в ранней немецкой и ранней флорентийской литературе - от Черной смерти 1348 года нашей эры. Но семена упадка в Римской империи уже были посеяны, как это было в Афинской империи до Пелопоннесской войны. Сам Перикл с самого начала предупреждал афинян о далеко идущих последствиях неудачи. Позже мы также увидим, что в случае с ранней флорентийской литературой ее временное исчезновение было вызвано другими, более сильными влияниями, чем мор. Урок, который следует извлечь из всестороннего обзора истории чумы, скорее всего, заключается в том, что в обществе, как и в отдельном человеке, здоровое телосложение устраняет последствия болезни, которая поражает прямо в цель, когда ослаблена способность сопротивляться. Несомненно, так было и с бесконечной чередой эпидемий, обрушившихся на Рим как в юности, так и во взрослой жизни. Но по мере того, как упадок и дряхлость охватывали политическое тело, раны чумы становились все глубже и оставляли незаживающие шрамы.

Чума Антонина оставила профессии врача одно злополучное наследие. У каждого государя есть врачи, которых он заслуживает, и Гален был врачом Марка Аврелия. При первом же начале эпидемии Гален отправился в Кампанию и, не найдя там безопасности, сел на корабль, идущий в Пергам. Оттуда, после двухлетнего отсутствия, он вернулся по вызову императоров и после краткого пребывания в Риме присоединился к ним в Аквилее, где его снова настигла эпидемия.

Трусы умирают много раз до своей смерти.

Однако мужество и медицинская проницательность ни в коем случае не являются постоянными спутниками, и на протяжении многих веков перед лицом эпидемии врачи, и среди них Морганьи и Сиденхэм, были обречены следовать примеру Галена так же верно, как они дорожили его заветами.

Гален в целом считался ведущим авторитетом в медицинских аспектах антониновой чумы, но ценность показаний Галена не повышается от расследования этих сопутствующих обстоятельств. Врач, который с самого начала пускается в бегство, вряд ли впоследствии будет внимательно, постоянно и вблизи наблюдать за болезнью: неудивительно и то, что большая часть его симптоматики заимствована непосредственно либо у Фукидида, либо у Гиппократов. Поразительная картина Фукидида, должно быть, доминирует в сознании человека, изучающего медицину в своем кресле, так что мы готовы встретить Галена, утверждающего идентичность антониновской чумы с афинской. Кое-где отрывки почти

дословно взяты из Фукидида. Например, Гален [109] говорит, что на ощупь тело больного человека не казалось более горячим, чем обычно, но что он испытывал невыносимое внутреннее жжение. Кожа была не желтой, а красноватой и мертвенно-бледной. Перенос слова ὕπερ χλωρόν из Фукидида показывает, что он копирует Фукидида, а не описывает то, что видел сам. Опять же, описание извержения вулкана, хотя гораздо более точным и полным, чем то, что Фукидид, показывает его влияние тесно, а теперь и снова падает в его слова, как в ἐξήνθησεν ἑλκεσιν ὅλον τὸ σῶμα. То же самое относится и к более общим симптомам [110] заболевания, таким как настойчивый характерный внешний вид воспаленных глаз и покраснение рта, языка и зева.

В использовании Галеном и пропаганде армянского боле как специфического средства от чумы также есть налет шарлатанства, что разительно контрастирует с грубым отрицанием всех лекарственных средств Фукидидом. Гален [111] говорит, что "все те, кто пользовался им, были быстро излечены" — можно удивляться бегству Галена — "те, кто не почувствовал эффекта от него, умерли: никакое другое средство не могло заменить его" — и затем он возвышенно заключает, 'что те, у кого лекарство не сработало, были неизлечимы'. Этот армянский ствол был всего лишь глинистой землей, привезенной из Персии и Армении, которая своим красным цветом была обязана оксиду железа. Гален использовал его как вяжущее средство при ранах и язвах, прежде чем провозгласил его специфическим средством от чумы. Во всяком случае, внутренне он, должно быть, был почти инертен в лекарственных дозах, и поскольку Гален не приводит никаких доказательств в поддержку своего грубого изречения, нам не нужно прилагать никаких усилий, чтобы оправдать наше недоверие.

Есть основания полагать, что антониновская чума не была одной и той же болезнью на протяжении всего своего течения. Если бы это было так, нам следовало бы ожидать от Галена чего-то вроде единой клинической картины, а не случайных ссылок, разбросанных по его объемистым трудам.

Описывая характер извержения и его трансформации, Гален [112], безусловно, имеет в виду оспу. На определенном этапе сыпь распространилась по всему телу в виде ἐξ_WBR_αανθήματα μέλανα (темного высыпания), вероятно, геморрагического типа. Когда она изъязвлялась, на поверхности образовывалась корочка (ἐφέλκις), которая отслаивалась, а затем все шло к излечению. После отделения корочки оставался шрам, сравнимый с "изъязвлением" при оспе. В некоторых случаях изъязвления не возникало, но экзантема была грубой и чешуйчатой и отслаивалась, как кожа: в этом состоянии все шло на поправку. Гален дает некоторые указания на течение болезни у того, кто выздоровел. 'У молодого человека на девятый день все тело было покрыто язвами, как и у большинства выздоравливающих. Затем его охватил кашель, и через три дня после девятого числа он был в состоянии отправиться в деревню для выздоровления.' На следующий день после того, как начался кашель, он отделился во время приступа кашля корочкой, точно такой же, как на кожных язвах. Гален предварительно осмотрел его рот и зевы и не обнаружил никаких признаков изъязвления. Он также мог без каких-либо затруднений глотать как жидкости, так и твердые вещества. Чтобы определить, образовалась корочка из пищевода или нет, Гален сделал глоток уксуса и горчицы; и по отсутствию боли, сопровождавшей эту радикальную процедуру, он заключил, что она, должно быть, образовалась из гортани, а не из пищевода. В редких случаях при натуральной оспе регистрировались деструктивные изъязвления гортани, но такое состояние, безусловно, исключало бы поездку в деревню по прошествии двух дней. Это было бы менее невозможно после удаления дифтерийной мембраны.

Было бы бесполезно далее следовать за Галеном в описании особенностей чумной лихорадки, которые он подробно описывает, поскольку, как мы уже говорили, совершенно неясно, являются ли это признаками одной болезни. Действительно, помимо свидетельств, содержащихся в трудах Галена, было бы разумно предположить обратное, исходя из тех знаний, которыми мы располагаем о других длительных периодах эпидемии.

Прежде чем покинуть Галена, мы можем сказать, что он постулирует двойную причину чумы: с одной стороны, большая неравномерность времен года вызывает чумное состояние атмосферы; с другой стороны, ослабленное состояние человеческого организма из-за зараженной пищи, делающее его подверженным лихорадке от самых незначительных причин. Атмосферный фактор, без сомнения, по-видимому, подтверждается универсальностью заболевания, в то время как большая тяжесть заболевания и, возможно, его особая распространенность среди плохо питающихся и обездоленных, по-видимому, свидетельствует о сопротивляемости личности.

Чума 252 г. н.э., во времена совместного правления Галла и Хостилиана, соперничала с антониновской чумой как по вирулентности, так и по продолжительности. Гостилиан был одной из первых жертв, хотя его смерть обычно приписывали руке Галла. Евсевий [113] говорит, что болезнь уже произвела опустошение в Александрии и Египте, прежде чем достигла Рима. В некоторых городах Рима и Греции ежедневная смертность достигла 5000 человек, [114] и с большей или меньшей вирулентностью болезнь распространилась по всему известному миру. [115] Евсевий приписывает чуму плесени, отложившейся из воздуха, веря, что мы встретимся снова во время Великой лондонской чумы.

Киприан, христианский епископ Карфагена, оставил нам некоторые подробности симптомов в своей красноречивой проповеди 'De Mortalitate', которую св. Августином так восхищались. Евсевий и Киприан оба полны решимости превознести самоотверженное рвение, с которым христиане отдавали свои жизни в служении больным. Их труды помогают нам оценить презрение к страданиям, зародившееся в сознании первых энтузиастов христианства, постоянно живущих в условиях преследований и страха смерти. Из того, как Киприан [116] предался мечу палача, что дух 'Sermo de Mortalitate' пронизал все его существо. В этой проповеди мы все еще можем прочесть пылкий призыв Киприана к своим слушателям искать мужества и утешения в покаянии за свои грехи.

Цедренус [117] был настолько впечатлен инфекционностью заболевания, что поверил, что оно может передаваться взглядом, как, по мнению Платона, было верно в отношении офтальмии. Требеллий Поллион [118] рассказывает об ассоциации с земными и другими знамениями. Вулканы проснулись с новой активностью: произошли землетрясения и был слышен грохот земли; небо потемнело на несколько дней; в земле разверзлись пропасти; огромные приливные волны захлестнули многие города. Казалось, что конец света, предсказанный христианами, был близок. В Риме обратились к сивиллиным книгам, и они предписали легкое искупление в виде жертвоприношения Юпитеру Спасительному.

Евсевий [119] является главным авторитетом в области эпидемии 302 года н.э., во время правления Максимиана. Это сопровождалось массовым голодом, так что люди были вынуждены питаться травой, и столько же умерло от голода, сколько и от болезней. Изголодавшиеся собаки дрались из-за трупов мертвых, и люди убивали их оптом, чтобы они не сошли с ума и не напали на живых.

ГЛАВА V

До недавних лет считалось, что никаких достоверных сведений о бубонной чуме до Прокопия (ок. 490-560 гг. н.э.) не существовало. Казалось бы, необходимо пересмотреть это мнение перед лицом фрагмента сочинений Руфа Эфесского, сохраненного Орибасием, [120] христианский врач императора Юлиана (355-63 гг. н.э.). Он пишет: 'Бубоны, называемые чумными, наиболее смертоносны и остры, особенно те, которые наблюдаются в Ливии, Египте и Сирии и о которых упоминает Дионисий Курт. Диоскорид и Посидоний много упоминают о них в связи с чумой, случившейся в их время в Ливии: они говорят, что она сопровождалась острой лихорадкой, болью и прострацией всего тела, бредом и *появлением больших и твердых бубонов*, которые не гноились не только в привычных частях тела, но также в паху и подмышках". и далее: "Можно предвидеть приближающуюся чуму, обратив внимание на неблагоприятные времена года, на образ жизни, менее благоприятный для здоровья, и на гибель животных, предшествующая его нашествию".

Считается, что Руфус процветал во времена правления Траяна (98-117 гг. н.э.) и, возможно, был его врачом. Диоскорид и Посидоний, вероятно, были александрийскими врачами, которые процветали вскоре после христианской эры. Личность Дионисия Куртуса является предположительной, но есть некоторые основания полагать, что он практиковал медицину в Александрии в третьем веке до н.э. Принимая эти даты, следует признать, что свидетельства существования бубонной чумы в форме эпидемии в северной Африке и Леванте уже в третьем веке до н. э. чрезвычайно убедительны. Даже если мы предположим, что бубоны были более распространены, чем в настоящее время, при других острых инфекционных заболеваниях, приведенная выше запись вряд ли может обозначать что-либо, кроме бубонной чумы. Упоминание о том, что бубоны чаще встречаются в других частях тела, помимо паха и подмышек, по-видимому, не привлекло к себе внимания медицинских авторов, которого оно заслуживает.

Мы уже приводили доказательства того, что Гиппократ также был знаком с бубонной чумой в ее спорадической, но, вероятно, не в эпидемической форме. Гален, [121] также обсуждает связь бубонов с лихорадкой таким образом, чтобы показать, что он также был знаком с тяжелой бубонной болезнью, отличной от обычных септических бубонов. Орибасий также знает о бубонных лихорадках, но в целом можно утверждать, что ни Гален, ни Орибасий не проявляют никаких признаков того, что знали о них как о распространенном эпидемическом заболевании. Таким образом, мы можем справедливо сказать, что повествование Прокопия дает первое недвусмысленное описание эпидемии бубонной чумы.

Согласно Прокопию [122] чума началась в злополучном Пелузии, распространившись в одном направлении через Александрию и Египет, в другом - через Палестину, а оттуда по всему миру, что означало для него от восточных пределов Персии до берегов Атлантики. В свете современных знаний вполне вероятно, что Пелузий был не более чем распределительным центром *по пути*, и что истинный очаг происхождения находился гораздо дальше вдоль торговых магистралей на восток или юг. Однако наиболее полное подтверждение его пандемического характера мы имеем в ряде исторических источников. Евагриус [123] говорит, что его общая продолжительность составила пятьдесят два года, и это также можно подтвердить из прилагаемой таблицы его смещений вместе с названиями властей для каждого населенного пункта.

Дата. Населенный пункт. Авторитет.

<i>Дата.</i>	<i>Населенный пункт.</i>	<i>Авторитет.</i>
540 г.н.э.	Антиохия	Евагрий.
542 г.н.э.	Byzantium	Прокопий.
549 г.н.э.	Arles	Григорий Турский.
558 г.н.э.	Byzantium	Агафий.
565 г.н.э.	Лигурия	Павел - диакон.
567 г.н.э.	Auvergne	Григорий Турский.
	Narbonne	Григорий Турский.
587 г.н.э.	Марсель	Григорий Турский.
590 г.н.э.	Рим	Григорий Турский.
		Павел - диакон.
		Иоанн Дьякон.
590 г.н.э.	Avignon	Григорий Турский.
591 г.н.э.	Страсбург	Осиас Шадеус.

Прокопий описывает чуму как прогрессирующую определенными стадиями, расходуя свою вирулентность в одной стране, прежде чем перейти в другую, как будто намереваясь ничего не упускать из виду. Действительно, если сначала он слегка прикасался к какому-либо месту, то впоследствии всегда возвращался к нему, пока не была применена полная мера наказания. Всегда начинаясь на морском побережье, она распространялась во внутренние районы страны, так что в первую очередь инфекция явно передавалась морем. Он утверждает, что потребовалось больше года, чтобы достичь Византии, где он появился весной 542 года нашей эры. Однако мы знаем от Евагрия, что чума была в Антиохии уже в 540 году н.э., следовательно, раньше даты ее предполагаемого появления в Пелузии.

В своем обсуждении этиологии Прокопий заимствует большую часть фразеологии Фукидида, но ни здесь, ни где-либо еще он не проявляет ни малейших признаков влияния содержания фукидидовского повествования. Следует помнить, что Фукидид, очевидно, приписывал чуму в Афинах естественным причинам, отказываясь рассуждать о том, что могло вызвать такое возмущение природы (μεταβολή).

Прокопий говорит, что те, кто претендовал на знание, утверждали, что это чума, чтобы вещи, бросаясь вниз с небес (τοῖς ἐξ οὐρανοῦ ἐπισκήπτουσι). Это действительно возвращение к примитивным представлениям. Но он добавляет, что они делают это без каких-либо доказательств, просто ради обмана, приписывая природе то, что явно является делом рук Бога, и ничего больше. Это мнение он основывает на том основании, что чума не ограничивала свои опустошительные действия какой-либо одной страной и не поражала специально ни пол, ни возраст, а распространилась по всему миру, независимо от времени года и различий в привычках. Аргумент, в той мере, в какой он был отрицательным, был, безусловно, сильным в свете медицинских знаний того времени, которые во многом объясняли различия между различными заболеваниями изменениями климата, почвы, времени года, привычками и другими случайными обстоятельствами. Не было недостатка в зрительных и слуховых галлюцинациях. Прокопий говорит, что многие, пораженные чумой, видели, будь то наяву или во сне, видения духов, облеченных в человеческие формы. Некоторым казалось, что они слышат во сне голос, говорящий, что они зачислены в число умерших. Им показалось, что эти призраки в человеческом обличье поразили их в какую-то часть тела, и они немедленно заболели. Чтобы избежать этих демонов, некоторые

запирались в своих домах и ни в коем случае не выходили оттуда. Другие пытались спастись от демонов, призывая самые священные имена и прибегая ко всем формам искупления.

Эта идея о чумных демонах, по-видимому, имеет восточное происхождение. Мы уже встречались с ней в рассказе Аполлония Тианского в Эфесе. Он фигурирует в ранней индийской медицине, а также в магометанских преданиях. Магомет, по-видимому, перенял его непосредственно из магической традиции, воплощенной Зороастром в "Зендавесте". Маги задумали единого верховного Бога и Творца вселенной, от которого также исходили два активных принципа, персонифицированных как Ормузд, принцип или ангел света или добра, и Ариман, принцип или ангел тьмы или зла, демон. Из этих двух противоположных принципов была составлена вселенная, и в управлении ее делами эти два конфликтующих элемента всегда стремились к господству. Пока ангел света был на подъеме, дела людей шли хорошо; но если на какое-то время демон тьмы одерживал верх, тогда печаль, страдания и грех были уделом смертного человека. Было неизбежно, что раса пастухов, пасущих свои стада под звездным небом на равнинах Аравии и на возвышенностях Центральной Азии, увидела в свете и тьме две враждебные личности, доминирующие в их существовании, к лучшему или к худшему.

Магометане верили, что духи были посланы Богом, вооруженные луками и стрелами, чтобы распространять чуму в наказание за грех. Призраки черного цвета наносили смертельные раны, но раны, нанесенные белыми призраками, не были смертельными. Вскоре мы обнаружим тот же причудливый образ в литературе и искусстве средневековой Италии. Небезынтересно проследить распространение этой концепции, подобно самой чуме, из эндемичного очага на Востоке сначала в Византию, а затем медленными этапами в Италию и на Запад.

В Византии многие умирали от этой болезни без каких-либо предзнаменований. У них внезапно начиналась легкая лихорадка без каких-либо серьезных симптомов, так что жертва не опасалась смерти. Затем либо в тот же день, либо через день или два после этого появился бубон (βουβών) либо в паху, либо подмышечной впадине, либо за ухом, либо в другом месте. Что касается этих симптомов, то все они страдали практически одинаково. Таким образом, византийская чума была типично бубонной, и бубоны, по-видимому, были распределены по разным частям тела примерно так, как мы находим их сегодня. В этом и во всех существенных чертах бубонная чума все еще демонстрирует поразительное соответствие картине, нарисованной Прокопием около 1400 лет назад. Действительно, Прокопий дал замечательный общий очерк восточной чумы, к которому новейшая медицинская наука мало что добавила, кроме некоторой проработки деталей. Мы можем расшифровать в его рассказе по крайней мере четыре признанных типа — бубонный, пустулезный, легочный и тонзиллярный — как преобладавшие во время этой эпидемии в Византии. В отличие от Фукидида, Прокопий отвергает идею заражения, в отличие от своих собственных наблюдений. Врачи, медсестры и те, кто хоронил умерших, по его опыту, не были особенно затронуты, несмотря на их постоянный контакт с больными; и наоборот, многие заразились этой болезнью вообще без какого-либо контакта. Вера Прокопия в эпидемию как особое Божье деяние почти обязывала его быть незаразительным. Он был в недоумении, приписывать ли разнообразные проявления болезни различиям в телосложении или воле Виновника чумы. В одном случае преобладала глубокая летаргия, в другом — маниакальный бред. Больные летаргией просто лежали, невзирая ни на что, и умирали от голода, если им не навязывали пищу. Обезумевшие от ужаса люди пытались спастись бегством: они боролись со своими сопровождающими, пытаясь выброситься из окон или утопиться. Их желанием было не утолить жажду, потому что они часто бросались в

море. Очевидно, это критика предположения Фукидида о том, что именно жажда заставляла жертв бросаться в водоемы.

Прокопий говорит, что врачи считали, что источник болезни кроется в бубонах. Это был вполне естественный вывод из того факта, что в случаях простого нагноения бубона пострадавший обычно выздоравливал, как будто какая-то вирулентная жидкость выходила по этому каналу. По той же причине в более поздние годы производился разрез, и всякий раз, когда это было практически возможно, поощрялось нагноение. Однако, когда врачи вскрыли бубоны в надежде обнаружить причину, они не обнаружили ничего, кроме ужасного нароста, похожего на карбункул (ἄνθραξ). Византийские врачи, очевидно, рассматривали эту болезнь как болезненный процесс в рамках признанной патологии.

Это был пустулезный тип заболевания, и те, у кого по всему телу появлялись черные пустулы размером с чечевицу, умирали сразу. Прокопий в своем *φλυκταίνας μελαίνας*, ὅσον φακοῦ μέγεθος, ἐξήνθει τὸ σῶμα отголоски язык Фукидида, *ῥφλυκταίνας μικραῖς καὶ ἔλκεσιν ἐξηνθηκός*: и примечательно то, что язвы нет особенностью Византийской чумы.

Многие умирали от спонтанной рвоты кровью, вероятно, из легких, что нередко бывает при легочной форме чумы.

Некоторые отделались дефектом речи, так что всю свою жизнь они заикались и были неразборчивы. Вполне возможно, что это было продолжением тонзиллярного типа.

Эпидемия чумы в Византии длилась в общей сложности четыре месяца и была в самом разгаре в течение трех. Это, опять же, в широком смысле, было характерной чертой большинства вспышек в Европе и Левантии. В худшем случае ежедневная смертность достигала ужасающих десяти тысяч.

Прокопий подробно останавливается на скоплении мертвых тел на улицах и пренебрежении похоронными обрядами. Сначала каждый мужчина хоронил умерших членов своей семьи, иногда бросая их в могилы, приготовленные для других; но вскоре похоронщики потерпели неудачу, и тогда трупы начали усеивать улицы. Похоронить их Юстиниан поручил своему агенту Теодору. Когда все существующие могильники были засыпаны, повсюду, где только можно было найти место, по всему городу были вырыты огромные могильные ямы. Наконец, когда рытье могил больше не могло поспевать за смертями, они поднялись на башни городских стен в Сикае, византийском порту, и, сняв крыши, беспорядочно бросали туда тела: когда они были заполнены, крыши заменили. Но когда с той стороны поднялся ветер, ужасное зловоние стало самым удручающим для горожан. Многие трупы были просто выброшены на берег, где их сложили в баржи и пустили по течению в море. Мы увидим, как эти различные состояния поразительно воспроизведены во время марсельской чумы в 1721 году нашей эры. Иоанн Эфесский утверждает, что меры Юстиниана по оказанию скорой помощи для погребения умерших соответствовали всем требованиям, но принять его заявление перед лицом точного и подробного отчета Прокопия невозможно.

Ужасы чумы, по словам Прокопия, обращали людей от распущенности к благочестию из-за страха неминуемой собственной смерти. Однако, если они заболели и выздоравливали, то становились еще более распутными, чем раньше, полагая, что теперь они в безопасности на будущее. Согласно Фукидиду, афинские греки с самого начала стали безрассудными и предались удовольствиям, видя, что болезнь поражает как добродетельных, так и порочных. Возможно, однако, разница заключалась скорее в ментальном настрое наблюдателя, чем в реальном поведении тех, за кем наблюдали.

В Византии прекратились все работы, так что в городе, где обычно всего было в избытке, начался голод. Сам Юстиниан заразился и перенес приступ, при котором появился бубон.

Таков вкратце рассказ Прокопия о чуме в Византии, который он видел собственными глазами. Несомненно, перед ним было описание афинской чумы, поскольку время от времени он прибегает к идентичным оборотам языка. Но говорить о нем как о вопиющем плагиаторе Фукидида - явный абсурд. Скорее, он производит впечатление человека, придерживающегося критического отношения к Фукидиду и подчеркивающего несогласие. Прокопий не сомневается, что описывает ту же болезнь, что и Фукидид, и впечатлен клиническими различиями, которые он наблюдал. Тон Фукидида субъективен: он пытается дать общее описание, но не может оставить на заднем плане симптомы своего собственного случая. Тон Прокопия абсолютно объективен: он пишет как крайне заинтересованный наблюдатель, излагая свои собственные наблюдения, дополненные заявлениями тех, кто перенес болезнь и выздоровел. Кажущееся сходство этих двух рассказов на самом деле не более чем поверхностное.

Отчет о вспышке этой пандемии в Антиохии сохранился из-под пера историка Евагрия, [\[124\]](#) который родился в 536 году н.э. и провел большую часть своей жизни в Антиохии. Очевидно, он ничего не знал о записях Прокопия или Агафия, поскольку он говорит, что история этого мора не была написана ранее. Он знал повествование о чуме в Афинах, поскольку говорит, что эта чума была 'в некоторых отношениях очень похожа на ту, которую описал Фукидид, в других совершенно непохожа': нельзя сказать, что она повлияла ни на форму, ни на содержание его описания. Он говорит, что впервые болезнь достигла Антиохии в 540 году до н.э., тогда как в Византии она появилась только весной 542 года до н.э., и что пандемия длилась в общей сложности пятьдесят два года, превзойдя "все болезни, которые когда-либо были до того, как Филострат удивился чуме, которая была в его время, потому что она продолжалась пятнадцать лет'. Предполагается, что это была антониновская чума, поскольку Филострат родился на Лемносе около 170 г. н.э., но большую часть своей жизни провел в Риме и умер там в 245 г. н.э. Евагрий имел полную возможность наблюдать за чумой вблизи, поскольку мальчиком в школе он сам страдал от пахового бубона, а в более поздние годы потерял от чумы жену и нескольких детей. Ему было всего три года, когда болезнь впервые достигла Антиохии, так что его описание, должно быть, отражает болезнь, которая свирепствовала в течение многих лет. Евагрий прослеживает его происхождение дальше, чем Прокопий, помещая его в Эфиопию, так что, возможно, он действительно возник в эндемичном районе Центральной Африки. Распространившись по всему миру, она поражала города совершенно независимо от времени года, как летом, так и зимой. Евагрий нисколько не сомневается в заразности этой болезни. По его словам, те, кому удалось спастись в одном году, подверглись нападению в следующем, а те, кто бежал в места, свободные от болезней, умерли первыми, поскольку принесли заразу с собой. Заражение, по-видимому, передавалось различными путями — при совместном проживании в одной постели, при непосредственном контакте, при посещении зараженных домов или даже при случайной встрече на рыночной площади. Некоторым, однако, удалось спастись, несмотря на все риски заражения.

Описание симптомов болезни, которое дает Евагрий, хотя и краткое, удивительно всеобъемлюще. Это показывает, что он был осведомлен, по крайней мере, о тонзиллярном, бубонном и карбункулярном или пустулезном типах заболевания, а быстрота летального исхода в части случаев позволяет предположить, что также были распространены легочная и септическая формы. 'Болезнь, - пишет он, - была сложной и смешивалась со многими другими недугами. Некоторым людям она сначала попала в голову, отчего их глаза

покраснели, как кровь, и раздулись щеки; затем она попала им в горло, и тот, кого она достала, убрал с дороги. У одних это начиналось с пожара и опорожнения всего, что было внутри них, у других с опухолей вокруг сокровенных частей тела, и возникали жгучие пожары, так что они умирали от них в течение двух-трех дней после самых отдаленных, с таким видом и с таким совершенным воспоминанием, как будто они вообще не были больны; другие умирали безумными, и карбункулы, которые появлялись из плоти, убивали многих".

Агафий [125] (536 г. до н.э.) описывает повторение этой пандемии в Византии в 558 г. н.э. Он продолжил историю Прокопия от ее окончания до 558 года нашей эры. Он говорит, что болезнь на самом деле так и не исчезла со времени первой вспышки в 542 году нашей эры, когда она яростно вспыхнула во второй раз весной этого года. Многие люди падали, словно пораженные апоплексическим ударом: те, кто продержался дольше всех, умирали на пятый день. Бубоны и постоянная лихорадка были характерными чертами, как и при предыдущем посещении. 'Люди всех возрастов гибли без разбора, но особенно молодые и энергичные, а также те, кто находился в расцвете юности: и из них мужчины, поскольку женщины пострадали не так сильно'. При рецидиве эпидемии, подобном этой, основная заболеваемость обязательно будет приходиться на молодежь, которая не сопротивлялась предыдущему нападению и не приобрела иммунитета от него. Характер их занятий или образа жизни, несомненно, объяснял бы особую подверженность самцов инфекции.

Григорий Турский [126] (540-94 гг. н.э.) свидетельствует о широко распространенном характере чумы во Франции. В 549 году н.э. он говорит, что оно опустошило провинцию Арль, а затем опустошило Нарбонну. Здесь Феликс, епископ Нанта, [127] скончался от шелушения ног, вызванного наложением пластыря кантарида на область гнойничков.

В 566 году н.э., до того, как чума вторглась в Овернь, [128] череда предзнаменований повергла округ в ужас. Три или четыре огромных ярких огонька появились вокруг солнца, которое, тем не менее, претерпело почти полное затмение в октябре, выглядя темным, обесцвеченным и похожим на мешок. Небо, казалось, тоже было охвачено огнем, и было видно много странных знамений. Затем, в 567 году н.э., эпидемия свирепствовала по всей округе, вызвав огромную смертность. Лион, Бурж, Шалон и Дижон также потеряли значительную часть своего населения. Гробы для мертвых вскоре вышли из строя, и в одну могилу поместили до десяти тел. В одно из воскресений в церкви Святого Петра в Клермоне было насчитано не менее трехсот трупов. Смерть настигла жертв с поразительной внезапностью. "В паху или подмышечной впадине росло повреждение в форме змеи, эффект от которого был таков, что люди отдавали свои души на второй или третий день, и его жестокость полностью лишала их чувств".

Во время этой эпидемии бубоны, очевидно, чаще всего обнаруживались в паху, поскольку Грегори неоднократно называет это заболевание *паховой болезнью* или *паховой болезнью* и тому подобное.

Чума вспыхнула в Марселе [129] в 587 году н.э., доставлена туда торговым судном из Испании, которое скрыло свой контакт с пораженным чумой портом. Несколько человек сделали в нем покупки, и в результате восемь жителей одного дома были смертельно инфицированы. Как и во время эпидемии 1720 года нашей эры, болезнь не распространилась сразу на весь город. Епископ Теодор и несколько человек из его свиты заперлись в церкви Святого Виктора и там, среди всеобщего запустения, молили о милости Божьей молитвами и бдением, пока эпидемия не прекратилась. По возвращении беглого населения запоздалая вспышка потребовала положенной дани.

Вокруг Авиньона [130] небесные знамения предвещали чуму, разразившуюся в 590 году н.э. Ночью земля была освещена светом, таким же ярким, как и в полдень. Ночью в небе были замечены огненные шары. Сильное землетрясение ощущалось на рассвете в середине июня. Солнце пережило почти полное затмение в середине августа. Обильные осенние грозы и дожди подняли уровень рек в паводке.

Тем временем Италия тоже оказалась в подобном положении. Павел Диакон [131] (720-90 гг. н.э.) кратко ссылается на чуму, опустошившую Лигурию в 565 г. н.э. Он говорит, что чуме предшествовало внезапное появление отметин на домах, дверях, утвари и одежде, и чем больше они пытались стереть, тем более заметными они становились. Евсевий [132] подобным образом рассказывает о плесени на стенах домов во время предыдущего мора, а в книге Левит [133] мы читаем о зеленоватых и красноватых отметинах на домах, зараженных проказа. Ближе к концу года на людей начали нападать бубоны, за которыми последовала лихорадка, убившая за три дня. Жители бежали, бросив имущество, скот и урожай, и воцарилось безраздельное запустение.

Но именно на голову несчастного Рима обрушилась вся ярость затихающей бури, которой суждено было израсходовать свою ярость. Оба Григория Турского [134] и Павел Диакон оставили свидетельства о разрушении. Григорий говорит, что он получил эту информацию от своего собственного дьякона, который в то время случайно находился в Риме. Павел Диакон [135], похоже, заимствует свой материал у Григория Турского. Разлив Тибра в 589 году н.э. привел к разрушению многих старых зданий на его берегах и затоплению зернохранилищ церкви, в результате чего были испорчены огромные запасы зерна. В реке водилось множество змей, и было замечено, как дракон необычайных размеров проплывал через город по пути к морю. Вероятно, это были угри с илистого ложа Тибра, превратившиеся на манер Овидия в змей: дракона, похоже, никто не видел вблизи. За наводнением последовала в 590 году н.э. сильная вспышка бубонной чумы (*pestilentia, quam inguinariam vocant*).

Знамения были известны не только Риму. Согласно Евагрию, [136] сильное землетрясение в 589 году н.э. превратило Антиохию в руины, разрушив святилище Божьей Матери и унеся шестьдесят тысяч жизней. В Верхней Италии также произошли обширные наводнения из-за разлива горных рек в Венеции, Лигурии и на субальпийских равнинах.

Поучительно сравнить записи этих летописцев Западной Церкви с записями Прокопия и Евагрия, и еще более с записями языческого историка Фукидида. Они настолько сосредоточены на умственных и моральных особенностях чумы, что почти ничего не говорят о ее физических особенностях. Они подробно останавливаются на видениях и галлюцинациях, которые преследовали рассеянное воображение страдальцев, которыми Фукидид пренебрегает, хотя они, должно быть, сопровождали дикий бред, который он описывает. Демоны, крадущиеся по улицам, неизгладимые отметины и плесень на домах, голоса из могилы и небесные знамения были порождением бредовой фантазии и точно воспроизведены на страницах христианских писателей. Чувствуется что-то от духа, в котором фра Анджелико изображал радости рая и муки ада, когда чума тяжело обрушивалась на средневековую Италию. Смертность в Риме была ужасающей. Смерть свирепствовала повсюду. Сначала мертвые тела собирали и грудami бросали в огромные зияющие могилы, но через некоторое время никого не осталось даже для того, чтобы похоронить мертвых, и разлагающиеся трупы устилали улицы. Весь бизнес застопорился, и те, кто выжил, в панике, как овцы, забились в ненадежные убежища церквей. Чтобы усилить всеобщий ужас, папа Пелагий скончался 8 февраля 590 года нашей эры. Выбор преемника возлагался на духовенство и народ Рима при условии утверждения императором. Единодушно они вывели

аббата Григория из уединения его монастыря на папское кресло в ожидании императорского согласия. Григорий Турский, Павел Диакон и Иоанн Диакон - все они рассказывают о нежелании Григория подчиниться призыву и о его попытке перехватить письмо об избрании по пути к императору в Константинополь. Но тем временем, поскольку чума не подавала признаков ослабления, Григорий решил попытаться умиловить гнев Божий особым актом раскаяния. Взойдя на кафедру святого Иоанна Латеранского, он произнес запоминающуюся проповедь, которая сохранилась рукой Григория Турского. Он умолял их сделать свои страдания инструментом обращения и средством, с помощью которого можно смягчить ожесточение их сердец. Он умолял их, как это делал Киприан раньше, как впоследствии должны были сделать Борромео и Бельсунсе, не допустить, чтобы внезапность, с которой смерть настигла их, сметая множество людей за раз и не давая возможности для слез раскаяния, застала их неподготовленными к встрече со своим Богом. Пусть они вспомнят о своих грехах и очистятся от них плачем, ибо Бог желает не смерти грешника, а того, чтобы он отвернулся от своего нечестия и жил. Пусть никто не отчаивается из-за множества своих проступков. Разве Бог не простил жителей Ниневии в древности, когда они три дня несли покаяние, и разве Он не дал награду в виде вечной жизни умирающему вору? Поэтому пусть они вместе с ним обратятся к Богу с настойчивой молитвой, иначе когда-нибудь опустится карающий меч. Разве Он не говорит устами Псалмопевца: "призови Меня во время скорби: так Я услышу тебя, и ты прославишь Меня". Пусть все они придут с сокрушенными сердцами и улучшенным настроением на раннем рассвете четвертого дня, начиная с этого, на празднование семикратной ектении и со скорбью в душах, чтобы суровый Судья мог отменить приговор о проклятии, который Он намеревался им вынести. Пусть тогда духовенство начнет с церкви святых мучеников Космо и Дамиана вместе со священниками шестого региона. Все настоятели со своими монахами из церкви мучеников Гervasия и Протасия, а также священники четвертого региона. Все настоятельницы со своей паствой из церкви святых мучеников Марцеллина и Петра, а также священники первого региона. Все дети из церкви святых мучеников Иоанна и Павла вместе со священниками второго региона. Все миряне из церкви первомученика святого Стефана, а также священники седьмого региона. Все овдовевшие женщины из церкви Святой Евфимии вместе со священниками пятого региона. И замужние женщины из церкви святого мученика Климента вместе со священниками третьего региона. Пусть все они выйдут из этих нескольких церквей с молитвой и плачем, чтобы встретиться в базилике Пресвятой Девы Марии, Матери Христа, и там с долгой и искренней мольбой вымолить прощение за свои грехи.

Итак, Григорий распределил остатки, которых пощадила чума, по семи церковным областям Рима, приказав своему духовенству провести трехдневный перерыв в непрестанных псалмах и молитвах о пощаде. Затем, на четвертый день праздника Святого Марка, в бледном свете раннего апрельского утра великая процессия двинулась в путь. С торжественным пением скорбного *Miserere* эти семь поездов человеческих страданий печально прокладывали свой медленный путь среди разрушенных памятников древнего Рима. Ни один другой звук не нарушал тишины, кроме слабого шороха развевающейся одежды и беззвучного шарканья ног больных. Время от времени кто-нибудь падал сраженный и лежал так, как упал, потому что Смерть ходила туда-сюда среди движущихся рядов. [137] Не менее восьмидесяти человек испустили дух, прежде чем добрались до церкви Божьей Матери. Там Григорий снова горячо призывал народ к покаянию, чтобы чума прекратилась.

Легенда гласит, что когда Григорий, возглавляя свою вереницу кающихся, достиг Элийского моста, там, прямо перед ним, на вершине Адрианова мола, его глазам предстало небесное видение. Там стоял архангел Михаил, возвращая пылающий меч в ножны в знак того, что чума была остановлена. Именно этой легенде мавзолеем обязан названием Кастель С.

Анджело, что оно существует по крайней мере с десятого века. Бронзовая фигура Архангела, вкладывающего меч в ножны, все еще возвышается на вершине, пятая из серии, которые стояли там в разное время.

Легенда об ангеле не упоминается ни биографами Григория, ни дьяконами Павлом и Иоанном, ни Бедой или Григорием Турским. Хотя оно имеет более раннее происхождение, чем десятый век, первые письменные упоминания о нем содержатся в немецкой проповеди двенадцатого или тринадцатого века и в *Золотой легенде* конца тринадцатого века, которую Кэкстон передал так:

И поскольку смертность не прекратилась, он устроил процессию, в которой действительно нес изображение Богоматери, которое, как говорят, создал святой Евангелист Лука, который был хорошим художником, он вырезал его и раскрасил по подобию славной Девы Марии. И вскоре смертность прекратилась, и воздух стал чистым и просвечивающей, и около изображения послышался голос ангелов, которые пели этот Гимн:

Regina Coeli laetare! Alleluia. Quia quem meruisti portare: Alleluia. Resurrexit sicut dixit: Alleluia.

и святой Григорий приложил к этому руку

Ora pro nobis, deum rogamus: Alleluia.

В то же время святой Григорий увидел ангела над замком, который очистил окровавленный меч и вложил его в ножны, и таким образом святой Григорий понял, что мор этой смертности миновал, и после этого он был назван Ангелом Замка".

В память об этой легенде на великих процессиях от Сан-Марко, вплоть до запрета процессий в 1870 году н.э., звучал антифон "Regina Coeli", как только они подходили к мосту Адриана.

Для выяснения истинного источника этой легенды нет необходимости заглядывать дальше видения ангела на гумне Арауны: 'И поднял Давид глаза свои и увидел ангела Господня, стоящего между землей и небом, с обнаженным мечом в руке, простертым над Иерусалимом'. В Капитолийском музее находится алтарь, посвященный Исиде каким-то путешественником по его благополучному возвращению, на котором сохранился обычный отпечаток двух ступней. Набожные верили, что это следы ангела, явившегося Григорию, а алтарь когда-то стоял в церкви Ара Коэли.



ГРИГОРИЙ И АНГЕЛ

Фотография Жиро, Париж

Несомненно, что, по крайней мере, уже в это время картины носили в публичных процессиях. Феофилакт [\[138\]](#) описал два случая, когда священное изображение Христа, которое, как считается, было сделано не руками человека, несли в бой ради внушения солдатам доблести и дисциплины (586 и 588 гг. н.э.). Среди многих жемчужин, которыми изобилует *"Церковная история"* [\[139\]](#), - это картина прибытия Августина и его спутников в Танет, "несущих серебряный крест вместо своего знамени и изображение нашего Господа и Спасителя, нарисованное на доске" (597 г. н.э.). Хронист шестнадцатого века Барониус говорит, что изображение, которое Григорий нес в этой чумной процессии в 590 году н.э., было изображением Мадонны, ныне хранящейся в церкви Сан-Мария Маджоре на

Эсквiline и, как все еще верят, защищающей Рим от чумы и мора. В Риме есть не менее четырех изображений Мадонны, приписываемых, подобно этому, руке Луки Врача, и все они, как считается, обладают чудотворной силой. Увы, мнение эксперта! произносит самую старую из них, произведенную в пятнадцатом веке.

Процессия Григория стала излюбленной темой в искусстве. Это сюжет одной из фресок в часовне Богоматери Винчестерского собора, выполненной под руководством приора Силкстида в начале шестнадцатого века. Эта сцена также изображена на картине в Кьеза-дель-Сан-Пьетро в Перудже, на современной картине австрийского художника Хиреми Хирша и на нескольких других в других местах. Миниатюра, изображенная на противоположной странице, является одной из двух из прекрасного *Livre d'Heures* начала пятнадцатого века, некогда принадлежавшего герцогу де Берри. Сейчас она находится в музее Конде в замке Шантийи.

Итальянская традиция относит обычай говорить 'Благословляю тебя', когда человек чихает, ко времени эпидемии Григория, во время которой, как говорили, умерли все чихнувшие. Берш, цитируя местные хроники Кляйнлауэля и Осиаса Шадеуса, проследил бы его происхождение от чумы в Страсбурге в 591 году нашей эры. [140] 'И когда кто-нибудь чихал, он немедленно испускал дух. Отсюда поговорка "Да поможет тебе Бог". И когда кто-то зевал, он умирал. Отсюда и получается, что когда кто-то зевает, он осеняет себя крестным знамением перед ртом.' Вероятно, ассоциация еще древнее, поскольку Фукидид говорит о чихании во время афинской чумы. Чихание и зевота были характерными признаками потливости.

ТАБЛИЧКА V (Лицевая страница 95)



ФРЕСКА В С. PIETRO IN VINCOLI, ROME

Фотография Андерсона, Рим

ГЛАВА VI

Летом 680 года н.э. Рим снова оказался в тисках ужасающей чумы, охватившей большую часть Италии. Павел Диакон [141] говорит, что за солнечными и лунными затмениями в мае последовали эпидемии в июле, августе и сентябре. Описывая разрушения в Тицинуме (Павия), Павел говорит, что 'число погибших было так велико, что родителей часто несли на похороны на тех же носилках, что и их детей, а братьев - вместе с сестрами.... И тогда многие своими глазами увидели хорошего и плохого ангела, проходящего ночью по городу. И всякий раз, когда по приказу доброго ангела злой, который, казалось, держал в руке копье, столько раз ударял своим копьем в дверь каждого дома, что на следующий день умирало столько домочадцев. Затем кому-то было открыто, что чума не прекратится до тех пор, пока не будет установлен алтарь Себастьяну, святому и мученику, в церкви Сан-Пьетро в Винколи. Это было сделано, и как только алтарь был установлен, мощи святого мученика Себастьяна были доставлены из Рима, и сразу же чума прекратилась".

Павел Диакон, вне всякого сомнения, имел в виду церковь *Сан-Пьетро-ин-Винколи* в Павии, но римляне более позднего времени присвоили эту легенду своей собственной одноименной церкви, в которой она была воплощена на фреске пятнадцатого века, приписываемой Поллахуоло (1429-98). На заднем плане, на вершине лестничного пролета, предположительно предложенного Ара Козэли, горожанин рассказывает папе Агато, сидящему среди своих кардиналов, свой сон о том, что эпидемия не прекратится, пока тело Святого Себастьяна не будет доставлено в город. Справа добрый ангел указывает на обреченные дома плохому ангелу в облике Злого, который ударяет в дверь своим копьем. Слева процессия, несущая знамя, на котором изображена Мадонна в распростертом одеянии в защитной позе, вносит реликвии. Передний план усеян телами умерших. В небе с луком в руке парит ангел, распространяющий чуму. Слева - группа Всемогущего и ангелов, ныне почти уничтоженная.

Не принято считать, что известная картина Делоне 'Чума в Риме' (1828-1891 гг. н.э.), ныне находящаяся в Люксембургском музее в Париже, была непосредственно вдохновлена этой фреской. Действие происходит на улице Рима, усыпанной телами мертвых и умирающих, среди которых добрые и злые ангелы заняты своим делом. Фигура юноши, кутающегося в коричневую шаль на пороге дома, - живая картина страдания. На заднем плане процессия с крестом спускается по лестнице, а на открытой улице горит огонь для очищения атмосферы. Изображение Эскулапа и колоссальная конная статуя Константина представлены в стиле эпохи Возрождения. Главное достоинство картины заключается в совершенстве ее рисования.

В этой же церкви в Риме находится мозаичное изображение Себастьяна, предположительно казненного в 683 году н.э. Однако, несмотря на имя Себастьяна, выведенное золотыми мозаичными буквами, трудно поверить, что это что-либо иное, как фигура святого Петра, превратившаяся, возможно, в присутствии этой эпидемии в фигуру Себастьяна. Он точно отражает традиционные черты апостола, старика с седыми волосами и бородой, одетого в истинно византийском стиле. Куглер считает, что тщательное затенение драпировки, выполненное с большим, чем обычно, усердием, указывает на то, что чучело предназначалось для того, чтобы быть выставленным на обозрение благочестивых людей. Фигура на голубом мозаичном фоне застывшая и неодушевленная, даже по сравнению с другими подобными архаичными изображениями. Рядом с ним, на мраморной табличке, есть надпись на латыни, воспроизводящая почти до слова историю, рассказанную Павлом Диакonom. Традиция гласит, что папа Агато (678-82 гг. н.э.) по этому случаю распорядился собрать кости святого на кладбище Каликст и перенести их в церковь Сан-Пьетро в Винколи,

где они будут помещены под алтарем. В девятом веке тело, по-видимому, было перевезено в целях безопасности в Ватикан и снова перенесено в церковь Святого Себастьяна, где оно находится сейчас, Гонорием III в 1216 году нашей эры. Эта церковь, однако, была полностью перестроена в 1611 году нашей эры.



ТАБЛИЧКА VI "ЧУМА В Риме". АВТОРДЕЛОНЕ

Фотография Жиро, Париж (Лицевая страница 96)

Со времени этого мора в 680 году н.э. Себастьян был повсеместно признан покровителем мора. Постепенно его начинают все более отождествлять с истинной чумой, но никогда не таким исключительным образом, как его брата святого, святого Роху. Его всестороннее покровительство мору указывает не только на то, насколько распространены были другие эпидемические заболевания помимо настоящей чумы, но и на то, как мало они различались в общественном сознании.

История жизни Себастьяна [\[142\]](#) хорошо достоверна в своих основных эпизодах. Родившийся в середине третьего века нашей эры, он был уроженцем Нарбонны в Галлии. Его благородное происхождение обеспечило ему в раннем возрасте командование ротой преторианской гвардии, так что он постоянно находился при особе императора. Хотя он тайно был христианином и использовал свое положение для обращения других в христианство, он оставался беззаветно верен мирским интересам императора. Среди его друзей были два молодых солдата, Марк и Марцеллин, благородного происхождения, как и он. Они были осуждены за принятие христианства и, мужественно выдержав пытки, были выведены на смерть. По дороге их престарелые родители, их жены и дети, а также их друзья умоляли их смириться, и они уже собирались отречься, когда Себастьян бросился вперед и увещевал их не отречься от своего Искупителя. Его призыв был настолько вдохновляющим, что все собрание, стражники, судьи и все остальные, обратились и крестились, и на какое-то

время Марк и Марцеллин были спасены. Эта сцена изображена на вдохновенном полотне Веронезе в чумной церкви Святого Себастьяна в Венеции. Их передышка была недолгой, потому что через несколько месяцев они были преданы смерти вместе со многими другими членами христианской общины, а сам Себастьян был приговорен к смерти. Император Диоклетиан (284-305 гг. н.э.), по причине своей личной привязанности, послал за ним и призвал его отречься от своей ереси, но Себастьян кротко и мужественно отказался. Затем Диоклетиан приказал привязать его к столбу и расстрелять стрелами, а на столбе для всеобщего обозрения сделать надпись, гласящую, что он был предан смерти только за то, что был христианином. Огромное количество фотографий, помимо шедевра Содомы, [\[143\]](#) изображают эту сцену. Пронзенный стрелами, Себастьян был оставлен умирать, но в полночь Ирина, вдова одного из его друзей-мучеников, пришла, чтобы забрать его тело для погребения, но обнаружила его все еще живым, стрелы не пробili ни одной жизненно важной части. Она и ее слуги отнесли его в ее дом и ухаживали за ним, пока он полностью не исцелился. После этого они уговаривали его покинуть Рим, но Себастьян смело направился к дворцовым воротам и, когда император выходил, умолял за тех христиан, которые были осуждены пострадать за свою веру, и упрекал Диоклетиана в его жестокости. Император в яростном гневе приказал своим стражникам схватить Себастьяна и отвести в цирк, чтобы там забить его до смерти дубинками. Чтобы скрыть его мертвое тело от друзей, его бросили в Большую клоаку, но христианка Люцина в видении получила известие о том, где находится тело, и, найдя его, тайно похоронила в катакомбах. Церковь Святого Себастьяна в Риме сейчас построена над этими катакомбами.



СЕБАСТЬЯН КАК ЗАЩИТНИК ОТ МОРА

Беноццо Гоццоли. Фотография Броджи, Флоренция

Хотя Себастьян принял мученическую смерть в 288 году н.э., только после чумы 683 года н.э. его культ защитника от чумы был прочно установлен.

Ассоциация Себастьяна с мором была в первую очередь чисто случайной. Набожные люди в периоды эпидемий имели обыкновение восхвалять своего особого святого покровителя за самую настоящую помощь в трудные времена: алтарь, церковь, изображение по обету, процессия - все это, то одно, то другое, было платой за обещанное устроение. Но то, что

Себастьян стал покровителем чумы и мора, произошло из-за ассоциации стрел с его изображением и историей о его попытке принять мученическую смерть. С глубокой древности мы видели, что стрелы были символом чумы. У греков это был Аполлон, который рассеивал чуму своим луком, и которого также призывали жертвоприношениями и хвалебными гимнами предотвратить ее. В христианской агиологии и христианском искусстве Себастьян является двойником языческого Аполлона. Какими бы ни были вариации деталей, Себастьян практически всегда изображается либо пронзенным стрелами, либо со стрелой в руке. Принимая во внимание его историю, было бы ошибкой показывать стрелы, пронзающие жизненно важную часть тела, такую как сердце, мозг или даже шею, как это часто делается. И для художественного эффекта хорошо, что их не должно быть так много, чтобы наводить на мысль о хорошо набитой подушечке для булавок: хотя в *Золотой легенде* говорится, что "лучники стреляли в него, пока он не был так же полон стрел, как ежик колючек".

Таков эффект интересной фрески Беноццо Гоццоли (ок. 1420-97 гг. н.э.) в Кьеза делла Коллегиата в Сан-Джиминьяно, посвященной Себастьяну в 1465 г. н.э. во время чумы. Во главе картины Христос со следами ран на руках причащается Пресвятой Деве и группе святых. Себастьян стоит на пьедестале, все его тело утыкано стрелами, в то время как лучники по обе стороны от него быстро увеличивают их число. За этой фреской Collegiata внимательно следят на итальянской *Пестблаттере*, воспроизведенной в портфолио Хайца-Шрайбера *Пестблаттера* (см.).

Другая посвященная обету фреска в церкви Святого Агостино в Сан-Джиминьяно, также работы Беноццо Гоццоли, посвященная ужасающей эпидемии 1464 года н.э., изображает Себастьяна, отворачивающего своим плащом сломанные стрелы чумы. В самой верхней части фрески Всевышний пускает в ход Свои стрелы, и сопровождающие его ангелы помогают в этом. Между ними и Себастьяном Христос и Дева преклоняют колени в молитвенной позе. Себастьян стоит в центре переднего плана на низком каменном пьедестале, на котором начертаны слова: "Святой Себастьян, заступись за благочестивое население". Его тело полностью задрапировано, а позади него лежат сломанные стрелы, извлеченные руками ангелов, двое из которых держат мученический венец над его головой.



ЗНАМЯ СЕБАСТЬЯНСКОЙ ЧУМЫ В СОДОМЕ (РЕВЕРС)

Св. Рох и Сигизмунд, а также братья из Compagnia di S. Sebastiano

Фотография Алинари, Рим

Эти старые изображения Себастьяна работы Беноццо Гоццоли и другие работы Альбрехта Дюрера и ранней немецкой школы, изображающие Себастьяна пожилым бородатым мужчиной, мало привлекательны. Безусловно, самые красивые картины принадлежат Перуджино, Содоме и Франсии, которые используют его обнаженную юную фигуру, как

греки использовали Аполлона, в качестве модели для выставки элегантности форм и точности анатомического рисунка. Как одна из немногих форм обнаженного тела, разрешенных для христианского искусства, легко понять, почему Себастьян фигурирует на таком множестве картин. Лучшим примером такого типа является несравненный шедевр Содомы (1477-1549), ныне находящийся в галерее Уффици во Флоренции, одно из прекраснейших творений искусства эпохи Возрождения. Раньше это было знамя, нарисованное в 1528 году для сиенской компании Сан-Себастьяно в Камоллии, и его несли в процессии, когда Сиену поразила эпидемия. Он хранился в церкви Братства в Сиене, пока не был перевезен во Флоренцию в 1786 году нашей эры. Обнаженное тело святого повторяет черты юного Аполлона. Он привязан к дереву на переднем плане дикого итальянского пейзажа. Его шея, бок и одно бедро пронзены стрелами. На обращенном к нему лице, несмотря на страдания, застыло выражение экстаза, когда ангел нисходит, чтобы возложить на его чело мученический венец. Саймондс сказал об этой картине:

‘Одаренный тонким чувством красоты человеческого тела, Содом превзошел самого себя, когда удовлетворился одной фигурой. Его "Святой Себастьян", несмотря на его тусклую и выцветшую окраску, по-прежнему является самым лучшим из когда-либо написанных. Страдание, утонченное и одухотворенное, без искажений или спазмов, не могло быть представлено с большим пафосом в форме более непревзойденной красоты. Это поистине демоническая картина по своему очарованию и памяти, которую она оставляет в сознании. Отчасти его не поддающееся анализу очарование может быть связано со смелой мыслью о сочетании красоты греческого гиласа с христианским чувством мученичества. Только Эпоха Возрождения могла создать гибрид, столь успешный, потому что так глубоко прочувствованный”.

На обратной стороне знамени изображена [мадонна с Младенцем](#) на руках, восседающая на облаках, над коленопреклоненной группой эсэсовцев. Рох, Сигизмунд и члены *Compagnia di S. Sebastiano* в своих характерных одеждах. Эта работа намного уступает работе "Лицо знамени" и, как говорят, частично является работой Беккафуми (1486-1551).

На другой превосходной, но малоизвестной картине Перуджино (1446-1524 гг. н.э.), хранящейся в музее Гренобля, изображена обнаженная фигура Себастьяна, привязанного к дереву того же типа. Лицо и фигура - само воплощение молодости и изящества, граничащих почти с женственностью. На этой фотографии С. Аполлин стоит рядом с Себастьяном.

В исключительных случаях, и особенно на старых картинах, юный Себастьян изображен одетым в костюм того периода, со стрелой в руке или без нее. В Брере в Милане находится складной алтарь из пяти панелей работы Николо да Фолиньо (1430-92 гг. н.э.), на котором он представлен в виде юноши в тунике-кирте и чулках. Он точно так же одет на другой картине в Ватикане, "Коронация Девы Марии и святых", также кисти Николо да Фолиньо, и на нескольких других.

Себастьян очень часто изображается на картинах о чуме вместе с другими святыми: его самым частым спутником на сегодняшний день является святой Рок. В ризнице Сан-Мария-делла-Салюте в Венеции, которая сама является чумной церковью, находится [хорошо известная картина Тициана](#), посвященная великой чуме 1512 года н.э., на которой святой Себастьян, святой Рок и святые-врачи Космо и Дамиан стоят перед троном Святого Марка, на величественную фигуру которого упала тень облака. Эти группы святых нередко изображаются посредниками между Мадонной.

Путешествуя по Италии из города в город, начинаешь осознавать, что страна мора была грубо разделена на отдельные владения под опекой разных правящих святых. В Милане это

Карло Борромео, в Венеции - Сан Рокко, в Риме - Мадонна, в Центральной Италии, в Сиене, и во Флоренции - Сан Себастьяно. Во Флоренции он был святым покровителем Compagnia della Misericordia, учреждения, которое на протяжении семи столетий было так тесно связано с повседневной жизнью города и оставило немалый след в произведениях флорентийского искусства.

Христианская скульптура также воспользовалась возможностью использовать обнаженную фигуру в качестве модели. Хорошо известны статуи Маттео Чивитали (ок. 1470) в Лукке и работы Пьуджета (1622-94) в церкви Кариньяно в Генуе. Колоссальная лежащая фигура святого работы Бернини (1598-1680) находится под главным алтарем церкви Святого Себастьяна на Аппиевой улице в Риме.

Особенно в Швейцарии, но также на юге Германии и юго-востоке Франции часто встречаются деревянные статуи Себастьяна, в основном относящиеся к трем столетиям, последовавшим за Черной смертью. Некоторые из них можно увидеть в Историческом музее в Базеле, более или менее архаичные по своему характеру, и очень прекрасный пример - в музее Ключи в Париже. В том же музее также хранится пара причудливых цветных горельефов из дерева, изображающих Святого Себастьяна и Святого Роха соответственно. Эти деревянные чучела, естественно, наиболее распространены в районах, где широко распространена резьба по дереву.

ТАБЛИЧКА IX (лицевая страница 102)



СС. МАРК, СЕБАСТЬЯН, РОК, КОСМА И ДАМИАН.
РАБОТЫ ТИЦИАНА

Фотография Наи, Венеция

Не следует предполагать, что культ Себастьяна был широко распространен с самого начала или что запись о его росте непрерывна с момента его возникновения во время римской эпидемии 683 года н.э. Обстоятельства сложились против его непрерывности. Седьмой век не был заметным периодом чумы в Европе, и сейчас это была доминирующая эпидемия. В Ирландии был голод и мор, [144] но его природа неизвестна, и короли Эрина столкнулись со своим ирландским вопросом в духе Кромвеля. В период голода они созвали ведущих представителей духовенства и мирян на собор, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Никто в сложившихся обстоятельствах не будет оспаривать уместность их предписания

духовенству и мирянам соблюдать пост. Но дальнейшее предписание о том, что они должны использовать свои часы воздержания в молитве о том, чтобы какая-нибудь болезнь унесла излишки низших слоев населения, поскольку причиной голода был избыток населения, является более спорным. ('Петебант против множества обычных людей, страдающих от аликвальной зависимости, из-за численного превосходства населения по случаю семьи'.) По примеру святого Джеральда, который утверждал, что Всемогущий мог бы более подходящим образом и так же легко облегчить ситуацию, умножив плоды земли, было предложено рекомендовать Ему этот курс, по крайней мере, в качестве предварительной меры. Но духовенство и миряне, возглавляемые святым Фешином, были не в настроении принимать такие половинчатые меры, которые не обещали ничего окончательного, и предложение святого Джеральда было отклонено. Мор последовал своим чередом, и Божественное действие проявилось в том, что среди его бесчисленных жертв оказались святой Фешин и два короля Эрина.

Несмотря на ретроспективу распространения чумы из Европы после седьмого века, Сирия, [145] долина Евфрата и Ирак по-прежнему с частыми интервалами подвергались опустошениям в результате повторяющихся эпидемий. Из этого постоянного источника она распространилась до Константинополя в 697 и 794 годах н.э., в последнем случае Константинополь, по словам Никифора Византинуса, почти полностью обезлюдел. Константинополь находился в таких тесных торговых и политических отношениях с Сирией и Центральной Азией, что распространение чумы было почти неизбежно. После этого в Европе и в меньшей степени в Сирии наступило долгое затишье, продолжавшееся до XI века. Часто с уверенностью заявляют, что крестовые походы вернули чуму в Европу, но не следует забывать, что в 1094 году н.э., еще до начала крестовых походов, на этом континенте была сильная эпидемия чумы. Несомненно, они служили для поддержания непрерывности распространения инфекции. Эпидемия, уничтожившая армию Людовика IX и унеся его самого и его сына, ни в коем случае не была бубонной чумой. Сохранившиеся свидетельства наводят скорее на мысль о холере или дизентерии. И снова, в 1167 году н.э., армия Фридриха Барбароссы, стоявшая лагерем перед Римом, была сметена эпидемией, которая, по-видимому, была бубонной чумой, которая также проникла в город и произвела большое опустошение. Томас Бекет в письме папе Александру III после отступления Фридриха поздравляет его с тем, что Господь уничтожил армию Сеннахериба. И снова, в 1230 году н.э., за разрушительным разливом Тибра последовала эпидемия чумы, которая вынудила римлян отозвать изгнанного папу Григория IX. В 1244 году чума была во Флоренции и привела к учреждению Compagnia della Misericordia. Его основы были заложены в штрафах, выплачиваемых носильщиками шерсти за использование нецензурных выражений в их молитвенном доме. Один из них, старый добрый Пьеро ди Лука Борси, убедил их, когда общая сумма достигла большой суммы, потратить ее на приобретение шести носилок, по одному для каждого прихода города, и еженедельно выбирать двух своих членов для каждого носилки, чтобы перевозить больных в больницы или мертвые тела в морги.

В 1294 году н.э. чума снова была широко распространена и серьезна в Европе, и череда разрозненных эпидемий, из которых наиболее серьезными были эпидемии 1320 и 1333 годов н.э. соответственно на юге Франции и Испании, привела к опасной пандемии 1348 года н.э. и после, широко известной как Черная смерть.

Из безлюдной пустыни Черной Смерти возникла фигура Святого Роха, [146] святой покровитель больных чумой и заступник против чумы. Родившийся в Монпелье, в семье знатных родителей, вероятно, около 1295 года н.э., он, казалось, был создан для святой

жизни благодаря родимому пятну в виде маленького красного креста на груди. Итак, Магомет до него носил на себе отпечаток родинки между плечами как знак своей божественной миссии. С детства его привлекали активные добродетели Искупителя, и он стремился последовать этому примеру, а не посвятить себя монастырской жизни. Смерть его родителей, когда ему не исполнилось и двадцати лет, оставила ему огромное богатство, которое он немедленно раздал бедным и больницам. Свои земли он оставил в управлении своему брату и отправился пешком, как паломник, в Рим. По пути он обнаружил, что в Аквапенденте свирепствует чума. Там он посвятил себя служению больным в больнице, и его мастерство и сочувствие были таковы, что его помощь считалась более чем человеческой. Казалось, больные исцелялись одними его молитвами или крестным знамением, когда он стоял над ними, так что, когда чума вскоре прекратилась, они в своем энтузиазме приписывали это его заступничеству. Таким образом, сам Рох проникся верой в божественное Провидение, специально направляющее его служение. Услышав, что чума опустошает провинцию Романья, он поспешил туда и посвятил себя помощи больным в городах Казена и Римини. Оттуда он отправился в Рим, где свирепствовала чума (ок. 1306 г.), и в течение трех лет ухаживал за больными, посвятив себя тем, кто больше всего нуждался в помощи. Его постоянной молитвой к Богу было о том, чтобы он стал мучеником в своем деле, но долгое время он оставался невредимым, подвергаясь ежедневным опасностям. Посещая город за городом, везде, где свирепствовала чума, он, наконец, скончался от инфекции в Пьяченце, ухаживая за больными в больнице. Вместе с жгучей внутренней лихорадкой у него на левом бедре открылась ужасная язва. Боль была такой невыносимой, что он громко закричал. Боясь потревожить обитателей больницы, он выполз на улицу, но полицейские не позволили ему оставаться там, опасаясь распространения инфекции. С помощью своего посоха паломника он добрался до уединенного места за воротами Пьяченцы и там лег умирать. Но все же доброе Провидение наблюдало за ним. Его маленькая собачка, которая преданно сопровождала его во время всего паломничества, каждый день ходила в город и приносила буханку хлеба, неизвестно откуда взявшуюся. Также явился ангел, перевязал его рану и ухаживал за ним, пока он не выздоровел. Другие говорят, что еду ему приносила собака его земляка, некоего Готарда. Выздоровев, он вернулся в свой родной Монпелье, но перенесенные страдания настолько изменили его, что даже его собственные слуги там не узнали его. Он был арестован как шпион и приговорен судьей, которым оказался его родной дядя, к заключению в государственную тюрьму. Рох, веря, что такова Божья воля, подчинился наказанию, не раскрывая своей личности, и пять лет томился в темнице. Однажды утром, когда тюремщик вошел в его камеру, он обнаружил, что она наполнена ярким сверхъестественным светом, но его заключенный мертв, а рядом с ним надпись, на которой было написано его имя и слова: 'Все те, кто поражен чумой и кто молится о помощи благодаря заслугам и заступничеству святого Роха, слуги Божьего, будут исцелены'. Его дядя, судья, устроил ему почетные похороны, и весь город оплакивал его смерть.

Считается, что святой Рок умер в 1327 году н.э. на тридцать втором году жизни. В Монпелье его почитали с самого начала, и это почитание было усилено и расширено великой пандемией 1348 года нашей эры. Но только в пятнадцатом веке его культ получил широкое распространение. Это было прямым следствием вспышки чумы в Констанце в 1414 году н.э., во время того Собора прелатов, который приговорил Гуса к сожжению на костре. Они уже собирались разойтись и бежать от опасности, когда молодой немецкий монах рассказал им о силе святого Роха. По его совету Совет распорядился пронести изображение Святого процессией по улицам с молитвами и литаниями, и эпидемия была немедленно остановлена. Его праздник веками отмечался в шестнадцатый день августа.

В 1485 году н.э. венецианцы, которые из-за своей торговли с Левантом постоянно подвергались эпидемии чумы, тайком вывезли тело святого Рокха из Монпелье, и для его размещения была построена церковь Сан-Рокко.

Такова легенда о святом Рохе. Он и Себастьян обычно фигурируют вместе на посвященных чуме картинах как двойные защитники от чумы. Кажется, они олицетворяют в искусстве два отношения к страданию: святой Рок — к состраданию, святой Себастьян - к мужеству и смирению - два отношения, хорошо выраженные в четырех коротких строках малоизвестного австралийского поэта, которые заслуживают того, чтобы их знали лучше, чем они есть:

Жизнь по большей части состоит из пены и пузырей: две вещи стоят как камень: Доброта в чужой беде и Мужество в своей собственной.

Ко времени возрождения искусства стало известно, что легенда о святом Рохе и его фигуре были любимыми и привычными сюжетами в христианском искусстве Запада. Вся легенда часто использовалась в качестве темы для украшения церквей, посвященных его имени: такую легенду можно увидеть в Сиене, а другую, хотя и менее полную, - в Венеции. В Скуола ди Сан Рокко история его жизни изложена в серии из двадцати резных рельефов на панелях из орехового дерева верхнего зала.

Иногда несколько сцен из его жизни сливаются в одну картину. В Брере, в Милане, находится изображение *Святого Рокха с Мадонной и Младенцем* работы Амброджо да Фоссано под названием "Боргоньоне" (1480-1523 гг. н.э.). На заднем плане - сцены из его жизни, среди которых изображена его собака с буханкой в зубах. Фотография ранее принадлежала Миланской благотворительной компании.

Святого Рокха обычно изображают мужчиной в расцвете сил, с короткой заостренной бородкой, тонкими чертами лица и кротким выражением. Как правило, он носит одежду паломника, в шляпе -ракушку, а на боку - кошелек. В одной руке он держит длинный посох, а другой приподнимает мантию, чтобы показать язву в паху или бедре. Очень редко он изображается юношей в одежде того периода, и тогда почти всегда его представляют, чтобы уравновесить похожего Себастьяна.

Многочисленные картины посвящены отдельным эпизодам его жизни — его уходу за больным чумой, его исцелению ангелом, его жизни и смерти в тюрьме. Наиболее известными, пожалуй, являются работы Тинторетто в церкви Святого Рокко в Венеции. Многие изображают его молящимся среди больных, как на картине Доменикино из Болоньи (1584-1641 гг. н.э.) в Палаццо Россо в Генуе. Ангел с обнаженным мечом парит над сценой, и святой Рок протягивает одну руку, как бы умоляя ангела вложить его меч в ножны. Якопо Бассано (1510-92 гг. н.э.) на картине в Брере изображает его среди множества жертв чумы с поднятой в благословляющей позе рукой.



С. РОЧ.
АМБРОДЖО БОРГОНЬОНЕ
Фотография Андерсона, Рим

ТАБЛИЧКА XI (лицевая страница 109)



КАРТИНА "ЗАСТУПНИЧЕСТВО ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ"
КИСТИ НИКЛАУСА МАНУЭЛЯ.
За С. РОЧЕМ УХАЖИВАЕТ АНГЕЛ

На картине швейцарского художника Никлауса Мануэля (1484-1530 гг. н.э.) из Базеля, написанной темперой на льне, [изображен святой Рок](#) с маленьким ангелом, ухаживающим за его раной. Это типично для большой группы [изображений чумы-заступницы](#). В верхней части изображения изображен Всемогущий во славе на небесах. Под Ним изображена Святая Анна с Девой Марией и Младенцем Иисусом: они помещены между Всемогущим и пораженными чумой, чтобы указать, что они являются подходящим средством заступничества. С одной стороны их окружает святой Рок, а с другой - святой Иаков. Святая Анна появляется на многих картинах того периода, поскольку папа Александр II в 1494 году способствовал ее почитанию, сделав ее праздник одним из главных церковных праздников. В нижней части картины приведен грубый план города, пораженного чумой: справа от него группа, представляющая, вероятно, доноров картины; слева - группа больных, у двоих из которых на конечностях видны следы чумы. На руке женщины - воспаленная рана; на руке мужчины - черные точечные пятна, на теле - большие круглые пятна и открытая красная язва на внутренней стороне ноги.

Одной из самых известных картин Святого Роха является алтарное произведение Рубенса в Алосте, недалеко от Брюсселя. В верхней части картины изображен интерьер тюрьмы, освещенный сверхъестественным светом. Святой Рок преклоняет колени, глядя в лицо Христа с лучезарной благодарностью, когда он получает свое назначение святым покровителем против чумы. Ангел держит табличку, на которой написано 'Эрида в чуме патронуса', намекая на слова, произнесенные в его камере после смерти.

Статуи Святого Роха вряд ли можно встретить так часто, как статуи Себастьяна: он был менее привлекательной моделью для скульпторов. В музее Гренобля находится причудливая архаичная деревянная фигура Святого Роха начала пятнадцатого века, которая раньше стояла в часовне замка Брессье. На нем он изображен в облике пилигрима, раздвигаям свои одежды, чтобы показать бубон в левом паху. На нем глубокий разрез, в соответствии с хирургической практикой того периода.

Знак чумы Святого Роха изображается в самых разных формах. Иногда это просто бубон в паху, обычно слева или чуть ниже него, чтобы соблюсти артистические приличия. Эту форму можно увидеть на картине Кривелли (1468-93 гг. н.э.) "Четыре святых", хранящейся в Венецианской академии, и на другой картине Альфани, изображающей Святого Роха и святого Себастьяна, в Пинакотеке в Перудже.

Гораздо чаще отметина представляет собой короткий продольный разрез в верхней части любого бедра, как на знамени Содомы о чуме ([см. Таблицу VIII, стр. 100](#)).

Иногда разрез делается в веществе бубона. Это можно увидеть на портрете святого Роха над боковым алтарем в церкви Святой Марии деи Серви в Сиене.

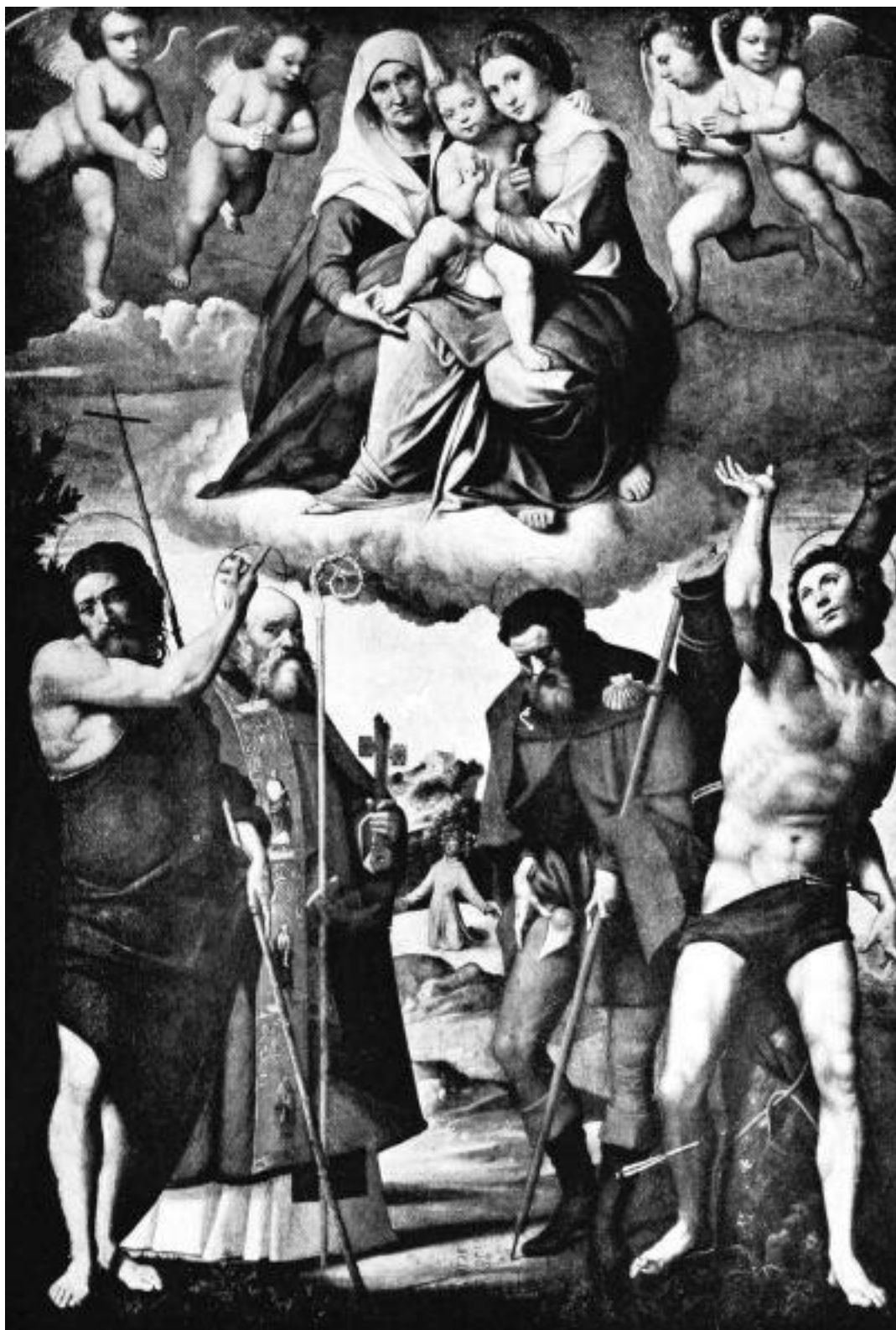
Нередко разрез делается косой или поперечный и демонстрирует полное игнорирование бедренной артерии. Ярким примером является картина Тициана "Святой Марк и святые" в "Салюте в Венеции" ([см. Таблицу IX, стр. 102](#)).

Иногда шланг надрезают над разрезом плоти, как будто у какого-нибудь смелого и занятого хирурга не хватало времени. Это можно увидеть на картине Карото "Четыре святых" в церкви Сан-Фермо Маджоре в Вероне; также на картине Перуджино "Богородица и святые" в кафедральном соборе в Перудже и на другой картине Святого Роха в Палаццо Борromeо в Милане.

В Брере можно увидеть единственный пример Святого Роха с черной пустулой на внутренней стороне левого бедра, окруженной розовой зоной воспаления. Картина принадлежит кисти Бернардино Боргоньоне (1490-1524 гг. н.э.).

На некоторых *пятнах* видна глубокая рана на бедре, а также небольшой кружок, который, по-видимому, указывает на круглую чумную пустулу.

ТАБЛИЧКА XII (лицевая страница 110)



"МАДОННА С МЛАДЕНЦЕМ, святой АННОЙ И СВЯТЫМИ" Дж. ФРАНЧЕСКО КАРОТО
Фотография Алилари, Рим

ГЛАВА VII

Нет необходимости переписывать историю Черной смерти: это было превосходно сделано Геккером и аббатом Гаске. Тем не менее, по-прежнему полезно исследовать его побочные эффекты в области литературы и искусства и рассматривать его общие болезненные черты как вклад в историю медицины того времени. Черная смерть была первой крупной пандемией, оставившей после себя полную и непрерывную череду литературных и исторических свидетельств, в большинстве моментов дополняющих друг друга, в некоторых откровенно противоречащих, но, тем не менее, не менее поучительных.

Что касается отправной точки пандемии, то высказываются разные мнения. Русские записи помещают его в Индии, греческий - в Скифии, английский - в Индии и Азиатской Турции, арабский - в Татарию и стране тьмы. Согласно итальянской традиции, он возник в Китае, к северу от Китая, и распространился во всех направлениях от этого очага; на север через Бухару и Татарию до Черного моря; в Индию и города к югу от Каспия и в Малую Азию; и через Багдад через Аравию и Египет на север Африки. Ведущим современным итальянским авторитетом является Габриэль де Мусси, нотариус из Пьяченцы, который сам был свидетелем вспышки эпидемии в Верхней Италии. В своей "Истории болезни, которая привела к смерти в 1348 году", впервые напечатанной Хеншелем в *Архиве медицины* Хезера, он описывает, как чума была завезена на корабле из Каффы; генуэзское поселение в Крыму. Татарский город Тана (порт Азов), захваченный итальянскими купцами, был осажден в 1346 году н.э. армией татар и сарацин. Татары изгнали их и последовали за ними в Каффу, куда они бежали. Среди осаждавших татар свирепо вспыхнула чума, которые, в надежде заразить гарнизон, забрасывали свои мертвые тела в город с помощью боевых машин. Гарнизон, в свою очередь, сбросил их в море, но город заразился и почти полностью обезлюдел, несколько выживших сели на корабль и увезли болезнь с собой в Италию осенью 1347 года нашей эры. Говоря о заражении Каффы, де Мусси говорит, что 'воздух стал отравленным, а колодцы с водой отравленными, и таким образом болезнь быстро распространилась по городу'. Таким образом, старое представление о яде все еще преобладает, но это вирус, полученный из инфицированных трупов, а не какой-то посторонний яд, созданный зловредным врагом. Яд передавался также от человека к человеку, поскольку он говорит о морях, прибывавших из Каффы в Венецию и Геную, что 'как будто в сопровождении злых духов, как только они приближались к суше, они становились смертью для тех, с кем общались'.

Эти корабли, по-видимому, заразили Константинополь *по пути*, и отчет о тамошних разрушениях сохранился из-под пера императора Кантакузина. [147] Ошибочно рассматривать его записи как бесполезный материал из-за плагиата большей части языка Фукидида. В том, что не заимствовано из этого источника, он дает ценное клиническое описание заболевания. Он отмечает ранний легкий делирий и различает легочный, бубонный и карбункулярный типы заболевания. Он упоминает шейные и подмышечные, но не паховые бубоны, а также темные пятна на коже, которые позже стали называть 'знаками'. Он также утверждает о распространенности этого заболевания среди домашних животных.

Направляясь в Геную, эти корабли зашли в Мессину на Сицилии и оставили там инфекцию. Майкл Платьенсис (из Пьяцца), францисканский монах, рассказал о его ходе в этом городе. Он ссылается на заражение через дыхание и при контакте с вещами инфицированных. Габриэль де Мюсси, похоже, придерживается аналогичного мнения. 'Мы, - говорит он, - [то есть генуэзские моряки], добираемся до наших домов: наши родственники и соседи приезжают со всех концов, чтобы навестить нас. Горе нам, ибо мы метали в них стрелы

смерти! Пока мы говорили с ними, пока они обнимали и целовали нас, мы распыляли яд с наших губ. Вернувшись в свои дома, они вскоре заразили все свои семьи".

Де Мусси недвусмысленно утверждает, что чума была занесена из морского порта Генуи каким-то генуэзцем в Боббио и в его город Пьяченцу. Смертность здесь была такова, что "не произносились молитвы, не совершалось торжественных обрядов, не звонили в колокола на похоронах даже самого благородного гражданина; но днем и ночью трупы относили в общую чумную яму без обряда или церемонии".

Таким образом, Италия была заражена в первую очередь в Венеции и Генуе, и из этих прибрежных городов болезнь распространилась по всему итальянскому полуострову.

В Венеции пример Галена глубоко запал в сердца ее врачей. Они бежали перед наступающим врагом и заперлись в своих домах, предоставив хирургам во главе с Андреа ди Падуйей занять их место. Врачам не мешало бы иметь в виду этот случай, когда они жалуются на вторжение хирургии в область медицины. 30 марта 1348 года Большой совет Венеции назначил трех человек действовать в качестве Комитета общественной безопасности. Эти люди вырыли большие могильные ямы на одном из островов лагуны и организовали службу лодок для перевозки туда тел.

Рим пострадал не так сильно, как некоторые города Италии. Тем не менее, до наших дней сохранился памятник этой чуме в виде мраморных ступеней, ведущих к церкви Ара Коэли. Они были установлены Джованни де Колонна в октябре 1348 года из трофеев храма Солнца на Квиринале и предназначались для использования горожанами, которые с веревками на шеях и с пеплом на головах босиком взбирались на холм, чтобы вымолить у Пресвятой Девы прекращение чумы. Мозаику тринадцатого века, изображающую Мадонну с Младенцем, до сих пор можно увидеть над боковым входом в Ара Коэли, на вершине изношенной лестницы, ведущей вверх с Капитолийской площади. Объект поклонения остается, но поклонников больше нет.

Ланчани [148] воспроизвел старую гравюру, изображающую женщин, поднимающихся на коленях по мраморной лестнице. Эта лестница, по-видимому, обозначена как на картине Делоне, так и на фреске, которой она была вдохновлена.

В Риме существует легенда, что, когда охваченные паникой люди несли изображение Мадонны из Ара Коэли в собор Святого Петра, статуя ангела в замке С. Анджело склонил голову, отдавая ему дань уважения.

Чума была не единственным врагом Рима в 1348 году н.э., поскольку ужасное землетрясение 9 и 10 сентября нанесло ущерб уцелевшим памятникам древнего Рима. Те горожане, которые избежали чумы и смерти среди руин, неделями жили на открытой территории Кампании, не имея укрытия от суровой погоды. Возможно, именно этот несчастный случай послужил тому, что посещение закончилось в Риме быстрее, чем где-либо еще.

Аньоло ди Тура в своей *"Хронике Сенеze"* под редакцией Муратори дает наглядную картину Черной смерти в Сиене. Большая неинтересная картина в церкви Святой Марии деи Серви изображает святую Екатерину, ухаживающую за больными чумой, а в Доме Святой Екатерины Сиенской есть уродливая, почти нелепая фреска на ту же тему. Братья-художники Пьетро и Амброджо Лоренцетти были унесены чумой. Но именно в самом Кафедральном соборе печать Черной Смерти наиболее очевидна. Строительство трансептов началось в 1339 году н.э. на месте более старого собора, посвященного Успенской Мадонне, были заложены фундаменты нефа и хоров, а их стены частично возведены по проектам Ландо или

Фиче, когда в городе в 1348 году н.э. разразилась Черная смерть. Деньги, собранные для строительства, были направлены на неотложные общественные цели, и работы, однажды приостановленные, так и не были завершены полностью. Нынешний собор, каким бы великолепным он ни был, является всего лишь фрагментом великолепной ткани, в которой Орефиче намеревался запечатлеть память о славе Сиены четырнадцатого века.

Маленькая капелла Пьяцца, пристроенная в качестве лоджии к Публичному палаццо Сиены, была построена в благодарность за прекращение эпидемии чумы, унесшей жизни не менее тридцати тысяч человек. Она была начата в 1352 году нашей эры и завершена в 1376 году. Недалеко от Сиены жители Сан-Джиминьяно поклялись воздвигнуть алтарь святому Фабиану и святому Себастьяну в качестве платы за свою защиту и установили его между дверями Пьеве, или Коллегиаты. Над местом, где когда-то он стоял, теперь находится фреска Беноццо Гоццолли, посвященная чуме 1464 года нашей эры.

Не кто иной, как Петрарка [149] описал эту чуму в Парме. Его письмо ни в коем случае не носит описательного характера, а скорее представляет собой протяжный плач по поводу опустошения, потери друзей и родственников, а также масштабов разрушений, которые, как ему казалось, угрожали полному вымиранию человеческой расы. Аффектация - ключевая нота его причитаний, которые свободно перемежаются намеками на древнюю классику. Лаура умерла от чумы в Авиньоне в 1348 году н.э., и Петрарка в душевной печали написал эти строки на рукописи своего любимого Вергилия, которая сейчас находится в Амброзианской библиотеке в Милане:

‘Лаура, прославленная своими добродетелями и давно воспетая в моих песнях, впервые предстала моему взору в дни моей юности, 6 апреля 1327 года, в Авиньоне; и в том же городе, в тот же час того же 6 апреля, но в 1348 году, ушла из жизни, пока я был в Вероне, не сознавая своей потери. Печальная правда открылась мне из писем, которые я получил в Парме 19 мая”.

"Ее целомудренное и прекрасное тело было предано земле вечером того же дня в церкви миноритов: ее душа, как я полагаю, вернулась на небеса, откуда и пришла”.

"В том, что я пишу эти строки в горьких воспоминаниях об этом событии и в том месте, где они чаще всего встречаются моим глазам, есть что-то от жестокой сладости, но я забываю, что ничто больше не должно радовать меня в этой жизни, что, по милости Божьей, не должно быть трудным для того, кто напряженно и мужественно думает о праздных заботах, пустых надеждах и неожиданном конце ушедших лет”.

Флорентийцы, восстанавливая свой город после Черной смерти, основали университет и предложили Петрарке профессорскую кафедру, от которой он отказался.

Маттео Виллани [150] написал простой, без прикрас отчет о состоянии Флоренции во время "Черной смерти", но он не вызвал особой симпатии по сравнению с более легким наброском, который является прелюдией к *"Декамерону"*. Его брат Джованни, флорентийский историк, был одной из первых жертв, и Маттео продолжает свою историю с того места, на котором он ее оставил, и начинает с описания эпидемии. Эпидемии предшествовал голод, и, подобно ему, считалось, что он послан Небесами в наказание за грех. Но энергия правительства, импортировавшего зерно и раздававшего его обездоленным, во многом облегчила положение, когда этот худший враг появился у ворот.

И Виллани, и Боккаччо подчеркивают тщетность всех мер, как профилактических, так и лечебных, а также высокую инфекционность заболевания. Они верили, что это может

передаваться взглядом, а также при контакте с человеком или вещами инфицированного субъекта. Боккаччо упоминает быструю смерть двух свиней от того, что они покопались в зараженной одежде. Некоторые возлагали свою веру на строгое уединение: одни - на умеренный образ жизни, другие - на невоздержанность; третьи искали безопасности в ношении ароматических веществ. И Виллани, и Боккаччо подчеркивают крайнюю развращенность и деморализацию, порожденные чумой. Большая неопределенность жизни никогда не переставала порождать соответствующее безрассудство. В каждом отчаявшемся городе всегда была одна и та же история; так было, когда Иерусалим, охваченный паникой из-за угрозы нападения Сеннахериба, предался дикому разгулу: "И в тот день Господь Бог Саваоф призвал к плачу и скорби, и к облысению, и к препоясанию вретисшем: но вот радость и веселие, заклание волов и овец, поедание мяса и питье вина: давайте есть и пить, ибо завтра мы умрем". Маттео Виллани прослеживает в "Черной смерти" социальную и моральное вырождение и политическая анархия, которые свирепствовали во флорентийской жизни в последующие за этим столетия. Семейная привязанность склонна достигать самого низкого уровня в домах пораженного чумой города. Виллани и Боккаччо переключаются с языком Фукидида, когда рассказывают о родителях, бросающих детей, а мужья - жен в час нужды, и о пренебрежении священными обрядами погребения. Чума свирепствовала во Флоренции с апреля по сентябрь, и Антонин, архиепископ Флоренции, подсчитал смертность в городе в 60 000 человек, что составляет две трети от общей численности населения. Боккаччо на самом деле увеличивает цифру до 100 000 только в период с марта по июль, но эта цифра, если она верна, должна включать также прилегающий район, который пострадал лишь в меньшей степени, чем сам город. Одна яркая запись выделяется на этом мрачном фоне социальной деморализации преданностью Compagnia della Misericordia своей самопровозглашенной задаче. Учрежденные в 1244 году нашей эры для обслуживания больных, они теперь также использовались для перевозки мертвых. На картине Чиголи (1559-1613 гг. н.э.), ныне находящейся в церкви Мизерикордия, изображено братство в красных одеждах, которые теперь сменились на черные, собирающее мертвых и умирающих у подножия башни Джотто. Носильщиков и по сей день можно увидеть на улицах Флоренции в тех же мантиях и капюшонах, скрывающих все лицо, кроме глаз, но носилки и седаны с картины Чиголи теперь установлены на колеса и освящены для современного использования с добавлением автомобиля скорой помощи. Огромные богатства текли в казну гильдии от людей, которые желали увенчать порочную жизнь комфортной смертью и достойными похоронами.

Ужасы пораженного чумой города, которыми Боккаччо предваряет свой *"Декамерон"*, разительно контрастируют с веселой легкомысленностью молодых людей и девушек, вокруг которых вращается его роман. Чума и удовольствие теснят друг друга в резком противопоставлении. Боккаччо с определенной целью выбрал этот темный фон для воплощения своей более яркой темы. Фукидид сделал то же самое до него, поставив панегирик Периклу рядом с афинской чумой, а Мандзони сделал это после него в романе о *Промессе Споси*. Возможно, также, среди жестоких реалий чумы он научился видеть жизнь такой, какая она есть, и таким образом представлять ее своим читателям.

Нибур, прослеживая упадок римской литературы до антониновской чумы, приводит в качестве параллельной иллюстрации влияние Черной смерти на раннюю флорентийскую литературу. Во всяком случае, в последнем случае трудно привести его изречение в соответствие с реальными обстоятельствами. Скорее может показаться, что разрыв в народной флорентийской литературе после Данте, Пэтрарха и Боккаччо был преднамеренным и ни в коем случае не случайным. Что Петрарка уловил, и уловил безошибочно, так это бедность материала, на котором просторечие поддерживало голодное

существование; и он видел в древних классиках, в их мифологии, в их спекулятивной свободе, в принципах их искусства освобождение от уз, которые Церковь наложила на литературу. Чего он не понимал, так это того, что при возвращении к древним образам мышления было ненужным, более того, даже вредным перенимать также язык древних. Ему, как и нам, было недоступно понимание того, что ни одно великое литературное произведение никогда не создавалось ни на каком другом языке, кроме того, на котором говорит, чувствует и мыслит писатель: любой язык, кроме языка его повседневной жизни, неизбежно должен быть искусственным и неодушевленным. Сам Петрарка вряд ли предполагал, что у потомков его слава будет основываться на его *Инее* на просторечии, а не на его посланиях и разнообразных диссертациях на безжизненном латинском языке. Именно это ошибочное учение Петрарки объясняет резкий перерыв в народной флорентийской литературе на столетие или более, которому Черная смерть могла быть в лучшем случае тривиальной сопутствующей причиной. Как только эта ошибка была признана, флорентийская литература снова потекла по своему старому руслу полным потоком шедевров пятнадцатого и шестнадцатого веков Ариосто, Тассо и других. Именно по совету Петрарки Боккаччо перешел от народного языка к латыни после того, как он завершил в своем *"Декамероне"* шедевр итальянской прозы. Влиянию классического возрождения, которое вызвал к жизни Петрарка, было суждено также постепенно секуляризовать флорентийское искусство, но время его полной эмансипации еще не наступило.

Черная Смерть впервые коснулась французской земли в Марселе, доставленная туда, как считалось, кораблями из Генуи. Врач Симон де Ковино описал особенности заболевания, свидетелем которого он стал в соседнем городе Монпелье, в стихах латинского гекзаметра. Он ясно осознавал ее заразный характер, поскольку, по его словам, "От одного прикосновения или одного вдоха пораженных чумой они погибали".

О чуме в Авиньоне сохранились свидетельства как мирян, так и врачей. Полное описание содержится в письме анонимного каноника своим друзьям в Брюгге. Он отмечает вирулентность инфекции и описывает как легочный, так и бубонный типы заболевания. Он говорит, что Климент VI приказал обследовать тела после смерти в надежде обнаружить причину болезни. Этот факт следует отметить тем, кто утверждает, что Церковь интерпретировала буллу *Бонифация VIII "О сепультуре"* (1300 г. н.э.) как запрещающую анатомирование человеческих тел. Вскрытия выявили лишь воспаление легких в случаях пневмонии. Аналогичные исследования, ранее проводившиеся в Италии, также дали не лучший результат. Климент также назначил искупительные процессии и покаянные литании. В пределах своего дворца, куда его поместил его лечащий врач Ги де Шолиак, он сам присутствовал при всем предписанном им церемониале. Но он не пренебрегал разведением больших каминов в своих покоях, как это делал папа Николай IV (1288-92 гг. н.э.) во время своего предыдущего визита в Рим. Только те, кто был в Авиньоне в середине лета, могут оценить цену, которую Климент был готов заплатить за неприкосновенность.

Врач Климента, Ги де Шолиак, говорит, что чума началась в Авиньоне в январе и продолжалась семь месяцев. [151] По его мнению, причины пандемии были двоякими: универсальными, заключающимися в соединении планет: и особыми, зависящими от слабого телосложения индивида, в результате чего в основном нападениям подверглись рабочие. Но тогда, как и сейчас, напуганное население было непреклонно к папским заявлениям с кафедры медицины. Они увидели в этом дело рук евреев, распространяющих яд по всему миру, поэтому предали их смерти. Они увидели в этом злобу прокаженных, поэтому изгнали их. Они увидели в этом заговор феодальных правителей с целью их

уничтожения, поэтому они остались в своих домах. И для большей безопасности они расставили по городам и деревням стражу, которая подходила к каждому вновь прибывшему и заставляла его глотать любые мази или порошки, найденные при нем.

Де Шолиак описывает два распространенных типа этого заболевания. Один тип, легочный, преобладал только в течение первых двух месяцев и характеризовался кровохарканьем, крайней заразностью и смертью через три дня. Второй тип, бубонный, преобладал в течение пяти последующих месяцев и характеризовался фурункулами, бубонами главным образом в подмышечных впадинах и паху, легкой инфекционностью и смертью через пять дней. Смертность достигла не менее трех четвертей от общей численности населения, так что, чтобы избавиться от тел, их заставляли бросать их в Рону после того, как Климент произнес благословение над ее водами.

Для Ги де Шолиака лучшим из всех консервантов было бегство, которому помогало или, возможно, нам следовало бы сказать, стесняло свободное употребление алоэтичных слабительных.

Он не сбежал сам, потому что говорит с *наивностью* Пипса: 'Что касается меня, то, чтобы избежать позора, я не осмеливался отсутствовать, но все же я был в постоянном страхе'. ("И я за это позорюсь", не говоря уже о том, что я абс.: "Может быть, я продолжаю беспокоиться о том, что кто-то из людей, кто-то исправляет ошибки".) Его нерешительность привела к его гибели, поскольку он сам был заражен ближе к концу эпидемии, но выздоровел через шесть недель. К числу других консервантов он относит запекание, очищение воздуха с помощью огня, утешение сердца патокой, яблоками и другими пикантными блюдами, утешение вкуса армянским бором Галена и предотвращение гниения с помощью горьких продуктов. Если болезнь не поддается всем этим мерам предосторожности, то в качестве лечебных мер он рекомендует кровотечения и эвакуацию с помощью электуариев и сердечных сиропов. Бубоны следует готовить с добавлением припарок из инжира и вареного лука, растертых и смешанных с закваской и сливочным маслом: затем их следует вскрыть и лечить, как язвы. Карбункулы подлежат пиявке, скарификации и прижиганию — улучшение по сравнению с катастрофическим лечением, назначенным Феликсу, епископу Нантскому, в предыдущем случае.

Раймон Шален де Винарио, другой практикующий врач в Авиньоне во время чумы, мало что добавляет к тому, что говорит Ги де Шолиак. Он описывает твердый шнурок, красный или по-разному обесцвеченный, который в некоторых случаях появлялся на поверхности тела, с карбункулом на одном конце и чумным бугорком на другом. Вряд ли это могло быть чем-то иным, кроме острого лимфангита.

Из описаний различных авторов ясно, что значительная доля случаев этой пандемии была легочной: отсюда ее вирулентность и заразность.

Среди всей этой паники, вызванной Черной смертью, преследования евреев разразились с еще большей свирепостью, чем во время Крестовых походов в двенадцатом веке. Требовалась какая-то жертва, чтобы успокоить обезумевшее население: поэтому евреев обвинили в отравлении колодцев и даже в заражении воздуха. По всей Европе были распространены косвенные отчеты о секретных операциях, руководимых из Толедо. Было описано приготовление ядов из пауков, сов и других предположительно ядовитых животных, и стал известен способ их распространения. Их обвинители так хорошо обманывали самих себя, что во многих местах источники и колодцы были запечатаны, чтобы никто не мог ими пользоваться, и жителям многих городов приходилось полагаться на дождевую и речную воду. Если бы когда-нибудь потребовалось подтверждение наличия яда, дыбе можно было

бы доверить его получение; или, в противном случае, можно было бы найти людей, достаточно мерзких, чтобы подкладывать яд в места, где обстоятельства требовали его присутствия. Те, кто избежал ярости толпы, попали в лапы неумолимого правосудия. В случае с евреями подозрение на отравление было вызвано тем фактом, что в то время медицинская практика, по крайней мере в южной Европе, находилась главным образом в руках еврейских врачей. Отвратительные массовые убийства евреев происходили на юге Франции и в Испании во время предыдущих эпидемий 1320 и 1333 годов нашей эры, как мы знаем из трудов раввина Джошуа Навина.

Первая вспышка кровожадной жестокости, по-видимому, произошла в Шильоне, на Женевском озере, в сентябре и октябре 1348 года нашей эры. Здесь это была всего лишь кульминация обвинения в отравлении колодцев задолго до эпидемии 1320 года нашей эры. Перед лицом общей опасности высшие и низшие связали себя торжественной клятвой истребить евреев огнем и мечом. Шильон вызвал Берна, и Берн отправил повестки в Базель, Фрейбург и Страсбург, чтобы присоединиться к ним в их праведном деле. Запись признаний, полученных от евреев в результате пыток в Шильонском замке, была спасена от забвения бдительностью Геккера. [152] В Базеле и Фрейбурге евреи были схвачены все до единого и без суда сожжены заживо в деревянном здании, специально построенном для этой цели, в то время как в Страсбурге не менее двух тысяч евреев были принесены в жертву на деревянных эшафотах, возведенных на их собственном кладбище. Тех, кто сбежал, безжалостно убивали на улицах, спасая лишь немногих, кому свобода была дарована после принятия крещения. Но для них отсрочка от новых обвинений и смерти была лишь временной. Неверие в свою собственную религию или физическое очарование, достаточное, чтобы утолить жажду крови их христианских преследователей, составляли единственно приемлемые притязания на мимолетную милость. Страсбург раскрыл истинную причину своей ненависти к евреям в постановлении своего сената о том, что все залоги и облигации должны быть возвращены должникам, а деньги разделены между трудящимися. Те, кто не желал пачкать свои руки кровью, по настоянию своих духовников отдавали свою долю добычи монастырям. В Шпайерсе, Майнце и Эслингене только добровольное принесение в жертву в их собственных домах спасло евреев от более бесчеловечных пыток. Некоторых убивали прямо на улицах, а их трупы бросали в Рейн в пустых бочках, чтобы они не загрязняли воздух. Время от времени изгнание заменялось сожжением, но только для того, чтобы отверженные погибали от рук диких и кровожадных крестьян.

Когда дома евреев были сожжены, был установлен запрет на вход в руины их жилищ: это место было проклято, как древний Иерихон. Но кирпичи разрушенных жилищ и надгробия жертв были в свое время переданы в качестве приемлемого благодарственного приношения Богу при ремонте христианских церквей. В Австрии против евреев были выдвинуты те же обвинения, что и в других местах, и многие из них были сожжены заживо в Вене и по всей стране. Там, где не было евреев, как в Лейпциге, Магдебурге и других местах, могильщиков обвиняли в распространении чумы в своих корыстных целях.

Следует отдать должное Клименту VI за то, что он оказал свою личную защиту евреям в Авиньоне, издав две буллы, подтверждающие их невиновность и призывающие христиан воздерживаться от преследований. Император Карл IV сделал все, что было в его силах, если не считать обнажения меча, чтобы пресечь бесчинства, творимые богемской знатью. Герцог Альберт Австрийский требовал от преследователей менее жестоких наказаний, чем они сами, но даже это не помогло спасти сотни евреев от пламени в его собственной крепости Кибург. Другие князья помельче, чаще за взятки, чем из жалости, в той или иной мере защищали несчастных евреев, заработав себе прозвище "жидовствующие хозяева".

Частному лицу было нелегко приютить еврея, поскольку наказание часто каралось на дыбе или у костра.

Гиперссылка [153] утверждает, что большое количество евреев в современной Польше можно объяснить тем фактом, что король Казимир Великий (1333–70 гг. н.э.), уступив мольбам любимой еврейки Эстер, предоставил убежище тем евреям, которые искали его. Но на самом деле Казимир лишь подтвердил охранный эдикт, обнародованный в 1264 году н.э., и Польша уже тогда предоставила убежище евреям, которые бежали от жестоких убийств, учиненных в энтузиазме первого крестового похода.

В Англии Черная смерть послужила возрождению постоянных обвинений, выдвигаемых против евреев, — что они крали христианских детей и убивали их, особенно во время Пасхи, обвинение, которое Чосер, помня о Хью Линкольнском, закрепил в патетических стихах своей настоятельницы. Их также обвинили в оскорблении Хозяина, а также в распространении яда.

Черная смерть, похоже, обрушилась с большей жестокостью на Австрию, чем на Германию, [154] возможно, из-за ее тесных контактов с Италией. Он опустошал Вену с Пасхи по Михайлов день 1349 года нашей эры, унося тридцать тысяч жизней из населения, насчитывающего менее ста тысяч человек. Возбужденное население олицетворяло это как Вредителя-Юнгфрау, которой достаточно было поднять руку, чтобы заразить жертву. Ее можно было увидеть летящей по воздуху в виде голубого пламени, а также исходящей из рта мертвых и умирающих. Некоторые видели, как яд чумы спускался в виде огненного шара. Одного такого видели парящим над городом, но епископ изгнал его молитвой, так что он безвредно упал на землю. Каменное изваяние Мадонны было установлено на улице, где оно и упало. Вся медицинская помощь оказалась бесполезной, и амулеты, зелья и консервирующие средства оказались в повсеместном употреблении. Предпринимались попытки изолировать больных, заколачивая двери и окна зараженных домов, но даже в этом случае улицы были усеяны трупами. Для приема умерших были вырыты огромные чумные ямы. Процессии флагеллантов стремились вызвать божественное сострадание с помощью ритуала странствующего покаяния.

Генезис движения флагеллантов следует искать в более глубокой истории мора, чем Черная смерть. Идея умерщвления плоти с помощью покаяния бичеванием имеет древнее происхождение, и, по крайней мере, уже в одиннадцатом веке братства были посвящены этому ритуалу. Процессии этих *набожных*, как их называли в Италии, были инициированы святым Антонием в 1231 году нашей эры, и мы слышим о них под названием Флагеллантов в Вене во время чумы 1261 года нашей эры.

Некий Монах Падуанский, которого цитирует Геккер, оставил запись о первых днях *Devoti*.

‘Когда земля была осквернена пороками и преступлениями, беспрецедентный дух раскаяния внезапно овладел умами итальянцев. Страх перед Христом охватил всех: благородных и неблагородных, старых и молодых, и даже детей пятилетнего возраста, которые маршировали по улицам без одежды, кроме шарфа вокруг талии. У каждого из них был бич из кожаных ремней, которым они со вздохами и слезами прикладывали к своим конечностям с такой силой, что из ран текла кровь. Не только днем, но даже ночью, и в самую суровую зиму они тысячами и десятками тысяч ходили по городам с горящими факелами и знаменами во главе со своими священниками и падали ниц перед алтарями. Таким же образом они действовали в деревнях: и леса и горы оглашались голосами тех, чьи вопли возносились к Богу. Слышался только меланхолический напев кающихся. Враги примирились: мужчины и

женщины соперничали друг с другом в великолепных делах милосердия, как будто они боялись, что Божественное Всемогущество обречет их на уничтожение".

Перед этим средневековым зрелищем покаяния разум незаметно возвращается к древнему ритуалу салий на той же самой итальянской земле, к их хоровому гимну искупления, к *мольбам* и к любовному пиршеству *lectisternium* более поздних дней.

Под влиянием Черной Смерти из рядов флагеллантов возникло Братство Креста, или крестоносцы, сначала в Венгрии, а затем и в Германии. Дитмар [155] оставил следующий отчет об их процессиях:

Их головы были закрыты до самых глаз, их взгляд был устремлен в землю, сопровождаемый всеми признаками глубочайшего раскаяния и скорби. Они были одеты в темные одежды с красными крестами на груди, спине и шапочках и несли тройные плети, завязанные тремя или четырьмя узлами, в которые были воткнуты железные наконечники. Перед ними несли свечи и великолепные знамена из золотой ткани; где бы они ни появлялись, их приветствовал звон колоколов; и люди стекались со всех сторон, чтобы послушать их гимны и засвидетельствовать их покаяние с преданностью и слезами".

Когда флагелланты вошли в город, они вручили бы горожанам документ, в котором излагался Божий гнев и решимость уничтожить человечество, если бы Дева Мария не заступилась за них. Некоторые из крестов, которые несли флагелланты, до сих пор можно увидеть в Гросс-Глогау, Кайзерсберге и Аммершвайере в Верхнем Эльзасе.

Этот дух религиозного фанатизма распространился подобно лесному пожару по Венгрии, Германии, Богемии, Силезии, Польше и Фландрии и даже за пределами этих стран. Осенью 1349 года несколько десятков флагеллантов переправились из Голландии и прошли парадом по улицам Лондона, но метрополия тогда еще не приобрела вкуса к процессиям и изгнала их как нежелательных пришельцев. Наконец движение опустилось на неподходящую почву. Число флагеллантов было настолько велико, что они стали причиной вполне обоснованного беспокойства духовенства, в церкви которого они фактически вторгались и чье влияние угрожали вытеснить. Их гимны были у всех на устах, и один из них, главный псалом крестоносцев, воспроизведен Геккером в его "*Эпидемиях средневековья*".

Светские власти также видели причину для тревоги в растущей численности и могуществе братства, связанного общими ритуалами и правилами и способного под руководством смелых и расчетливых лидеров оказывать свое влияние на дела государств. Император Карл IV обратился к Святому Престолу за защитой от еретиков, и Климент VI в ответ издал 20 октября 1349 года авиньонскую буллу, запрещающую паломничество под страхом отлучения от церкви. Филипп VI полностью запретил их прием во Франции, и несколько других правящих князей последовали его примеру. Безжалостные преследования вскоре сменились бездумным почитанием. Процессии были прекращены, но дух, одушевлявший их, не умер, и тот же фанатизм снова вспыхнул в Германии в четырнадцатом и пятнадцатом веках, а в Италии даже в восемнадцатом, под влиянием последовавших друг за другом эпидемий.

Считается, что Черная смерть, охватившая всю Англию, унесла половину всего населения. Историки рассказывали историю о последовавшей за этим эмансипации рабочего класса, но мы обнаруживаем, что она также оставила свой след в образовании, литературе, искусстве и архитектуре Англии.

В сфере образования это очень помогло возродить изучение английского языка в школах. После нормандского завоевания французский постепенно стал языком образования, но не специально, поскольку сам Завоеватель безуспешно пытался выучить английский. Но большая часть образования находилась в руках духовенства, и поскольку многие французы были поставлены во главе монастырей и приходских клириков, было неизбежно, что французский язык должен был стать языком образования и таким образом широко распространиться среди образованной части нации, как французской, так и английской. Примерно в середине четырнадцатого века Хигден в своем *Полихрониконе* утверждает, что французский все еще преподавался в школах, и так было со времен нормандского завоевания. В 1385 году н.э. Тревиса, комментируя заявление Хигдена, пишет:

‘Этим человеком я пользовался до первого морейна [до убийства в 1349 году], и он является со временем [с некоторых пор] юнгом. Для Джона Корнуэйла, магистра Грамера, было важным изучить знания в *gramer scole* и перевести [с] французского на английский, а Ричард Пенкриш передал эту лучшую технику ему и другим людям из Пенкриша. Так что ныне, когда мы властвуем тысячу триста сорок пять лет, второго короля Ричарда после завоевания Навина, во всех высших школах Англии дети изучают французский и толкуют по-английски”.

Несмотря на принятие французского языка в качестве языка обучения в школах, английский сохранился как разговорный язык бок о бок со своим предшественником. В конфликте между ними престиж и мода были на стороне французского, традиция и национальность - на стороне английского: и рано или поздно чаша весов должна была склониться в сторону национального языка. Слияние этих двух языков неизбежно привело к разращению каждого из них, но разращенный французский, во всяком случае, после потери Нормандии, не имел под рукой стандарта чистоты, чтобы ограничить разращение, в то время как разращенный английский постоянно очищался благодаря контакту с родным языком и существованию доморландской народной литературы. Национальный дух, подстегиваемый межнациональными распрями, созрел для завершения дела, начатого Джоном Корнуоллом в единственной школе западного кантри; и Черная смерть, смыв существующих учителей и освободив место другим коренным жителям, во многом способствовала переменам. Триумф народного языка произвел мощную революцию в нашей национальной литературе, проложив путь Лэнгленду и Чосеру. Томас Аск в прологе к своему *Завещанию о любви*, завершённому не позднее 1387 г. н.э., ссылается на полную испорченность привезенных французов, а настоятельница в "Кентерберийских рассказах", хотя и могла говорить по-французски "весело и фешенебельно", говорила только на нем

После школы в Стратфорде Атте Боу, "Френч из Парижа" должен был нанять [ее] неизвестную.

Еще одним непосредственным следствием "Черной смерти" стало сокращение литературной продукции монастырей до самого низкого уровня. Никого не может не поразить скудость и стерильность современных хроник, которые характеризуют период после Черной смерти, и разумное объяснение этой резкой перемены, по-видимому, кроется в печально известном истощении монастырских хозяйств. Трагедия провансальского братства, в результате которой брат Петрарки и его собака остались в живых, чтобы ухаживать за монастырем и охранять его, нашла отклик в подобном запустении многих английских монастырей. Особое влияние на монастыри, возможно, было связано с тем, что монахи свободно перемещались среди больных и предоставляли им убежище в своем монастыре. Больные тоже часто проявляли несвоевременную благодарность, завещая монастырям свою одежду. Врачи, как заметил в свое время Чосер, были только для богатых.

В Англии, как и в Италии, Черная смерть наложила свой отпечаток на архитектуру, резко остановив строительные проекты в процессе исполнения. Множество таких разрывов можно обнаружить в церковной архитектуре четырнадцатого века, и ярким примером являются недостроенные башни церкви Святого Николая в Ярмуте.

Предыдущая [156] указывает на аналогичный разрыв преемственности в здании Йоркского собора. Западный фасад и неф находились в процессе строительства, когда появилась Черная Смерть, и в результате получился импровизированный деревянный свод над нефом. Затем строительство хора было отложено на двенадцать лет, т.е. в 1361 году н.э., и в его структуре плавные линии декоративного стиля, которые видны на западном фасаде, уступили место формальной жесткости Перпендикуляра.

В Лондоне этот эффект гораздо менее заметен, чем в северных частях Англии, возможно, потому, что в метрополии было легче пополнить запасы каменщиков, чем где-либо еще. Строительство часовни Святого Стефана в Вестминстере и завершение строительства монастырей аббатства, по-видимому, продолжались непрерывно и без изменения стиля на протяжении "Черной смерти" и последующих лет: то же самое относится и к Глостерскому собору.

Прайор считает, что "Черная смерть" сыграла ведущую роль в вытеснении декорированного перпендикулярным шрифтом и в распространении последнего из его родины в Глостере по всей Англии. Нехватка строителей привела к тому, что каменщики переезжали из одного района в другой, удаляя их от условий использования местного камня, благоприятных для их лучшей работы и оригинальности стиля. Неизбежным результатом стало то, что архитектурный стиль, легче всего выразимый в любой форме камня, неизбежно должен был возобладать, и этим стилем был Перпендикуляр. Примеров такой трансформации за годы, последовавшие после ликвидации "Черной смерти", множество: в нефе и монастырях Кентерберийского собора, на западном фасаде Винчестерского собора и в других местах.

Та же стереотипная монотонность, тот же непрерывный упадок мастерства исполнения, то же очевидное снижение интереса к ремеслу мастера, что наблюдается при строительстве зданий, проявляются также в фигурной скульптуре и ажурных изделиях того периода. Разнообразие художественного выражения, которое в течение двух предыдущих столетий неуклонно прогрессировало от силы к силе, внезапно прекращается и довольствуется непрерывным повторением неодушевленных моделей.

‘Фигура-скульптура [157] позднесредневековой церкви в таких условиях превратилась в сугубо цеховую, по образцу, а не в свежее приключение. Это больше не занимало своего места в бизнесе строительной площадки, но было предусмотрено — а не сработано — в здании. Каменщик-строитель оставил ниши для статуй и иногда обрабатывал выступы с предметным рельефом, карнизы со скульптурой "ангела" и горгульи со скульптурой "дьявола". Но эта фигурная работа не была существенной, и целое величественное произведение архитектуры в перпендикулярном стиле могло подняться из земли и вообще никогда не нуждаться в мастерстве скульптора. Работы тепловизора теперь фактически представляли собой мебель, которую можно было купить в городе и добавить к зданию в любое время. Соответственно, в XV веке каменщики перестали высекать статуи и рельефы непосредственно на здании: они стали внешними произведениями, не имеющими к нему никакого отношения".

Гаске утверждает, что аналогичное нарушение преемственности может наблюдаться и при изготовлении витражей, и что после "Черной смерти" стиль заметно изменился. Говоря в широком смысле, стили витражей соответствуют стилям архитектуры, но в каждом случае

являются немного более поздними: так что утверждение сводится к тому, что существует непреодолимый разрыв между поздним Оформлением и ранним Перпендикуляром. И все же нельзя не вспомнить окна перед часовней Нью-колледжа в Оксфорде и восточное окно Глостерского собора, в каждом из которых очевиден переход от декорированного к Перпендикулярному.

ГЛАВА VIII

В течение трех столетий и более после "черной смерти" чума была эндемичной по всей центральной и южной Европе, и ее присутствие неизгладимо отражено в произведениях современного искусства. Танцы Смерти, знамена чумы, обетные и памятные картины, а также реальные изображения сцен чумы - все это безмолвные свидетельства постоянного присутствия врага за воротами. *Memento mori* с его мрачными предчувствиями был подходящим девизом того времени. Иннокентий III в своем "О современном мире" сказал последнее слово о страданиях человеческого существования, о позоре и деградации человеческого тела, оскверненного и оскверняющего, задолго до Черной смерти: но с тех пор мрак, который преследовал душу этого великого преемника Святого Петра, кажется, распространяется по всему миру.

Танцы с ранних времен ассоциировались с представлением о смерти. У многих примитивных рас эти танцы, по-видимому, относятся к миметической магии и призваны ускорить уход духа умершего. И греки, и римляне сохраняли танцы на своих погребальных торжествах, и изображения этих погребальных танцев были найдены в связи с греческими и этрусскими гробницами. Обычно это вереница дев, держащих друг друга за руки, во главе с молодым мужчиной-корифеем. Анакреон, [158] Тибулл, [159] и Вергилий [160] все они изображают разгул танца в стране ушедших душ, и радость является ключевой нотой танца. Христианство, вытеснив язычество, к лучшему или к худшему привило мрачное представление о смерти как о наказании, каре за первородный грех. Повторяющиеся эпидемии чумы превратили эту концепцию в концепцию неумолимого врага, упивающегося разрушением человеческого счастья и тщетностью человеческих дел. Литература той эпохи в не меньшей степени, чем ее искусство, несет на себе отпечаток этой концепции. Петрарка оставил нам *Триумф Смерти*, а Ленгленд в своем *Видении Пирса Пахаря* [161] изобразил нам в стихах Танец Смерти:

Смерть пришла следом, и все обратила в прах Кинжей и рыцарей, кайзерш и пап, Ученых и развратных: он не позволил ни одному человеку устоять; Что он даже ударил, с тех пор ни разу не пошевелился. Многие милые леди и ее рыцари падали в обморок и изнемогали от жары из-за сорве из династий Смерти.

Самая ранняя достоверно подтвержденная картина с изображением танца смерти - это та, которую когда-то можно было увидеть на кладбище Невинных в Париже, написанная в 1434 году н.э., но маловероятно, что она действительно была первой. Очень похожую тему более раннего периода все еще можно увидеть на Кампо Санто в Пизе. Вазари приписывал ее Эндрю Орканье (1329-68 гг. н.э.), но современные критики полагают, что она была написана пизанскими художниками около 1350 г. н.э. На этой фреске изображены трое молодых людей, следующих за погоней верхом на лошадях. Придя в келью святого Макария,

египетского отшельника, они оказываются лицом к лицу с тремя открытыми гробами, в которых находятся скелет и два мертвых тела, напоминающих им о мимолетности человеческих удовольствий. Эта тема также заимствована из современной литературы. Под названием "Трое мертвых и трое выживших" она фигурировала в стихах тринадцатого века и часто иллюстрируется в рукописи *Horae* того периода. Предполагается, что эта легенда является источником названия "Танец смерти", или "Танец Макабра", часто используемого в качестве альтернативного названия знакомого "Танца смерти".



ФОТОГРАФИЯ XIII "ПЛЯСКИ СМЕРТИ" В БАЗЕЛЕ (Первая страница 135)

Не в Италии и не во Франции, а скорее, как и следовало ожидать, в Германии и Швейцарии, эти Пляски Смерти нашли наибольшее одобрение, как и подобает странам, породившим Лютера и приютившим Кальвина. В 1462-3 годах в Любеке свирепствовала чума. В часовне в восточной части Мариенкирхе находится хорошо отреставрированный "[Танец смерти](#)", датированный 1463 годом, на котором показаны костюмы того периода. Он интересен тем, что значительно старше более известного Базельского танца.

Безусловно, самой знаменитой "Пляской смерти" была картина, написанная в сарае на церковном дворе доминиканского монастыря в Базеле. Считается, что она была написана в память о чуме, произошедшей во время сессии Большого совета Базеля, которая длилась с 1431 по 1443 год нашей эры. На основании недостаточных доказательств это было приписано Гольбейну. Он был разрушен буйствующей толпой в 1806 году нашей эры, но реликвии фигур в натуральную величину, написанных маслом, до сих пор можно увидеть в Историческом музее в Базеле. Существуют также гравюры с его изображением, которые подробно описывают его персонажей. Гольбейн действительно изобразил 'Танец смерти' фресками на стенах старого дворца Уайтхолл, который был уничтожен во время пожара 1697 года нашей эры. Это был подходящий предмет для кисти художника, которому самому

суждено было умереть от чумы (1554 г. н.э.). Вероятно, на это ссылается Мэтью Прайор в своей *Оде памяти Джорджа Вильерса*:

Срок нашей жизни зависит не от нашего поступка, Еще до нашего рождения были назначены наши похороны, Ни благодаря предвидению, ни случайности не ввели в заблуждение, Властная смерть направляет черное копье, Населяет могилы великого Генриха и ведет Танец Гольбейна.

Гольбейн почти наверняка был также автором оригиналов лионской "Пляски смерти", с которой Ганс Люценбергер сделал гравюры на дереве, представляющие разнообразных персонажей всех без исключения социальных укладов, среди которых Смерть в гротескном обличье выполняет свою мрачную и отвратительную задачу.

Самый случайный наблюдатель не может не быть поражен в любой коллекции картин школы Гольбейна количеством изображений, представляющих тот или иной аспект смерти. В малой картинной галерее Базеля есть картина с двумя черепами и большой берцовой костью работы Амброза Гольбейна; диптих с бюстом молодого человека на одной панели и скелетом на другой работы Ганса Гольбейна Младшего; еще один диптих шестнадцатого века с бюстом девушки на одной панели и бюстом скелета на другой работы неизвестного художника; и две картины Ганса Бальдунга (1475-1545 гг. н.э.), на одной Смерть держит женщину за волосы и указывает на могилу. : другой о Смерти, целующей женщину перед открытой могилой.

Знамена чумы, или *гонфалони*, [162] являются характерным произведением умбрийской школы живописи, и особенно ее перуджийской ветви. Уделом перуджийских художников было заниматься своим искусством посреди всевозможных невзгод. На протяжении пятнадцатого века их страна была опустошена войной и чередой эпидемий чумы (в н.э.. 1399, 1418, 1429, 1437, 1450, 1456, 1460-8, 1475-80 и 1486). Перед лицом этих посещений Перуджа решила воззвать к милосердию Христа посредством своего искусства. Всех ее художников едва хватало, чтобы изготовить все знамена, необходимые для ее искупительных и триумфальных шествий. Именно в такие моменты и появлялись *гонфалони*, вознесенные между небом и землей, как бы для того, чтобы донести до Бога великолепное проявление народного покаяния. Перед знаменами просителей маршировали священнослужители в своих рясах, за ними следовали кающиеся люди, ударяя себя в грудь и громко причитая *Misericordia*. При каждом новом нашествии чумы новое поколение художников, начиная с Бонфигли (1420-96 гг. н.э.) и заканчивая Бароччо (1528-1612 гг. н.э.), было призвано заново воздавать должное народной преданности. Средство было хорошо приспособлено к их страданиям, ибо эти процессии кающихся, пересекавшие город и следовавшие за знаменами, на которых была изображена фигура Искупителя, или Мадонны, или какого-нибудь другого святого, пораженного чумой, вызывали в их душах такую степень духовной экзальтации, что делали невозможным уныние. Люди смотрели на них так же, как они смотрели на Медного Змея, которого Моисей водрузил в пустыне. **Поразительным является знамя работы Бонфигли** в церкви Святого Фьоренцо в Перудже, написанное в 1476 году н.э. во время эпидемии чумы. Вверху на коленях Мадонна: перед ней стоит Ребенок в корзине с розами, поддерживаемый ангелами, в венках из роз, как на большинстве картин Бонфигли. И Мадонна, и Младенец увенчаны коронами. Внизу преклоняют колени группы горожан, мужчин и женщин, вместе с Себастьяном и другими святыми, взывая к Мадонне. Ангел держит свиток, на котором начертан пылкий призыв к покаянию, смешанный с яростным обличением их грехов, в следующих словах Лоренцо Спирити:

‘О, самые упрямые и порочные люди — жестокие, гордые и исполненные всякого беззакония, которые возложили свою веру и свои желания на вещи, полные смертных страданий, я, ангел Небесный, послан к вам от Бога, чтобы сказать вам, что Он положит конец всем вашим ранам и рыданиям, вашей гибели и вашему проклятию через посредничество Марии.... Обрати, обрати свои взоры, самые несчастные смертные, к великим примерам прошлого и настоящего, к крайним страданиям и тяжкому злу, которые Небеса посылают тебе из-за всех твоих грехов: твоего человекоубийства и твоего прелюбодеяния, твоей алчности и роскоши.... О несчастные существа, правосудие небес действует не спеша, но оно наказывает всегда, именно так, как этого заслуживают люди.... Ниневия была городом цветущим и великолепным, и Вавилон был таким же, но теперь они превратились в ничто; а Содом и Гоморра, взгляните на них сейчас — болото серы и зловонных вод.... О, поэтому будьте благодарны и признайте блага и милости нашего Спасителя, и пусть ваши души горят горячим огнем веры и милосердия, надежды и верной любви.... Но если ты снова станешь ленивым и не захочешь отречься от своих ошибок, я предсказываю тебе второй суд, и я полагаю, что он окажется более ужасным, более жестоким, чем первый". [163]

На таких знаменах, как этот, воображение художника находит выражение переполняющим эмоциям не только в его собственном сердце, но и в сердцах его сограждан.

Другой тип знамени с изображением чумы - это "[Мадонна делла Мизерикордия](#)" в церкви Святого Франческо дель Прато в Перудже, также работы Бонфигли. На нем стоит дата 1464 г. н.э. В центре возвышается Мадонна в короне, величественная фигура, возвышающаяся подобно маяку среди шторма, на который страждущие могут устремить свой взор и надеяться. На ее одеянии лежат сломанные стрелы, а под его широкими складками стоят на коленях группы монахов с одной стороны и монахинь с другой, все в молитвенных позах. В верхней части картины Христос, облаченный одновременно в корону и крестообразный нимб, пускает стрелы вниз. По правую руку от Него - ангел правосудия с обнаженным мечом, по левую - ангел милосердия с мечом в ножнах. Собравшиеся вокруг Мадонны и молящие ее о заступничестве С. Лоренцо и епископ С. Северо, Костанцо и Людовико. Под ними справа С. Франциск и Бернардино, а слева - Святой Петр Мученик и святой Себастьян, чье тело пронзено множеством стрел. Перуджа находится в особом ведении этих святых. В нижней части картины изображен город Перуджия с его символическим грифоном на стене. За стенами братство в белых одеждах преклоняет колени в молитве. За ними скрывается Смерть, скелет с крыльями летучей мыши, с луком и стрелами, чьи жертвы устилают землю. Но молитвы возобладали, и уже архангел Рафаил поражает Смерть своим копьем. На переднем плане за стенами изображена семья беглецов, мать верхом на осле везет своих младенцев в колясках. У боковых ворот двое солдат поспешно убегают, пока привратник рассказывает им о состоянии города. Перуджийцы говорят, что лицо мадонны нарисовал не Бонфигли, а ангел. Они вполне могли бы сказать это об изысканной "[Мадонне дель Соккорсо](#)" на чумном знамени Синибальдо Иби 1482 года н.э. в церкви Сан-Франциско в Монтоне. Эта фантазия о защищающей Мадонне, расправляющей свои одежды на своих просителях, подобно курице, собирающей цыплят под крылья, заимствована из еврейской поэзии. Аналогичная концепция прослеживается и в языке девяносто первого псалма: ‘Я скажу Господу: Ты - надежда моя и твердыня моя; Боже мой, на Него я буду уповать. Ибо Он избавит тебя от сети охотника и от зловонной язвы. Он защитит тебя Своими крыльями, и ты будешь в безопасности под Его перьями".



"МАДОННА ДЕЛЛА МИЗЕРИКОРДИЯ"
РАБОТЫ БОНФИГЛИ

Фотография Алинари, Рим

ТАБЛИЧКА XV (лицевая страница 138)



MADONNA DEL SOCCORSO.
АВТОР : СИНИБАЛЬДО ИБИ

Фотография Алиари, Рим

ТАБЛИЧКА XVI (лицевая страница 139)



ЗНАМЯ ЧУМЫ.
ХРИСТОС И СВЯТЫЕ.
АВТОР: БОНФИГЛИ

Фотография Андерсона, Рим

Обращает на себя внимание еще одно знамя Мадонны — изображение Бонфигли в Корчано близ Перуджи, датированное 1472 годом. Она имеет тот же общий характер, что и его 'Мадонна делла Мизерикордия'. Причудливым головным убором ангелов, поддерживающих ее одеяние, является венок из роз, символизирующий Мадонну, который в том или ином виде встречается на очень многих ее картинах.

Почти на всех этих знаменах, как и в других архаичных произведениях, уменьшающийся размер отдельных фигур указывает на меньшие роли, которые им приходится играть. Во многих случаях Мадонна заполняет почти всю поверхность знамени.

На другом знамени Бонфигли в церкви Святой Марии Нуова в Перудже фигура Христа с крестообразным нимбом доминирует над картиной. Он держит стрелы чумы, готовые пустить их в народ. Его лицо печально и исполнено сожаления, поскольку Он верно выполняет заветы Своего Отца. По обе стороны от Него святые несут эмблемы Страстей Господних, а справа и слева - затемненные солнце и луну. Рядом с Ним преклоняют колени Мадонна и францисканец Святой Паулинус. В нижней части картины изображены дымовые трубы и башни Перуджи, на которых изображен демон-вредитель в виде огромной летучей мыши с косой в руках и Ангел Избавления, поражающий его своим копьем. Внизу, под присмотром святого Бенедикта и Святой Схоластики, миниатюрные горожане преклоняют колени в молитве.

Еще одним типом знамени чумы является то, в котором фигура святого играет ведущую роль. Святой всегда остается Себастьяном, только потому, что в Умбрии и Тоскане он был главным признанным защитником от чумы. Лучшим примером такого типа является святой Себастьян Содомский, описанный выше (стр. 100-1).

Знамена о чуме не были исключительным продуктом Умбрии. Две из самых известных, "Святой Себастьян Содомский" и "Сикстинская мадонна Рафаэля", написанные соответственно в Сиене и Флоренции, являются произведениями тосканской школы, но найти и изучить их с пользой можно только в Перудже и ее окрестностях. Сикстинская мадонна, на которой Мадонну с Младенцем сопровождают Святой Сикст и Святая Барбара, была написана во время эпидемии чумы для Черных братьев Святого Систо в Пьяченце. Не существует никаких записей о том, что он когда-либо действительно использовался для той цели, для которой был нарисован. Бонфигли в духе Фидия написал "Марию, царицу Небесную"; Рафаэль в духе Праксителя написал 'Марию, Матерь Божью'. Люди хотели королеву, а Рафаэль дал им крестьянку. Они не могли видеть в женщине, как видел Рафаэль, воплощение мягкости, одухотворяющее грубость в мужчине. Они не могли видеть в материнстве видение добровольного страдания, преображенного в радость. Именно это воссоединение искусства с природой лишило знамя чумы привязанности простых людей.

Менее важными являются чумные знамена работы Бонфигли в Чивителла Бенаццоне, работы Синибальдо Иби в монастыре Святого Убальдо в Губбио, датируемые 1503 годом н.э., работы Джанниколы Манни в церкви Святого Доминико в Перудже, датируемые 1525 годом н.э., и работы Берто ди Джованни в кафедральном соборе Перуджи, датируемые 1526 годом н.э. Там их можно будет увидеть по большей части в виде алтарных фигур в рамках.

Величайший художник Перуджи Пьетро Ваннуччи, более известный как Перуджино, погиб во время одной из эпидемий в своем городе. Традиция гласит, что он умер, отрекшись от Спасителя и Мадонны, которых его искусство так прославило, и что его тело было брошено в заброшенную могилу рядом с придорожным дубом. Его сыновья усердно искали тело своего

отца, чтобы похоронить его в церкви Святого Агостино, но тщетно, среди стольких погибших от чумы. Однако говорят, что его нашел священник и похоронил под стенами своей церкви в Фонтиньяно.

Более скромный *Пестблаттер*, по-видимому, играл почти ту же роль в религиозной деятельности индивидуума, что и *гонфалони* в деятельности толпы. Они были не только немецкими, но и выпускались также в типографиях Фландрии, Нидерландов, Италии и, реже, Франции. Живописные *Пестблэттеры* представляют собой в основном грубые гравюры на дереве или медной пластине, в некоторых случаях грубо раскрашенные вручную, и относятся в основном к последним двум третям пятнадцатого и первой трети шестнадцатого веков. По характеру своих сюжетов они обычно просто набожны и представляют собой некий акт искупления или ходатайства от имени человечества. Три ведущих типа близко соответствуют трем типам *гонфалони* по своим предметам:

1. Христос, страдающий Искупитель, на кресте.
2. Заступничество Девы Марии или Христа.
3. Памятники мученической смерти особых святых от чумы, таких как святой Себастьян, святой Рок и святой Антоний.

И тесно связанный с этим последним,

4. Заступничество этих особых святых от чумы или других святых, чья связь с чумой была более случайной и менее широко признанной: таковыми были святой Квирин, святой Адриан и святой Валентин.

Многие из этих форм содержат соответствующую молитву или призыв. Иногда религиозный элемент дополняется описанием гигиенических мер предосторожности или мер по исправлению положения. Таким образом, молитвенный надрез сочетается с предписаниями, обычно в стихах, о том, как предотвратить чуму путем изоляции, окуливания, мытья или диеты; или как вылечить ее такими мерами, как кровотечение или наложение пластыря, чтобы ускорить созревание бубонов.

В дополнение к этим типам встречается не изобразительный тип, почти похожий на английский Broadside, в котором религиозная цель почти или полностью исчезла и который в бескомпромиссной прозе излагает направления профилактического или терапевтического характера.

Pestblätter возник не одним способом. Во времена эпидемии часто совершались паломничества к святыням особых святых, и были предоставлены приблизительные изображения этих святых в память об их паломничестве к набожным. Иногда объектом почитания была какая-нибудь священная картина, которую затем грубо воспроизводили на память. В других случаях они, по-видимому, были выпущены религиозными общинами исключительно для религиозных целей. Документы светского характера были либо напечатаны по заказу муниципалитетов, либо являлись продуктом частного медицинского предприятия. Оригиналы *Пестблеттеров* можно увидеть в ведущих музеях большинства европейских стран. Некоторые из них были превосходно воспроизведены в портфолио [164] Хайцем и Мюндем из Страсбурга.

Лист XVII (1) представляет собой гравюру на дереве, вероятно, напечатанную в Нюрнберге в начале пятнадцатого века. Всемогущий изображен с обнаженным мечом мора в руке, внутри того, что, судя по его окраске, в оригинале является изображением венка из роз,

символизирующего Деву Марию. В центре изображен святой Себастьян со своей символической стрелой и ангел, ухаживающий за язвой Святого Роха. Ниже приведена молитва этим двум святым.

На фото XVII (2) изображен Всевышний наверху со стрелами чумы в руках. Увенчанная короной Мадонна укрывает под своим одеянием своих просителей, среди которых есть высокопоставленные лица Церкви. Внизу группа святых ходатайствует перед Богородицей с Младенцем и Святой Анной. Все это окружено поясом Пресвятой Девы, выполненным в виде венка из роз.

ТАБЛИЦА XVII (между страницами 142 и 143)



1. ВСЕМОГУЩИЙ С СС. СЕБАСТЬЯН И РОЧ



2. ВСЕМОГУЩИЙ, МАДОННА И ПРОСИТЕЛИ. БОГОРОДИЦА С МЛАДЕНЦЕМ, Святая АННА И ПРОСИТЕЛИ

Святой Антоний - любимая фигура этих *Пестблеттеров*. В Германии он более тесно связан с чумой, чем в Италии. Он также является покровителем рожистого воспаления, известного как Огонь святого Антония, который часто бушевал во время эпидемий в долистерианские времена. Обычно его изображают с крестом, на котором он был распят, с костылем, символизирующим его преклонный возраст и немощь, и с колоколом для изгнания бесов.

Первоначально в колокол звонили не только для того, чтобы попросить помолиться за душу усопшего, но и для того, чтобы отпугнуть от нее злых духов. Свинья, сопровождающая святого Антония, является эмблемой дьявола, искушения которого он успешно отразил. Даже в отсутствие самого святого Антония часто изображается его крест в форме греческой буквы "Т", иногда с пригвожденным к нему Христом. Из-за этой ассоциации святого Антония с крестом вошло в обычай обращаться к нему, как к распятию, во времена эпидемии.

Связь СС. Квирин, Адриан и Валентин из Руфаха с чумой носит чисто локальный и случайный характер. Святой Квиринус был в первую очередь покровителем подагрических больных, а святой Валентин - эпилептиков, так что имя *Вельтинс Кранкхайт* было применено к эпилепсии. Святой Адриан держал под своим особым покровительством фламандских пивоваров, и более похвальное покровительство больным чумой было лишь более поздним наростом.

Очень большое количество картин посвящено конкретным бедствиям и было написано во исполнение обетов, данных Мадонне и святым об избавлении от чумы. Многие из них уже рассматривались в связи с легендами и культами СС. Себастьян и Рох, которым они были посвящены. Но на гораздо большей части этих изображений центральной фигурой является Мадонна (см. Рисунки [XI](#) и [XII](#)). Иногда ее посещают св. Себастьян и Рох, а также другие святые. Добавленные святые - это, как правило, особые защитники города, в честь которых было совершено благодарственное подношение. Иногда это святые-покровители братств, в честь которых они были нарисованы. Иногда к изображениям соответствующим образом добавляются особые святые-медики, Косма и Дамиан. Примеры можно увидеть практически в любой галерее итальянских картин. В Брере Чима де Конильяно (1460-1518 гг. н.э.) написал Мадонну с Младенцем, изображающую святого Иоанна Крестителя, святого Себастьяна, Магдалину и святого Роха, у последнего из которых видна резаная рана на внутренней стороне правого бедра. Характер рисунка может быть воспринят как убедительное доказательство его происхождения и назначения.

На картине Тициана в Ватикане изображены Мадонна с Младенцем во славе, а святой Себастьян, Святой Николай, святая Екатерина, святой Петр и святой Франциск - сопровождающие их святые. Эта картина была написана Тицианом после прекращения эпидемии чумы в Венеции для францисканской церкви Святого Николо де Фрари.

"Мадонна Сан-Себастьяно" работы Корреджо, на которой ее сопровождают св. Себастьян и Рох, а также св. Джеминиано, святой покровитель Модены, была написана в 1515 году н.э. в память о чуме, опустошившей этот город тремя годами ранее.

Еще одна картина Гвидо Рени (1574-1642 гг. н.э.), написанная в Академии в Болонье, была написана по просьбе сената Болоньи после чумы 1630 г. н.э. Его пронесли в торжественной процессии через город к его освящению, и из-за этого обстоятельства он получил название "Il Pallione del Voto". Радуга под ногами Мадонны и оливковая ветвь в руке младенца Христа означают возвращение мира. Сопутствующие святые - особые покровители Болоньи, святой Петроний, святой Франциск, святой Доминик, святой Прокул, святой Флориан, святой Игнатий и святой Франциск Ксаверий.

‘Мадонна Фолиньо’ Рафаэля, находящаяся в Ватикане, была названа некоторыми картиной чумы из-за ее общего характера и огненного шара, опускающегося на город Фолиньо. Рафаэль, однако, написал эту картину в 1512 году н.э., в том самом году, когда в Фолиньо упал аэролит: вероятно, картина посвящена спасению какого-то человека или учреждения. В Фолиньо была ужасная чума, но не ранее 1523 г. н.э., и она была изображена на

отвратительной картине Гаэтано Гандольфи из Болоньи (1734-1802 гг. н.э.), которая сейчас находится во дворце Корсини в Риме.

Чудесных мадонн в Италии предостаточно, но, как правило, они не представляют особого художественного интереса. Приятным исключением является 'Мадонна с Младенцем', которая висит на трибуне церкви Кармине в Перудже. Он был установлен в память об избавлении Перуджи от чумы по молитве перуджийских кармелиток: при каждом повторении чумы он был объектом народного обожания. Раньше она была покрыта марлевой вуалью, которая загорелась и была уничтожена, но сама Мадонна избежала каких-либо повреждений.

Мадонна Ара Коэлы и мадонна Сан-Мария Маджоре являются признанными избавителями от чумы в Риме.

Во Флоренции тоже есть своя чудотворная Мадонна в маленькой деревушке [Импрунета](#). Эта темная панель, почерневшая и погибшая с течением лет, была найдена, как гласит легенда, в почве Импрунеты, издавшей крик, когда по ней ударились лопата рабочего. Редко или вообще никогда не выставляясь на обозрение набожных людей, она подвергалась унижению от рук вездесущего фотографа. В начале лета 1527 года во Флоренции вспыхнула чума. 2 июня был устроен грандиозный праздник в честь Благовещенской Девы, чтобы убедить ее помочь Содружеству в его бедах. Но в июле и августе смертность возросла до 150-200 человек в день, а осенью вдвое превысила эти цифры, так что все дела остановились, и город казался опустевшим. Тогда правительство решило обратиться к Черной Деве Импрунеты, которую Флорентийское Содружество так часто призывало во время различных кризисов своей истории. О ней в Segni [\[165\]](#) гласит: 'К этой матери Божьей наш город никогда публично не обращался напрасно, в какой бы крайней степени бедствия. Это не легкая или глупая вещь, которую я здесь подтверждаю: ибо во время засухи она всегда посылала дождь; во время наводнения она возвращала нам прекрасную погоду; от мора она удаляла яд; и от каждой самой тяжелой болезни она находила подходящее лекарство.' Итак, Черная Дева была привезена из Импрунеты, и магистраты Флоренции, "босые и в трауре, встретили ее у городских ворот и понесли торжественной и очень печальной процессией в церковь Сервитов". Сорок тысяч горожан умерли в ноябре месяце. Но неизменная Дева Импрунетская восторжествовала и в этом случае. Ибо с наступлением холодов болезни начали ослабевать. И таким образом вера флорентийцев в их очарование была подтверждена более чем когда-либо". Черная Дева по-прежнему охраняет Флоренцию во время засухи. Читатели "*Ромолы*", вероятно, помнят другую волнующую процессию Пресвятой Девы Импрунеты, в которой Савонарола вызывающе шествовал в окружении чернокожих и белых доминиканцев.

По всей Франции и Италии можно увидеть множество фотографий, запечатлевших служение местных или местно почитаемых святых во время эпидемии. Такова картина Тьеполо в соборе в Эсте, на которой [изображена святая Текла, освобождающая Эсте от чумы](#). Картины, подобные этой, находятся на полпути между группой изображений по обету и группой реальных сцен чумы, самым ранним представителем которых является Рафаэль (1483-1520 гг. н.э.).



ДЕВСТВЕННИЦА ИМПРУНЕТА



ТАБЛИЧКА XIX С. ТЕКЛА ОСВОБОЖДАЕТ ЭСТЕ ОТ ЧУМЫ

Джованни Баттиста Тьеполо.

Фотография Найи, Венеция (Лицевая страница 147)

Рисунок Рафаэля "Чума", [166] сейчас находится в галерее Уффици во Флоренции, со временем сильно потрепался. Картина разделена на две части головой бога Терминуса, установленной на высоком пьедестале. Справа изображена ночь, но интерьер дома скорби показан в вертикальном разрезе. Во дворе стоит молодой человек с факелом в правой руке и подсчитывает количество пораженных животных, в то время как левой рукой он не дает одной из овец приблизиться к тем, которые мертвы. Овца лежит мертвая, к ее высохшему вымени привязан молодой ягненок. Лежащий бык печально наблюдает за происходящим. Над этим усыпанным трупами двором поток света, проникающий внутрь комнаты, освещает фигуры двух Сестер Милосердия, которые ухаживают за умирающим хозяином дома: он растянулся на своей кровати, лежа в густой тени — тени надвигающейся смерти. Кажется, он отворачивается от них и отвергает их помощь.

В другой части картины день, и при дневном свете повсюду видны сцены страданий, смерти и запустения. На переднем плане лежит тело женщины, распростертое при смерти, в то время как ее ребенок изо всех сил пытается дотянуться до ее ледяной груди. Отец поспешно наклоняется, чтобы удержать ребенка, и при этом прикрывает ему нос и рот рукой, чтобы уберечь от заражения чумой. Позади этой группы пожилая женщина в ужасе отворачивается; перед ней старик в приступе скорби закрывает лицо руками, прислонившись к постаменту статуи, в то время как молодой человек в панике убегает. На заднем плане сломанные колонны и труп лошади усиливают запустение сцены.

Изображение этой сцены Рафаэлем, несмотря на весь ужас ее деталей, вызывает скорее жалость, чем ужас. Он удерживает равновесие между ужасной реальностью чумы и

спасительной духовностью человеческой природы. Сострадание и страдание стоят бок о бок. Бык пассивно жалеет себе подобных, в то время как Сестры стремятся активно служить своему роду. В чертах лица и поведении ребенка Рафаэль изобразил преданность, которая не умирает со смертью. Глубочайшая нотка пафоса звучит в образе старика в центре картины, чьи седые волосы в печали опущены в могилу.

Утверждалось, что изображение Рафаэлем мертвой матери и ребенка было вдохновлено реальной записью Амбруаза Паре, но поскольку Паре родился всего за три года до смерти Рафаэля, это утверждение опровергается.

Долг Рафаэля, по-видимому, восходит к Аристиду Фиванскому, который процветал около 340 г. до н.э. Плиний [167] упоминает его картину, которая так впечатлила Александра Македонского при разграблении Фив, что он забрал ее себе и приказал отправить в Пеллу. Согласно Плинию, на картине была изображена раненая мать, лежащая при смерти, и ее младенец, ползущий к ее груди. На ее лице написан страх, как бы ребенок не пустил кровь из ее груди теперь, когда у нее высохло молоко.

Рисунок Рафаэля был выгравирован Марко Антонио Раймонди под названием "Il Morbetto". В *"Марке-Антуане Раймонди" Делаборда* она воспроизведена под названием "Чума фригийцев", потому что на пьедестале начертаны слова Вергилия:

Linquebant dulces animas aut aegra trahebant corpora. [168]

Вергилий в этом кратком описании мора стремится не более чем к простому поэтическому эффекту. Она введена только для того, чтобы наполнить чашу неприятностей для троянских странников, и сжата в несколько строк. Троянский флот только что достиг суши: Эней заложил фундамент нового города, и Илиону предстояло снова жить в Пергаме. Затем разразилась чума.



ТАБЛИЧКА XX "ЧУМА".
РИСУНОК РАФАЭЛЯ

(Первая страница 148)

Iamque fere sicco subductae littore puppes; Connubiis arvisque novis operata iuventus, subito cum tabida membris, corrupto caeli tractu, miserandaque venit arboribusque satisque lues et letifer annus. linquebant dulces animas aut aegra trahebant corpora; tum steriles exurere Sirius agros; arebant herbae, et victum seges aegra negabat.

Едва выдерживают суда, вытщенные на берег, И склонные к бракам молодые люди соперничают За создание новых поселений, в то время как я по закону распределяю каждому необходимое место для жилья. Когда с оскверненной части неба собираются густые испарения, мои товарищи заболевают, И отвратительная зараза спускается с высоты На бранные ветви и стоячие посевы и деревья, Время года, черное от смерти и чреватое болезнями.

Сладкая жизнь покинула смертных: они поникли и умерли. Свирепый Сириус опалил поля, и травы и зерно иссыкли, а истощенные посевы лишились пищи. (Фэрфакс Тейлор.)

В нынешнем виде это набросок массового бедствия, которое Рафаэль не собирался изображать, когда использовал эту линию. Конечно, Сестры Милосердия не фигурировали бы во время фригийской чумы за несколько тысяч лет до Рождества Христова!

Помимо изображений, существует несколько медалей, посвященных эпидемиям до шестнадцатого века: иногда их использовали как средство духовного утешения. Частыми

украшениями на них были изображения Христа на Кресте или Змеи на шесте. Образец, изображенный здесь (Фото I (4)), является виттенбергским талером 1528 года. Эти два устройства изображены на противоположных сторонах медали, каждое с описательной надписью.

Пятнадцатый век в Италии подходил к концу из-за череды эпидемий. Пинтор, личный врач папы Александра VI, оставил книгу, в которой он говорит, что *галльский морбус* впервые появился в Риме в марте 1493 года и к августу следующего года привел к многочисленным жертвам. Затем, после разлива Тибра в декабре 1495 года, в Риме свирепо вспыхнула чума. Пинтор утверждает, что прикосновение к определенным драгоценным камням перевозносилось как специфическое. В 1493 году чума свирепствовала также в Генуе и Неаполе. В последнем городе смертность составила 20 000 душ. Генуэзский хронист Сенерага приписывает вспышку в Генуе загрязнению берега трупами евреев, которые искали там убежища после своего изгнания из Испании в 1492 году, но умерли от голода на окраинах негостеприимного города. Еврейские писатели утверждали, что в Испании была чума и что беглецы привезли ее на своих кораблях в Италию. Большинство изгнанных евреев нашли убежище от преследований Креста под защитой Полумесяца в Константинополе, Салониках, Леванте и Северной Африке. Именно эта далеко зашедшая эпидемия вынудила французского короля Карла VIII покинуть Флоренцию, Рим и Неаполь подряд, почти сразу после того, как его армия вошла в них.

ГЛАВА IX

На протяжении шестнадцатого века эпидемии чумы следовали друг за другом почти непрерывно по всей Центральной Европе. Только в Риме в течение этого столетия произошло не менее двенадцати серьезных вспышек. Архивы Капитолия и реестры современных нотариусов [169] изобилуют разрозненной информацией об этих посещениях. Вошло в привычку, что при первых признаках эпидемии папа и его двор должны бежать из Рима в безопасное место, предоставив муниципалитету обеспечивать ситуацию, насколько это возможно. В мае 1449 года Николай V бежал в Умбрию; в 1462 году Пий II последовательно бежал в Витербо, Больсену и Корсиньяно. В 1476 году Сикст IV подобным же образом переезжал с места на место. Таким образом, в апреле 1522 года, в разгар эпидемии, это, казалось, соответствовало прецеденту, когда Адриан VI из своего безопасного уединения в Испании отправил в Рим сообщение о необходимости введения нового налога для поддержки крестового похода против турок. Кардиналы, по-видимому, хотели последовать примеру Адриана, поскольку в июне Городской совет обратился к Священной коллегии с просьбой не покидать своих постов. Покинутые своими духовными лидерами, люди с готовностью прислушались к самозванству греческого некроманта Деметрия из Спарты. Он убедил перепуганных людей, что чума - дело рук демонов и что, умиротворяя их, можно положить ей конец. Поэтому он прошелся по улицам города, ведя на шелковой веревке быка, которого, по его словам, приручил с помощью заклинаний, и принес его в жертву враждебным демонам в Колизее с соблюдением всех языческих ритуалов. Как только духовенство осознало чудовищность кощунства, которому они попустительствовали, они организовали покаянную процессию, которая прошла по городу, избивая себя до крови и выкрикивая *Misericordia*. Если мы можем отдать должное Паоло

Джовио, главному врачу Климента VII (1523-34 гг. н.э.), то не молитва и не жертвоприношение положили конец чуме, а чудесное масло, изобретенное Грегорио Каравитой, врачом из Болоньи. Говорят, что Оратория дель Крочифиссо, расположенная рядом с церковью Сан-Марчелло, была воздвигнута в ознаменование этого события. Эта чума продолжалась по крайней мере до следующего, 1523 года н.э., для Бенвенуто Челлини [170] довольно подробно описывает свой опыт с ней. Он говорит, что это тянулось месяцами и что ежедневно в Риме умирало несколько тысяч человек. Вполне естественно опасаясь за себя, он решил прибегнуть к таким развлечениям, которые способствовали бы бодрости духа, которую многие считали лучшим средством против инфекции. Поэтому он занялся охотой на голубей среди древних памятников Рима и обнаружил, что это занятие настолько полезно для его здоровья, что ему удалось надолго предотвратить чуму, от которой скончались многие из его товарищей. Но несколько позже, проведя ночь с молодой служанкой, он сам стал жертвой и записал свои первоначальные ощущения следующим образом:

‘Я встал в час перерыва на пост и почувствовал усталость, потому что проехал много миль той ночью и хотел поесть, когда меня охватила сильная головная боль: на моей левой руке появилось несколько фурункулов вместе с карбункулом, который проявлялся сразу за ладонью левой руки, там, где она соединяется с запястьем. Все в доме были в панике: моя подруга, корова [Фаустина] и теленок [служанка] - все убежали. Оставшись там наедине с моим бедным маленьким учеником, который отказался покинуть меня, я почувствовал, как у меня защемило сердце, и решил, что я покойник”.

Благодаря постоянному уходу друга-мужчины и помощи врача, которого вызвал ученик, Бенвенуто избавился от болезни, но, пока бубон был еще открыт и заткнут корпией под слоем пластыря, отправился кататься на маленьком диком пони. Рассказ Бенвенуто ценен как свидетельство личных ощущений и страданий больного чумой человека, а также рассказывает нам кое-что о лечении, которому он подвергся в медицине шестнадцатого века.

Бенвенуто говорит, что радостное воссоединение выживших после окончания эпидемии привело к созданию неким Майклом Аньоло, скульптором, клуба, объединяющего всех ведущих художников, ваятелей и ювелиров Рима. Заседания клуба, судя по его описаниям, были посвящены скорее веселью, чем художественному дискурсу. Вернувшись во Флоренцию, он обнаружил, что его отец и большая часть его домочадцев мертвы, а его оставшаяся в живых сестра Липарата, полагая, что он умер в Риме, упала в обморок при виде него. Но под смягчающим влиянием ужина, на котором главной темой разговоров были свадьбы, печаль быстро уступила место веселью.

Марселиус Галеати из Падуи в начале пятнадцатого века составил первый известный свод "Правил борьбы с чумой", основанный на убеждении, что болезнь была завезена в Италию иностранной торговлей.

Из архивов города Рима можно составить некоторое представление о мерах, принятых папами и городским советом для подавления эпидемий чумы. Была предпринята попытка изолировать инфицированных лиц или районы. Вся одежда и другие материалы и изделия, способные распространять инфекцию, подлежали уничтожению. Городские ворота были закрыты, и каждый приезжий подвергался строгому досмотру, и часто ему отказывали. Теми воротами, которые оставались открытыми, можно было пользоваться только с рассвета до наступления ночи, когда они были заперты для всех желающих. Судоходство по Тибру иногда подавлялось; Ланчани говорит, что 30 июля 1575 года был издан приказ о том, что все лодки на Тибре должны быть затоплены в течение трех дней, потому что было обнаружено,

что лодочники переправляли пассажиров через реку за взятки. Двое нарушителей были фактически преданы казни за совершенное ими преступление, о чем всем было объявлено на плакате. Однажды было принято решение о массовом уничтожении сушеной рыбы. Контрактная медицинская практика, по-видимому, существовала даже в наши дни. Ланчани отметил в городских архивах соглашения между врачами или шарлатанами и римскими семьями о предоставлении медицинских консультаций и лекарств за оговоренную денежную выплату. Завещания часто диктовались из окон, в то время как адвокат и свидетели стояли на улице под ними.

Братства для помощи больным и *removing* их в больницы существовали в Риме, хотя, возможно, численно меньше, чем в других крупных городах Италии. Братство *Пьеты* было учреждено во время эпидемии чумы, во времена Евгения IV (1431-47), и до сих пор номинально существует в Риме.

Чума снова свирепо вспыхнула в Риме в 1527 году, во время разграбления города. Флоренция также была вовлечена в ту же эпидемию. Именно это посещение породило "*Описание чумы во Флоренции 1527 года*" Макиавелли, написанное в форме письма другу. В нем мы не находим яркой картины ужасной катастрофы, обрушившейся на Флоренцию, но вместо нее - хладнокровный циничный отчет о тривиальных поступках бездельника, праздно прогуливающегося по улицам пораженного чумой города. Эта запись бросает вызов сравнению скорее с случайными записями из *Дневника Пеписа*, чем с формальными описаниями Бокаччо и Манцони, его соотечественников. Начиная с банального бездушного сетования в духе Петрарки по поводу общей деморализации и опустошения, вызванных чумой, он переходит к описанию своего собственного повседневного образа жизни, из чего его корреспонденту предлагается сделать вывод о образе жизни основной массы граждан. *Связи* распущенных монахов, гнусное сквернословие печально известных похоронщиков, тщетное обращение к средствам защиты от чумы - вот то, что занимает его больше всего, когда он изображает свои собственные любовные интриги на мрачном фоне чумы с верностью Пеписа и беззаботной беззаботностью Ги де Мопассана.

Виллари, Маколей и другие отказались принять *Описание* как подлинный продукт пера Макиавелли. Они не могут примирить его болтливую непристойность с суровой хладнокровной сдержанностью автора "*Принципи*" - легкомыслие одного с жилистой мужественностью другого. Они, похоже, забывают, что еще в 1502 году, среди бурной жизни лагеря Чезаре Борджиа, он находил время писать подобные ребяческие стихи своим друзьям во Флоренции. Политическая прямота, или, если мы не можем приписать это Макиавелли, политическая проницательность не является гарантией моральной праведности, а чувственность не является исключительным свойством молодежи. Моральное легкомыслие, как показывает история мора, является обычным продуктом постоянной неотвратимости опасности и смерти; а при Макиавелли политическая деградация оставила моральное легкомыслие в единоличном владении полем боя.

Копия дискредитированной постановки все еще существует, написанная рукой Макиавелли, с изменениями, внесенными в рукопись его другом Лоренцо ди Филиппо Строцци. Виллари выдвигает странное предположение, что Макиавелли просто скопировал то, что сочинил Строцци. Разве не столь же разумно предположить, что Макиавелли использовал настоящее письмо Строцци в качестве основы случайного сочинения? Это могло бы объяснить тот факт, что оно отлито в эпистолярной форме, а также очевидное несоответствие стиля. Франческо Берни (ок. 1490-1536), современник Макиавелли, апострофировал "чуму" в одном из своих сатирических стихотворений "*Капитолий*". Священнослужитель, для которого праздное

удовольствие было началом и концом всего существования, он, несомненно, должен был стоять особняком среди писателей как человек, который принял бы чуму как друга.

‘Время эпидемии хорошее — фи́га с два в другое время.... Во-первых, это уводит сброд, уничтожает его, проделывает в нем дыры и разжижает его — как домохозяйка среди гусей во время Полудня! В церквях некому давить на вас. Кроме того, никто не ведет никаких записей о покупке или заимствовании. Да, покупайте и делайте долги, потому что кредиторы не будут беспокоить вас. И если придет кредитор, скажи ему, что у тебя болит голова, что у тебя колется рука, он сразу уйдет, и не станешь его разворачивать! Если ты выйдешь, никто не встанет у тебя на пути: скорее тебе уступят место и окажут тебе честь, особенно если ты одет в лохмотья. Ты господин себе и других. Вы можете наблюдать за странными выходками людей и смеяться над страхом других. Тогда у жизни появились новые законы: все удовольствия разрешены.... Прежде всего, не нужно выполнять работу. Это жизнь выбора, безмятежная и обширная: время от обеда до ужина проходит очень весело". [171]

В 1530 году в Женеве была чума, [172], которая запомнилась как повод для обвинения определенных лиц в распространении болезни с помощью состряпанных ядов. Весной того же года было замечено, как распутный молодой человек, некто Майкл Каддод, бросил носовой платок возле магазина. Кто-то подобрал его, и его отвратительный запах вызвал подозрение. Каддод был немедленно подвергнут пыткам, и в его агонии были замешаны Жан Пласе, неквалифицированный хирург, лечивший чумной дом, вместе со своей женой, сыном и слугой, а также некий дом Жан Дюфур, священник и исповедник чумного дома. Под воздействием пыток их заставили признаться, что они торжественно поклялись на Часослове участвовать в распространении чумы, чтобы иметь возможность грабить больных. По их словам, Пласе и его жена приготовили яд из припарок, которые использовались при выделении бубонов, высушив их до состояния порошка и затем добавив вератрум. Каддод и его жена взялись распространять его по улицам, в то время как Пласе и его жена вводили его пациентам в чумной дом с быстрым летальным исходом. Подозрение пало на Плейсета, и хирург-цирюльник Бастиан Грейнджер со своим ассистентом получили указание следить за его действиями. Мадам Пласе оказалась на высоте положения и устроила паре короткую перепалку, подсыпав им в еду дозу яда. В конце концов Пласе и Каддод были признаны виновными. Сначала им отрубили руки перед домами их предполагаемых жертв. Затем их плоть была жестоко разорвана раскаленными докрасна щипцами, и, наконец, топор палача милосердно положил конец их страданиям. Возраст молодого Плейсе обеспечил ему более мягкое отношение к повешению, в то время как Дюфур был сначала лишен сана, а затем повешен. После столь приемлемой жертвы чума быстро пошла на убыль.

Несколько лет спустя, в январе 1545 года, повторение эпидемии чумы в Женеве вновь породило призрак другого чумного заговора. На этот раз судебный пристав распорядился арестовать двух мужчин, Бернарда Даллинджа и Жеана Лентия. Утверждалось, что они отрезали ступню трупа, упавшего с виселицы, и использовали ее в качестве ингредиента мази от чумы, которой мазали дверные ручки. К марту признания, добытые у них с помощью пыток, позволили привлечь к ответственности не менее сорока человек. Всех обвинили в том, что они поклялись распространять болезнь по радио и в том, что на самом деле смазывали дверные ручки и замки. При обыске у них были обнаружены коробки с мазью. Повальное увлечение ношением с собой противозачаточных средств сделало это легким делом, но, несмотря на все это, их вина была очевидна. Кальвин в письме от 27 марта 1545 года, адресованном Микониусу, по-видимому, признает их вину, но государственные архивы Женевы показывают, что он милосердно выступал за удушение вместо нанесения увечий и посева на кол. Как и в случае с Серветом, его меньше беспокоила их смерть, чем способ,

которым они умирали. Девятнадцать мужчин и семь женщин — возможно, католики - воспользовались его милосердием и были казнены без предварительных пыток. В *Нюрнбергской хронике* говорится, что в 1494 году всех нищих изгнали из Нюрнберга, потому что считалось, что они распространяют чуму.

Лидеры медицины были не более свободны, чем люди, от побуждений фанатичного страха. Амбруаз Паре [173] перекликается с грубыми подозрениями, которые Ги де Шолиак высказал во время "Черной смерти". Вот его совет магистратам во время эпидемии: 'Что мне добавить? Они должны следить за определенными ворами, убийцами, отравителями, хуже, чем бесчеловечными, которые смазывают стены и двери богатых домов веществом из бубонов и карбункулов и другими выделениями больных чумой, чтобы заразить дома и таким образом получить возможность врываться в них, грабить и раздевать их, и даже душить бедных больных в их постелях: что и было сделано в Лионе в 1565 году. Боже! какого наказания заслуживают такие люди: но это я оставляю на усмотрение магистратов, на которых возложены такие обязанности".

Паре рекомендовал в качестве профилактического средства носить амулет из мышьяка. Его полагалось носить на сердце, чтобы "сердце могло привыкнуть к яду и, таким образом, было менее повреждено, когда другие яды добирались до него".

Пандемия 1565 года н.э. дала большой толчок к постановке так называемых мистерий и пьес о чудесах, особенно в юго-восточных районах Франции. Мистические пьесы по большей части были направлены на раскрытие центральных тайн Нового Завета, таких как Воплощение, Рождество, Страсти и Искупление. Пьесы о чудесах были посвящены легендам о великих святых Церкви, но на практике различие между Чудом и Тайной в пьесе стало игнорироваться. Целью каждого из них во время чумы было умиротворить разгневанного Бога, прославляя Его величие либо непосредственно, либо через посредство Его святых. Происхождение и главная цель этих пьес почти наверняка были образовательными, для обучения населения, неспособного самостоятельно читать: и они возникли из богослужения христианской церкви. Христианство, когда оно было принято в качестве государственной религии, нанесло смертельный удар порочным зрелищам амфитеатра - единственному, что сохранилось от древней классической драмы. Христианству также было суждено стать родоначальником современной драматургии, поскольку не позднее пятого века нашей эры в общественное богослужение были введены живые картины, иллюстрирующие и разъясняющие его учение. Мистерии и пьесы о Чудесах произошли от этого простого литургического происхождения. Во всяком случае, трансформация произошла еще в двенадцатом веке, и к 1380 году в присутствии Карла IV была разыграна настоящая пьеса Чудес.

Последовательные эпидемии чумы привели к принятию этих пьес в качестве инструментов заступничества, и пандемия 1565 года дала большой толчок этому развитию. Когда в 1564 году округ Морьен был охвачен эпидемией чумы, жители поклялись представить в следующем году Чудотворную пьесу своего покровителя Святого Мартина, если только их город будет пощажён. Не менее семидесяти четырех актеров, все из рабочего класса, посвятили себя изучению и репетициям различных частей пьесы. Деньги, как и время, предоставлялись свободно, поскольку люди сами брали на себя расходы по постановке, декорациям и музыке. Примечания на полях пьесы, которая была недавно опубликована, показывают, что сцена была возведена у стены церкви. Позже, когда контроль над постановками перешел из рук Церкви в руки ассоциаций мирян, пьесы стали ставиться вдали от церквей, что проложило путь к секуляризации драматургии путем введения нерелигиозной атмосферы. Эта пьеса написана на диалекте и рассчитана на двухдневный

показ. На первом представлении центральной темой была жизнь святого Мартина в качестве солдата, на втором - его жизнь в качестве епископа, и вместе с этим были показаны некоторые из его чудесных исцелений.

Эта пьеса - лишь одна из многих, недавно опубликованных: примеру Сен-Мартен-де-ла-Порт последовали и другие города. Виллар-ле-Лан поклялся и сыграл "Тайну страстей" и "Чудо святого Себастьяна", Модан - "Тайну страшного суда", Терминьян и Сольер - "Чудо Святого Лаврентия" и так далее. Местные авторы, обычно священник или нотариус, составили различные пьесы.

В Виллар-ле-Лан находится часовня святого Себастьяна. В ней нет окон, а дверной проем вырублен в скале. Он был подготовлен как театр для представления Мистической пьесы в 1446 году нашей эры. Но после эпидемии чумы 1565 года он был преобразован, во исполнение обета богатого человека, в часовню, украшенную фресками, иллюстрирующими историю святого Себастьяна. Фрески сохранились до наших дней и были полностью описаны г-ном архивистом де Жюссеном.

Если верить местной легенде, пьеса "Страсти в Обераммергау" имела аналогичное происхождение в 1633 году нашей эры. Некто Гаспар Шуэлер, уроженец Обераммергау, но живущий в Эшенлоэ, где свирепствовала чума, решил нанести поспешный и тайный визит своей жене и детям. Он так и сделал и занес чуму в Обераммергау, где сам от нее умер. Между днем его смерти и праздником СС. Симон и Иуда, тридцать три дня спустя, восемьдесят четыре человека умерли от чумы в Обераммергау. Было созвано собрание жителей, и шесть женщин и двенадцать мужчин дали торжественную клятву каждые десять лет ставить пьесу, изображающую страдания Христа. Они были вознаграждены немедленным прекращением эпидемии.

ГЛАВА X

На протяжении четырнадцатого и двух последующих столетий Венецию постоянно посещали эпидемии чумы. Это была цена, которую она была обречена заплатить за удовольствие от своей восточной торговли. Стоя на месте встречи востока и запада, пока торговля с востока шла на запад через Сирию и Египет, Венеция не знала другого соперника, кроме Генуи, пока в Константинополе не появился турок, чтобы бросить вызов ее господству. Чума и торговля проходили через Венецию на пути в страны Центральной и Северной Европы. Чума была в некотором смысле мерилom венецианского богатства, и с потерей этого богатства количество ее эпидемий уменьшилось.

У Венеции было два основных морских торговых пути, [174] один на восток и один на запад, и два сухопутных маршрута на север.

Первый морской маршрут пролегал по Адриатике, мимо Ионических островов и вокруг мыса Матапан на Крит, где разделялся на четыре ответвления: (a) на север к Дарданеллам, Константинополю, Черному и Азовскому морям; (b) вдоль берегов Мореи и через острова Эгейского моря к Дарданеллам; (c) к портам Малой Азии, Смирне и Алеппо, Кипру, Сирии, Александrette и Бейруту; (d) в Александрию и Египет. Эти две последние ветви связывали Венецию с караванными путями, которые вели из Ормуза на берегу Персидского залива в

Алеппо и Бейрут и из Суэца в Александрию, а в дальнем конце проникали в сердце Азии, Персию, Индию и Китай.

Второй морской путь пролегал через Адриатическое море на запад к Сицилии, где разделялся на два ответвления: (а) в Тунис, Триполи и порты Испании; (b) через Гибралтарский пролив на север до Англии и Фландрии, соединяя Лондон и Брюгге с востоком.

Сухопутные пути из Венеции в Центральную Европу пролегли по большей части за пределами венецианской территории. Один проходил через долину Ампеццо на север к Пустерталью и далее к Инсбруку и Мюнхену; другой - вдоль реки По к Брешии и Бергамо, а оттуда через озеро Комо и перевал Сплуген к Констанцу. Из Констанца торговые пути расходились во все части Северной Европы.

Знание этих маршрутов необходимо, чтобы понять ведущую роль, которую Венеция и Констанция сыграли в распространении чумы.

Открытие в 1486 году мысового пути на восток стало смертельным ударом по торговой монополии Венеции. Торговые пути шаг за шагом перемещались со Средиземного моря в Атлантику, и от кораблей Венеции к кораблям португальцев, испанцев, англичан и голландцев.

История чумы в Венеции в значительной степени описана в ее общественных памятниках: остальное рассказывают ее архивы. В Венеции практически нет собственной литературы: два-три автора патриотических дневников, и это все. Ее Ренессанс не принес большого урожая литераторов: живопись и архитектура истощили все ее силы. Художники соперничали с архитекторами в написании ее истории на холсте или камне не для удовольствия частных покровителей, а для украшения города, в котором они родились.

В 1410 году н.э. чума охватила Венецию и Кьоджу. В 1423 году другая эпидемия была завезена с востока. Именно это посещение побудило венецианцев основать чумной дом или лазаретто на острове Санта-Мария-ди-Назарет для зараженных людей и товаров. Оно снабжалось продуктами питания, лекарствами и медицинским обслуживанием за счет доходов от продажи соли. Это было первое учреждение подобного рода в Европе, но это быстро привело к созданию других в других местах.

Правительство Венеции никогда не имело обыкновения складывать руки, когда чума была у его порога. Еще во времена "Черной смерти" они назначили трех дворян *provveditori sopra la salute della terra* для борьбы с напастью. В 1468 году они были дополнены добавлением двух жителей каждой *сестры*, а в 1485 году эта комиссия была реорганизована в постоянный совет здравоохранения. Таким образом, к концу пятнадцатого века Венеция организовала и оснастила эффективную систему защиты от постоянных повторений чумы.

Второе лазаретто было открыто во время чумы 1576 года на острове Сант—Эразмо, и в том же году Республика вызвала ученых профессоров медицины из Падуи — Джироламо Меркуриале и Джованни Каподивакку - для выявления болезни, и не было вины Республики в том, что они объявили, что это не чума.

Любопытным свидетельством взаимного влияния религии и терапии друг на друга является установление сорокадневного карантина, потому что именно в этот период Христос жил отдельно в пустыне.

Венецианские врачи по большей части, похоже, теперь исправились и преданно служат больным. В книге, изданной в Венеции в 1493 году н.э., "*Fasciculus medicus Johannis de Ketam*" показан врач Пьетро да Фоссиньяно, посещающий больного чумой. Нащупывая пульс, он подносит ко рту и ноздрям губку, смоченную каким-то антигнилостным ароматом. Смерть Пьетро около 1400 года н.э. помогает установить дату этой простой клинической меры предосторожности. В более поздние годы для врачей было разработано специальное чумное платье, которое было перенято Францией из Италии и на котором сохранилось несколько гравюр, относящихся примерно ко времени марсельской чумы 1720 года (см. стр. 206-8). Амбруаз Паре рекомендует использовать батист, саржу, атлас, тафту или сафьян, но не ткань, фризы или мех, которые могут содержать яд и нести смерть здоровым людям.

В Венеции также была своя уличная скорая помощь в братстве Святого Рокко, учрежденная с целью доставки больных в больницу и мертвых для захоронения. Во времена чумы их услуги обходились очень дорого. Образец рабочей одежды ордена до сих пор можно увидеть в Сокровищнице церкви Сан-Рокко. Это свободный белый хлопчатобумажный комбинезон с широкими ниспадающими рукавами. С каждой стороны груди по овальному белому атласному значку, вышитому красным шелком и отороченному красным кружевом. На одном из них шелком вышита фигура Христа, на другом - Святого Рокко со своей собакой. На талии он перевязан шнуровым поясом из белого хлопка с сильно орнаментированными хлопчатобумажными кисточками на каждом конце. Глубокий капюшон из того же материала полностью закрывает голову, оставляя только прорези для глаз. Костюм дополняют белые кожаные перчатки. Похожую одежду носили многие благотворительные братства Центральной Италии, ее можно увидеть на нескольких фотографиях из Сиены (см. Фото VIII). У него есть свой современный аналог в операционной одежде хирурга-асептика, но по странному повороту водоворота времени его назначение больше не препятствовать проникновению инфекции, а удерживать ее внутри.

Гильдия Сан-Рокко возникла, по крайней мере, еще в 1415 году н.э., но только в 1478 году правительство получило разрешение на создание братства под знаменем Сан-Рокко. Первым местом ее встреч была церковь Сан-Джулиано, но в 1485 году гильдия обязалась построить церковь для хранения тела святого, которое какие-то венецианцы тайно вывезли из Монпелье. Пяти лет хватило, чтобы достроить церковь, и тело святого было положено в нее с большой торжественностью. Драгоценной реликвии было суждено придать большой престиж своим владельцам. Из пяти великих благотворительных гильдий Венеции гильдия Святого Рокко была, безусловно, самой большой. С 1516 года и до конца Республики каждый дож был зачислен в члены церкви, наряду со многими богатейшими купцами Венеции. В этом году братья решили построить молитвенный дом рядом с церковью, который должен был стать дополнительным украшением города. Итак, строительство Скуолы было начато в 1517 году Бартоломео Боном, а закончено только в 1550 году Антонио Скарпанино.

Пока строилась Скуола, первоначальная церковь Сан-Рокко оказалась ненадежной и была перестроена, но не в ее нынешнем виде, который не старше 1725 года. В 1559 году Братство доверило его оформление Тинторетто, и в тех редких случаях, когда хватает дневного света, там до сих пор можно увидеть четыре картины, на которых художник поставил перед собой задачу проиллюстрировать жизнь святого. Это (1) Святой Рох в больнице; (2) Святой Рох, исцеляющий животных; (3) пленение Святого Роха; (4) Явление ангела святому Року в тюрьме. Маленькая картина, висящая у бокового алтаря, - "Предательство Христа" Тициана — получила все почести, которые следовало воздавать сюжетам Тинторетто: действительно, жертвования, сделанные этой "чудесной" картине, позволили гильдии восстановить свою

Скуолу. Ежегодно 16 августа в эту церковь приходил дож, чтобы умолять святого Роха избавить Республику от чумы.

В 1560 году растущее богатство гильдии побудило их вызвать на конкурс ведущих художников Венеции для украшения залов Скуолы. Андреа Скьявоне, Федерико Цуккарро, Джузеппе Сальвиати, Паоло Веронезе и Тинторетто были приглашены подготовить рисунки и представить их судьям в назначенный день. В то время как другие делали лишь наброски рисунков, Тинторетто закончил законченную картину 'Святой Рок во славе', которая сейчас занимает центр потолка трапезной. Чтобы еще больше закрепить свой успех, Тинторетто подарил картину гильдии. С этого времени и до 1588 года украшение Скуолы составляло главную часть работы Тинторетто. К началу 1566 года он завершил великолепное "Распятие" в трапезной верхнего зала, и по его завершении его приняли в Братство и назначили ежегодную субсидию в размере 100 дукатов (около 50 фунтов стерлингов) в качестве оплаты за три готовые картины каждый год. Здесь, во всяком случае, он нашел простор для проявления неистощимой фантазии; но те, кто пытался изучать росписи Скуолы, оценят некоторые трудности, которые ему пришлось преодолеть из-за плохого освещения, которое, как и в церкви, делает картины невидимыми, за исключением самых ярких дней.

Как Микеланджело сделал в Сикстинской капелле, так и Тинторетто заранее продумал всеобъемлющую и гармоничную схему всего убранства залов. Ключевой нотой всего этого является посвящение Скуолы Сан-Рокко, святому покровителю пострадавших от чумы, а также тех, кто служил им. Таким образом, картины в верхнем зале представляют акты милосердия и освобождения, проиллюстрированные жизнью Христа на земле. Те, что находятся в нижнем входном зале, числом восемь, и повествуют в основном об истории Пресвятой Девы и ее малолетнего Сына, образуют, таким образом, подходящую прелюдию к верхнему ряду. Джованни Маркиори и его ученики точно придерживались этой схемы в двадцати сюжетах из жизни святого Роха, вырезанных на панелях верхнего зала. Большая лестница, соединяющая два зала, украшена фресками со сценами чумы работы Занчи (1666) и Негри (1673), не представляющими особой художественной ценности. Еще один памятник чуме сохранился в виде рядов деревянных стандартных светильников, установленных вокруг верхнего зала, которые братья обычно несли в процессиях в честь своего святого покровителя.

Тинторетто все еще работал в Скуоле, когда страшная чума 1575-1577 годов обрушилась на Венецию, унося Тициана в могилу, незадолго до его столетнего юбилея. В то время как других поспешили незаметно похоронить в общих чумных ямах Сант-Эразмо и на близлежащих островах, телу старика, принесшего Венеции такую великую славу, по приказу синьории была оказана честь публичных похорон. После приведения в надлежащий вид он был перенесен в прекрасную готическую церковь Святой Марии Глорियोzy деи Фрари, украшенную знаками отличия императорского рыцарства, пожалованными ему Карлом V, и помещен в гробницу у подножия Креста Господня. Здесь Тициан спит своим последним сном, не помня, надо надеяться, о надругательстве над его памятью, нанесенном в мраморе Фердинандом I Австрийским руками Луиджи и Пьетро Зандоменегги. Старший сын Тициана умер вместе с ним, а его второй сын, Помпонио, каноник Милана, поспешил в Венецию, как только убедился, что вся опасность миновала, и быстро растратил состояние, которое художник накопил бережливостью и трудом всей жизни.

В течение трех лет эта чума опустошала Венецию, унося не менее 50 000 душ, четверть всего ее населения. Дож Луиджи Мочениго повсюду проявлял величайшее мужество и преданность. Он лично руководил всеми усилиями по борьбе с чумой и лично ухаживал за больными. Он отправился торжественной процессией со всеми братствами Венеции в

церковь Сан-Рокко, чтобы дать обет возведения еще одной церкви, если только святой заступится за них. Как это делали до него Киприан и Григорий, он обратился со словами утешения и ободрения к своему народу в святилище своей кафедральной церкви. Но Луиджи был мертв, когда настал день, когда его преемник созвал жителей Венеции в собор Святого Марка, чтобы исполнить обет Луиджи.

Представьте себе Венецию в одно июльское воскресенье под безоблачным небом. С кафедры собора Святого Марка какой-то престарелый патриарх провозгласил освобождение города от чумы. Из цветного полумрака церкви процессия выходит на ослепительно яркую площадь Пьяцца. Здесь вся Венеция: Венеция пребывает в ликующем настроении. Собор Святого Марка, дворец герцогов, Кампанила и все здания вокруг пестрят коврами и гобеленами, картинами и позолоченными щитами. Знамена великолепных цветов развеваются на свежем морском бризе над колоннами Теодора и Льва. Под дикие крики людей, грохот пушек и звон колоколов процессия выезжает на Пьяцетту. Перед ним раскинулась лагуна, простирающаяся до Сан-Джорджо Маджоре и дальше до Лидо, сверкающая и переливающаяся на солнце, как какой-то огромный сверкающий драгоценный камень. Кажется, что Бог и человек взяли там за руки, чтобы создать прекраснейшее место на земле. От Пьяцетты до Джудекки переброшен лодочный мост длиной около полумили. По мосту идет процессия. [175] Гильдии и братства, демонстрирующие свои соответствующие штандарты и несущие кресты, изображения Мадонны и святых, а также реликварии, идут впереди, за ними следуют магистраты, дворяне и их дамы. Далее следуют патриархи, церковные сановники и каноники в своих рошетах, монахи, поющие под знаменами своих четырнадцати орденов, духовенство в богатых ризах, расшитых золотом и драгоценными камнями, под своими одиннадцатью знаменами. Последним, в сопровождении сенаторов и послов, идет дож Себастьяно Веньер, герой Лепанто, благородная фигура, облаченная в белое, с плеч свисает великолепная мантия из серебряной парчи. Во временной деревянной молельне, построенной недалеко от того места, где по планам Палладио должна была возвышаться церковь Реденторе, в этот день отслужили мессу под музыку Джузеппе Зарлино из Кьоджи, главного музыканта дожа. И звуки этого праздничного дня эхом отдавались в веках и до сих пор могут быть услышаны на ежегодном *Фестивале Реденторе* в июле, когда процессия проходит по лодочным мостам от Сан-Зобениго до Заттере и от Заттере до Джудекки, но лишенной большей части своего бывшего великолепия. Там, где стояла деревянная усадьба, теперь стоит церковь Палладио, чумное пятно на лице природы. Тем не менее, Теофиль Готье увидел красоту в ее облике при свете заходящего солнца. Внутри нет ни изображений, ни мемориалов чумы, которой она обязана своим возникновением. Венецианская медаль, на которой изображен дож со знаменем Святого Марка, преклонивший колени перед Христом, увековечивает эту чуму.

В Венеции есть и другие церкви в память о ее эпидемиях, помимо Сан-Рокко и Реденторе; старейшая из них, церковь и монастырь Сан-Джоббе, построена в середине пятнадцатого века (1462-71) дожем Кристофоро Моро, другом Сан-Бернардино, и посвящена Писателю Иову, который страдал от всевозможных болезней. Над главным алтарем когда-то висела знаменитая картина Джованни Беллини, ныне находящаяся в Академии, изображающая Мадонну с Младенцем на троне между святым Иовом, святым Иоанном Крестителем, святым Себастьяном, святым Франциском и святым Людовиком Тулузским. Венеция принесла культ Святого Джоббе вместе с чумой с востока: он почти не известен нигде в Италии.

Всего несколько лет спустя (1506-18) для ордена Святого Иеронима двумя архитекторами Ф. да Кастильоне и А. Скарпанино была построена другая чумная церковь, Святого Себастьяно. Это место захоронения Веронезе, которому обязана большая часть его

убранства. Потолки церкви и ризницы украшены его картинами, обрамленными глубокой позолоченной лепниной. Над главным алтарем находится 'Апофеоз святого Себастьяна', которому Мадонна является на небесах вместе со святым Марком, святым Иеронимом, святым Иоанном Крестителем и святой Екатериной Александрийской. Слева от алтаря находится знаменитое произведение Веронезе "Мученичество Марка и Марцеллина".

Пока строилась эта церковь, Джорджоне умер от чумы. Примерно в тридцать четыре года он безумно влюбился в молодую женщину, и когда ее настигла чума, он все еще наносил ей тайные визиты и, снимая болезнь с ее губ поцелуями, заплатил за свою любовь жизнью.

Последней, но наиболее известной из всех является церковь Святой Марии делла Салюте, построенная Бальдассаре Лонгеной в 1632 году в память о чуме 1630-1621 годов, унесшей 46 490 жизней в Венеции и 94 235 во всех лагунах. Дож Никколо Контарини поклялся построить церковь в честь Мадонны Здоровья, если она избавит Республику от чумы. Во время его строительства на участке земли, который рыцари-тамплиеры даровали Республике, была построена временная деревянная молельня, и дож, Совет, знать и простой люд переправились через Большой канал по лодочному мосту, чтобы послушать торжественную мессу. В ризнице церкви Лонгена хранятся две гравюры семнадцатого века, на одной из которых изображена процессия, пересекающая понтонный мост, на другой - входящая в церковь. Каждый год в ноябре процессия начинается от собора Святого Марка, пересекает Гранд-канал по маршруту Реденторе и огибает церковь к входу, выходящему на канал. Современная Венеция превратила торжественное зрелище в причудливую ярмарку. На этих гравюрах церковь изображена в том виде, в каком она стоит сейчас, на платформе наверху огромного лестничного пролета, ведущего вверх от Большого канала, но статуя Мадонны заменила Ангела Чумы на вершине ее более крупного купола.

В Сан-Мария-делла-Салюте сохранилось множество памятников чуме. Над главным алтарем находится тяжелая мраморная скульптурная группа работы Джакомо Корто. В центре восседает Мадонна с Младенцем на руках, у ее ног херувимы. С одной стороны на коленях стоит женщина, умоляющая ее о помощи; с другой стороны херувим с горящим факелом изгоняет демона чумы в человеческом облике.

В своде хоров находится потолочная роспись кисти Фьямминго, изображающая Венецию, молящую об освобождении от чумы.

В ризнице находится картина Тициана, изображающая святого Марка со святым Себастьяном, святым Рохом, Космой и святым Дамианом, посвященная чуме 1512 года, во время которой погиб Джорджоне ([см. Фото IX](#)). Здесь также изображен по обету святой Себастьян работы Марко Басаити (вторая половина пятнадцатого века), прекрасная фигура в прекрасном пейзаже Умбрии, но не равная святому Содомы: и еще одно изображение Святого Роха, святого Себастьяна и святого Иеронима работы Джироламо да Тревизо (1497-1544).

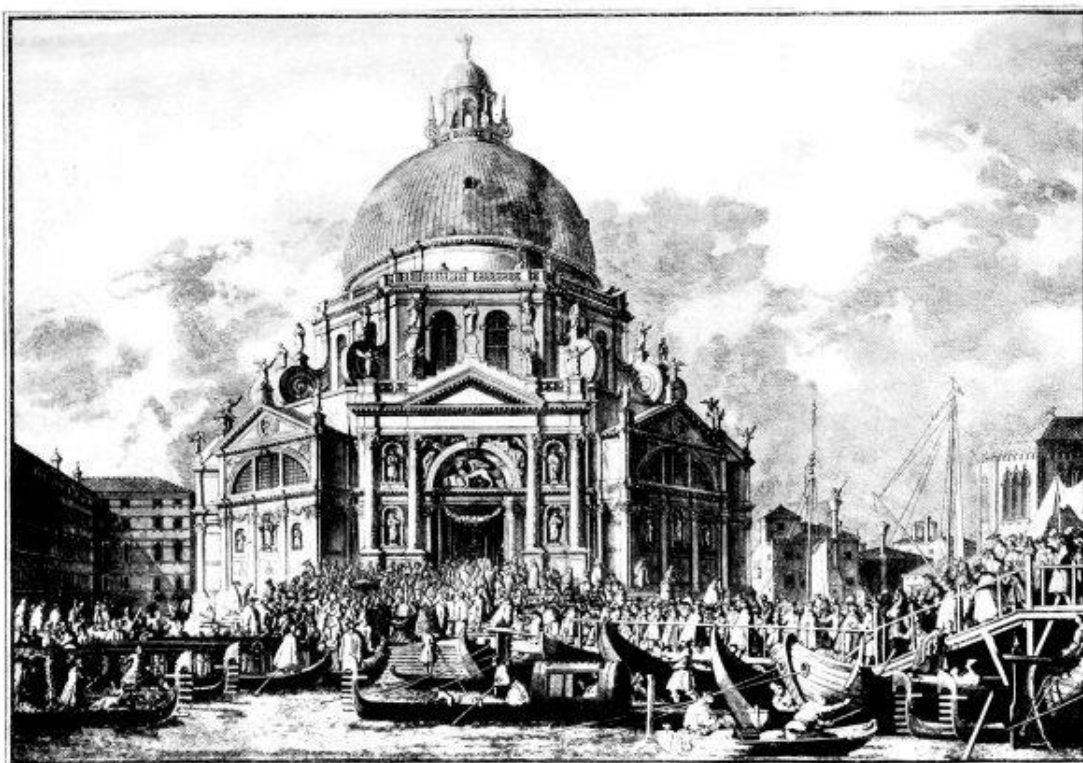
ГЛАВА XI

Милан пострадал от Черной смерти гораздо меньше, чем другие города Италии: возможно, она приобрела временный иммунитет. На протяжении трех последующих столетий ее

история представляла собой один длинный перечень эпидемий, две из которых заслуживают особого внимания.

В конце июля 1576 года разразилась чума. [Карло Борromeо](#) в то время был архиепископом. Сын Гиберто Борromeо, графа Ароны, и Марии Медичи, Карло был благородного происхождения. Его влияние в молодости принесло ему архиепископство Милана. Несмотря на все его богатство, его личная жизнь была устроена с умеренностью и смирением. Суровый, или, как некоторые говорят, жестокий, он отслеживал и пресекал все злоупотребления, охватившие Церковь в его епархии, чем заслужил ревнивую неприязнь своего духовенства и религиозных орденов. Братья Смирения открыто покушались на его жизнь, но чудом он избежал их. Карло был в Лоди, когда до него дошла весть о том, что в Милане вспыхнула чума. Поспешив обратно в город, он обнаружил, что губернатор, многие чиновники и все богатые бежали. Все было в хаосе. Люди в отчаянии обратились к своему духовному отцу и поручили ему заботу о городе. Он сразу же поручил им приспособить большую больницу Святого Григория для приема больных, а позже построить шесть деревянных лазаретов за стенами. Все это он оборудовал и обставил бельем из своего собственного дворца. Для лучшего управления он разделил город на четыре квартала и поставил над каждым надсмотрщика со штатом помощников. Его пример мужества и личной преданности привлек многих представителей светского духовенства, монахов и монахинь к оказанию помощи больным. Даже миряне, мужчины и женщины, организовали между собой гильдию медсестер. Карло сам ходил повсюду, давая указания, как разместить больных и похоронить умерших. Он посещал даже те приходы за крепостными стенами, где свирепствовала болезнь, оказывал помощь больным, кормил нуждающихся и побуждал духовенство к добросовестному выполнению своего долга. Вскоре начался голод, который добавил к эпидемии еще один ужас. Борromeо собрал всех обездоленных в лагерь и организовал снабжение продовольствием. Сначала он переплавил всю свою серебряную посуду, чтобы получить необходимые деньги. Когда она закончилась, он ходил от двери к двери и в конце концов влез в огромные долги из соображений личной безопасности. Помимо такой материальной помощи, Карло Борromeо принес пострадавшим миланцам духовное утешение религии. С кафедры своего собора он изложил им Плач Иеремии, показав, как они применимы к Милану. Со ступеней алтаря он дрожащим голосом распевал покаянные псалмы и, преклонив колени перед алтарем, принес себя в жертву Богу за свой народ. По улицам города он маршировал во главе покаянных процессий с босыми ногами и веревкой преступника на шее. Но через все это он прошел невредимым, сам и двадцать восемь сопровождавших его священников. Только 17 000 умерли в Милане и 8000 - в окрестных округах: то, что так мало умерло из такого огромного количества больных, приписывалось служению их архиепископа.

Когда путешественник спускается с Альп, огибая берега озера Лаго Маджоре, где весной сады сияют камелиями, магнолиями, мимозой и миртом, одна особенность лишь размыкает безупречный пейзаж. На горном хребте, высоко над озером в Ароне, возвышается на своем пьедестале статуя Карло Борromeо, бессмысленного, бездушного колосса из меди и бронзы, насмехающегося над небесами. В вашем путеводителе сказано, что вы можете подняться внутрь его тела. Если вы сделаете это в жаркий день, то сможете узнать кое-что о страданиях Фалариса, поджариваемого в брюхе его собственного медного быка. Но, возможно, вам лучше остаться внизу и молиться, чтобы что-то от духа Борromeо вошло в вашу душу.



ПРОЦЕССИЯ С ТАБЛИЧКОЙ XXI К церкви Святой МАРИИ ДЕЛЛА САЛЮТЕ, ВЕНЕЦИЯ
С гравюры семнадцатого века (лицевая страница 172)

ТАБЛИЧКА XXII (лицевая страница 173)



КАРЛО БОРРОМЕО.
АННИБАЛЕ КАРРАЧЧИ

Религия канонизировала [Святого Карло Борromeо](#); искусство обеспечило ему бессмертие. В церквях и галереях Милана он фигурирует как святой-покровитель против чумы, иногда один, иногда вместе со святым Рохом. В Венеции он уступает место святому Року, во Флоренции - святому Себастьяну. В некоторых частях Центральной Италии Святой Карло появляется вновь, его часто посещают местные святые, ходатайствующие перед Мадонной. В церкви Святого Доминико в Перудже есть картина, на которой он изображен вместе со святой Екатериной Сиенской, молящейся Пресвятой Богородице. В церкви Святого Карло на Корсо в Риме вместе со святым Амвросием он ходатайствует перед Христом, а другая картина в той же церкви представляет его апофеоз.

Памятникам Борромео неисчислимо числа. В ризнице Миланского собора хранится изображение в натуральную величину в митре и мантии, все из кованого серебра; также позолоченный деревянный крест, на котором рельефно вырезаны различные эмблемы Страстей Господних, который он нес во время чумных процессий; также его вышитый шелком портрет в митре. У святого Карло Катинари в Риме есть одна из его митр и часть веревки, которую он носил как повод.

Под полом Миланского собора, под куполом и перед хорами, находится Капелла Карло Борромео. Его останки покоятся в серебряном гробу, установленном на серебряном алтаре, каждый из которых украшен искусной гравировкой. Вся поверхность стен шестиугольной камеры покрыта серебряными пластинами, на которых изображены рельефы, представляющие серию сцен из его жизни. На одном он раздает милостыню больным чумой; на втором он крестит детей в чумном госпитале; на третьем он идет с непокрытыми ногами и головой, с уздечкой на шее, в чумной процессии, предшествующей священным реликвиям, которые несут под балдахином.

Портреты Сан-Карло в Милане, те, что висят в соборе, во дворце Борромео и в других местах, все в профиль, демонстрируют выдающийся нос, скошенный лоб и степень уродства, которая, казалось бы, почти исключает занесение в каталог святых. Грубый портрет Аннибале Карраччи (1560-1609) в полный рост, ныне находящийся в Эрмитаже в Санкт-Петербурге, кажется менее диссонирующим с ореолом.

Пьетро да Кортоне (1596-1669) написал картину, на которой [Борромео возглавляет чумную процессию](#), которая является одной из лучших в своем роде. Сейчас это алтарь Святого Карло Катинари в Риме, но скрытый от посторонних глаз бронзовым символом лучей славы.

Знакомая тема бесчисленных картин как в Италии, так и во Франции - Карло Борромео, несущий Причастие больным чумой. Некоторые из наиболее известных - работы Якоба ван Оста (le Vieux) (1600-71) в Лувре: работы Лемонье в Музее в Руане: работы Чиголи (1559-1613) в церкви Санта-Мария-Нуова в Кортоне: работы Франческо Госси в церкви Повери в Болонье: и Бальдассаре Франческини в церкви варнавитов в Пеше.

Фламандский художник Гаспар де Крайер (1585-1669) несколько разнообразил избитые черты сюжета. На его картине Карло Борромео в красных епископских одеждах, сопровождаемый двумя послушниками, несущими свечу и крест, наклоняется и предлагает Причастие умирающему мужчине, который стоит перед ним на коленях с забинтованной головой и рубашкой, распахнутой на голой груди. Позади мужчины стоят две женщины, одна из которых поддерживает его тело, в то время как другая в тени дверного проема несет в руке стакан воды. Стоя на коленях рядом с мужчиной, сложив руки в молитве, маленький мальчик ожидает Причастия: на переднем плане лежит мертвый ребенок. Перед этим маленьким трупом на земле сидит мужчина, подперев голову, его ноги обнажены и покрыты язвами. Позади него стоят две женщины, одна из которых прикрывает рот носовым платком, в то время как другая протягивает руки к дежурному дьякону, раздающему милостыню. На заднем плане изображена улица Милана с видом на открытую местность за ее пределами.



БОРРОМЕО ВОЗГЛАВЛЯЕТ ЧУМНУЮ ПРОЦЕССИЮ

Пьетро да Кортоне



БОРРОМЕО ХОДАТАЙСТВУЕТ ЗА БОЛЬНЫХ ЧУМОЙ

Мраморный барельеф работы П. Пьюджета

Пьюджет (1622-94) изобразил тот же сюжет на [мраморном барельефе](#), который сейчас находится в Санте в Марселе. Борromeо преклоняет колени в искренней мольбе среди группы мертвых и умирающих. Его взгляд прикован к кресту, который несут херувимы. Его сопровождают послушники, которые несут крест и потир, а ребенок цепляется за его одежду. На переднем плане осужденный утаскивает труп для погребения. На заднем плане женщина в диком отчаянии склоняется над кроватью, на которой распростерт мертвый мужчина.

В 1630 году в Милане произошла Великая чума, хорошо известная многим по описанию Манцони (1785-1873) в его *Книге "Промессы спеси"*. Для получения информации он опирался на множество источников, и не в последнюю очередь на современные записи каноника Рипамонти, написанные по просьбе магистратуры в качестве дополнения к его Истории Милана.

На титульном листе этого тома о чуме изображена символическая гравюра. Скелет держит в руках оружие, доспехи, кости и книги, связанные вместе. Пальцы его ног торчат из-под ковра, на котором лежит больной чумой человек. Перед скелетом находится алтарь, на котором стоят свеча и распятие. Рядом с алтарем сидит женщина с обнаженным мечом в правой руке, левой рукой она обнимает аиста; рядом с ней - обнаженный ребенок. On the frontal of the altar is the title of the book: 'Josephi Ripamontii, Canonici Scalensis Chronistae Urbis Mediolani, De Peste Quae Fuit Anno clolcxxx Libri v, Desumpti Ex Annalibus Urbis Quos LX Decurionum Auctoritate Scribebat.'

В своей *Истории бесчестия Колонны*, опубликованной в 1840 году, Мандзони рассказал о суде и наказании двух *Унтори*, обвиняемых в распространении чумы с помощью мазей. Дом одного из них был разрушен по приказу государства, а земля, на которой он стоял, объявлена проклятой. На нем в 1630 году была воздвигнута каменная колонна, украшенная следующей надписью: [\[176\]](#)

Здесь, где простирается этот участок земли, раньше стояла лавка цирюльника Джанджакомо Мора, который вступил в сговор с комиссаром общественного здравоохранения Гульельмо Пьяцца и другими, в то время как страшная чума совершала свои опустошительные действия с помощью смертоносных мазей, разбрасываемых во все стороны, чтобы обресть многих горожан на жестокую смерть. За это Сенат, объявив их обоих врагами своей страны, постановил, что, будучи помещенными на колесницу, их плоть должна быть разорвана раскаленными щипцами, их правые руки отрублены, а кости переломаны; что они должны быть растянуты на колесе и по истечении шести часов преданы смерти и сожжены. Затем, чтобы не осталось и следа от этих виновных, их имущество должно быть продано с публичных торгов, а их прах брошен в реку; и чтобы увековечить память об их деянии, Сенат желает, чтобы дом, в котором было спланировано преступление, был снесен до основания, никогда не перестраивался, и чтобы на его месте была воздвигнута колонна, которая будет названа Позорной. Тогда держитесь подальше, добрые граждане, чтобы эта проклятая земля не запятнала вас своим позором. Август 1630 года.

Это проклятие этого места напоминает проклятие Иисуса Навина [\[177\]](#) на месте Иерихона после его взятия: "Проклят человек пред Господом, который восстанет и построит город сей Иерихон: он положит основание его в первенце своем, и в младшем сыне своем поставит ворота его". Конституции Моисея [\[178\]](#) произнес аналогичное проклятие над городами, которые отвернулись от истинной религии.

В 1777 году граф Пьетро Верри, государственный советник на службе Марии Терезии, опубликовал трактат о пытках, в котором особо упоминался этот случай в Милане в 1630 году. Однако его работа увидела свет только в 1804 году. Затем, в 1839 году, в Милане был издан "*Processo originate degli Untori nella peste del 1630*", содержащий полный официальный отчет о суде над этими Помазанниками. Флетчер в 1895 году составил сводку свидетельств из всех источников в своей *Трагедии о Великой миланской чуме*.

Ранним утром 21 июня 1630 года некая Катарина Роза, женщина из низших слоев общества, увидела с балкона своего дома мужчину, который шел по улице и что-то писал на листе бумаги. Он остановился, чтобы вытереть пальцы о стену дома, вероятно, чтобы избавиться от

чернильных пятен, но страх женщины сразу же вызвал в воображении суеверный образ смертоносной мази, намазанной на стены для распространения чумы. Толпа взволнованных женщин устремилась в Зал заседаний Совета, чтобы сообщить об этом Сенату, который немедленно приказал арестовать этого человека. С тех пор никто не осмеливался прикасаться к стене. Рипамонти рассказывает о судьбе трех молодых французских путешественников, которые, любясь мрамором храма, ничего не подозревая, осмелились прикоснуться к нему. Кто-то видел, как они это делали, и поднял тревогу. Немедленно на них жестоко напали и бросили в тюрьму, и освободили только тогда, когда выяснилось, что нет никаких улик, свидетельствующих о чем-либо, кроме невинного любопытства.

И снова было замечено, как восьмидесятилетний старик вытирал пыль со скамьи в церкви Святого Антония своим плащом, прежде чем сесть. Тотчас же женщины закричали, что он помазывает скамьи, и верующие набросились на него тут же в церкви и, жестоко избив, потащили к магистратам. Рипамонти считает, что он скончался от полученных травм.

Поиски предполагаемого Помазанника привели к аресту некоего Гульельмо Пьяцца, писца, у которого на поясе висела чернильница. Он также был комиссаром здравоохранения, то есть мелким чиновником, нанятым для сообщения о случаях чумы. На протяжении двух случаев применения пыток он упорно отрицал свою вину, но в своей камере, сломленный страданиями и опасаящийся возобновления пыток, он поддавался внушениям окружающих. Он признал свою вину и заявил, что получил смертельную мазь от цирюльника Джанджакомо Мора. Этот человек был немедленно арестован и доставлен в суд, но там яростно отстаивал свою невинность и поклялся, что никогда не видел Пьяцца. Однако под пытками он уступил и соперничал с несчастной Морой в придумывании лжи. Среди прочих, они обвинили графа Падилью, сына коменданта замка, но в конце концов он был оправдан, и именно из записей его судебного процесса Верри почерпнул материал для повествования о Пьяцца и Море.

Мора, как и большинство цирюльников его времени, увлекался медициной, так что в его лавке были найдены банки и сосуды для лекарств. Они, как он утверждал, содержали консерванты против чумы, и, вероятно, были правы, поскольку во время эпидемий чумы на них был большой спрос. Амбруаз Паре предлагает сложную формулу консервирующей воды, с помощью которой можно часто мыть тело и полоскать рот, а также закапывать несколько капель в ноздри и уши. Подобные средства пользовались большим спросом во время Великой чумы в Лондоне и Марселе в 1720 году.

Пьяцца время от времени посещал лавку Мора в качестве клиента парикмахера, и оба заявили, что Мора взялся приготовить банку своего консерванта для Пьяцца. На этой невинной сделке должно было быть построено обвинение в массовом убийстве. Пытками Мору вынудили признаться, что Пьяцца снабдил его пеной изо рта жертв чумы для смешивания с его мазью.

В перерывах между пытками Мора и Пьяцца неоднократно отрекались и заявляли, что их признания были ложными, но вскоре возобновление пыток заставило их отказаться от своих показаний. Невежественная свирепость населения громко требовала удовлетворения. По окончании допроса несчастные жертвы были уведены для приведения в исполнение ужасного приговора, несмотря на обещание безнаказанности. Перед лицом милосердной перспективы смерти они открыто заявили, что все их признания, компрометирующие других, были ложными и были вырваны у них из страха перед дальнейшими пытками.



ТАБЛИЦА XXV ПЫТКИ И КАЗНЬ ПОМАЗАННИКОВ

(Первая страница 179)

В конце *оригинального процесса сборки* находится сложенная пластина, представляющая во всех деталях архитектуру Пьяцца и Мора. Это грубое воспроизведение старой недатированной гравюры, которую Флетчер воспроизвел по копии из коллекции медицинских гравюр в библиотеке главного хирурга в Вашингтоне. Автором гравюры был Орацио Коломбо, и она была опубликована в Риме по распоряжению нунция Римского колледжа.

Вверху гравюры находится заголовок, который можно перевести как "Приговор, вынесенный тем, кто отравил множество людей в Милане в 1630 году". Флетчер добавляет следующее описание: 'За ним следуют имена Магниifico, которые заседали в суде, и подробности назначенного наказания. Каждая сцена на картине имеет свою букву, о которой говорится в пояснительной надписи ниже. Полное игнорирование единства времени и места, характерное для подобных постановок, хорошо показано на этой любопытной гравюре. Справа находится лавка цирюльника Мора, а перед ней уже воздвигнута "Колонна позора". На большой платформе, запряженной двумя волами, изображены жертвы, палачи и священники. В жаровне с раскаленным углем находятся щипцы, которыми должны были разрывать плоть. Правая рука цирюльника лежит на плахе, и палач вот-вот нанесет удар молотком, зажатым над запястьем. Дальше видна большая платформа, на которой двум жертвам ломают конечности железным прутom, готовясь к шестичасовому колесованию. Также выставлены колеса, одно из них уже насажено на шест, к которому привязаны люди. Еще дальше видны костры, сжигающие тела, и, последняя сцена из всех, в крайнем левом углу виден маленький суетливый ручей, пенящийся под мостами, который предположительно является рекой, и в него мужчина бросает пепел двух злоумышленников".

Однажды темной ночью 1788 года Природа, к своему великому стыду, разразилась бурей, которая разрушила Колонну: затем ее приспешник запоздало снес памятник собственному позору. Балкон в доме Катарины Розы также был снесен, так что ни одно сооружение не напоминает об этой ужасной трагедии. Угловой дом Ведро де Читтадини, расположенный по левую руку от Корсо ди Порто Тичинезе, занимает место, где раньше жил бедняк Мора. Жилище стояло на этом проклятом месте с 1803 года.

Удивительно обнаружить, что Рипамонти не только не отрицает вины жертв, но время от времени, кажется, намекает на ее реальность. Следует иметь в виду, что в его положении официального историографа Милана ему вряд ли было позволительно выражать чувства, идущие вразрез с народными убеждениями и решениями судов. Еще в 1832 году, во время эпидемии холеры в Санкт-Петербурге, самые обстоятельные заявления о негодяях, подмешивающих яд в еду и питье людей, были у каждого на устах.

"Позорная колонна" Манцони - это простое, ничем не приукрашенное повествование о суде и казни двух Помазанников, совершенно отличное по литературной форме от его *Promessi Sposi*. Она написана с определенной целью. Верри включил эту историю в свои *Наблюдения о пытках* просто как иллюстрацию того, как с помощью пыток можно добиться признания в преступлении, которое невозможно как физически, так и морально. Манцони пересказывает эту историю в интересах человечества в целом, чтобы показать, что независимо от того, насколько глубокой могла быть вера в эффективность мазей, и, несмотря на существование законодательного органа, который одобрял пытки, судьи были компетентны осудить их, только прибегнув к уловкам и средствам, о несправедливости которых они прекрасно знали.

"Промессы Споси" Манцони представляет собой удачное сочетание антикварных изысканий и образного описания, а случаи чумы искусно вплетены в ткань его рассказа. Манцони писал в то время, когда литература, освобожденная от оков условностей, медленно приводилась в соответствие с мировоззрением современной мысли. Хотя он был аристократом по происхождению, воспитание научило его смотреть на жизнь глазами крестьянина, а не глазами своего сюзерена. В своем гении романтики и в своем преклонении перед прошлым Манцони имеет много общего со Скоттом, но с той разницей, что Скотт видит социальную структуру сверху, а Манцони снизу. Для Скотта жизнь была театрализованным представлением, в котором главные роли разделяли рыцари и придворные дамы: сцена Манцони заполнена мужчинами, борющимися за избавление от ярма феодального гнета. Миланская чума, одинаково поразившая богатых и бедных, дала ему текст, на основе которого он проповедовал сущностное равенство всех людей. Все его повествование выстроено таким образом, чтобы разительно противопоставить пороки богатых добродетелям бедных. Сцены чумы также дают ему простор для замечательного понимания психологии толпы и для его умения объединять людей в массы - дара, в котором он соперничает с Тинторетто. Гениальность Манцони в том, что он убеждает без проповедей.

Общая смертность от этой чумы в Милане оценивается примерно в 150 000 человек. Санита, или Управление здравоохранения, извлекавшее пользу из уроков предыдущей эпидемии, по-видимому, действовало разумно и энергично, хотя и сдерживалось невежественным упрямством Сената, Совета декурионов и магистратов, которые боялись остановить торговлю, если допустить наличие чумы. Одной из странных мер по исправлению положения была организация огромного шествия по улицам в честь Сан-Карло. Во время шествия все изолированные дома были забиты гвоздями, чтобы не допустить участия в нем инфицированных обитателей. В разгар эпидемии чумы смертей было так много, что могильные ямы были заполнены, и в домах и на улицах лежали разлагающиеся тела. Санита обратилась за помощью к двум священникам, которые обязались избавиться от всех

трупов за четыре дня. С помощью крестьян, которых они вызвали из деревни во имя религии, были вырыты три огромные ямы. Санитары наняли *монатти* выносить мертвых и отвозить их в ямы, и священники выполнили свою задачу в назначенный срок. Помимо *монатти* они назначили *аппариторов*, или призывателей, которые шли впереди *монатти*, звоня в колокол, чтобы предупредить людей о необходимости выносить своих мертвецов. *Комиссар* руководил как *аппараторами* так и *монатти*. Пьяцца был одним из таких надзирателей.

Эпидемии семнадцатого века оставили после себя очень много следов как в литературе, так и в искусстве: среди них великая миланская чума - лишь один из многих.

Южная Франция подвергалась нападениям снова и снова, и в 1643 году в Лионе свирепствовала чума. Над портиком церкви Нотр-Дам-де-Фурвьер, которая стоит высоко на крутом холме, нависающем над городом, находится фриз в память об этой эпидемии.

В Италии гибли город за городом. Картина Гвидо 'Паллионе Вото' напоминает нам, что Болонья пострадала вместе с Миланом. Венеция тоже пострадала, и из ее руин выросла церковь Святой Марии делла Салюте.

Флоренция хранит в Барджелло отвратительное воспоминание о своем посещении в восковом изображении 'Чумы' работы Зумбо Гаэтано Джулио (1656-1701). Повсюду валяются трупы на разных стадиях разложения: среди них мертвая мать рядом со своим маленьким ребенком. Мужчина, ноздри которого забинтованы, пытается унести труп. На заднем плане горят огромные костры. Моделирование туш выполнено с анатомической точностью, но производство в целом совершенно отталкивающее.

В 1656 году Неаполь берет на себя ведущую роль в этой отвратительной Пляске Смерти. Солдаты привезли чуму на транспорте с Сардинии. Сначала вице-король попытался скрыть истинный характер болезни. Первый врач, который осмелился объявить болезнь чумой, был немедленно посажен в тюрьму. Недовольные распространили сообщение о том, что испанцы намеренно завезли чуму и нанимали людей, чтобы те ходили по городу переодетыми и сеяли отравленную пыль. Разъяренное население обратилось против испанских солдат, которые в поисках безопасности переложили обвинение на французов. Ничто, кроме крови, не могло удовлетворить толпу, и Анджелуччи ди Тиволи, известный автор "чумного порошка", был расколот на колесе в знак примирения с их кровожадной яростью. Испанцев обвиняли также в отравлении святой воды в церквях с помощью смертоносного порошка. Суеверия были распространены во всех формах. Один из них сказал, что он чудесным образом исцелился, выпив святой воды перед образом Пресвятой Богородицы. Другой увидел мраморную статую Мадонны с Младенцем в церкви Сан-Северо, покрытую потом, с лицами, мертвенно-бледными и отмеченными чумой. Врач Франческо Моска, напечатавший формулу для лечения чумы, получил почетное звание *Протомедика*. Монахиня предсказала, что строительство монастыря на холме Святого Мартина для ее сестричества положит конец эпидемии. Строительство велось в нетерпеливой спешке, богатые и бедные соперничали в физическом труде, но, несмотря на все их усилия, смертность стремительно росла. По странной извращенности рассуждений покаянные процессии днем и ночью проходили по тем самым улицам, на которых священники, в страхе перед заразой, совершали Причастие на конце палки. Список погибших за шесть месяцев составил 400 000 жизней. Различные авторы описывали эту чуму, среди них Муратори, Джанноне и де Ренци в своей книге "*Неаполь в 1656 году*", опубликованной в 1667 году. Папский нунций в Неаполе в то время считал нужным написать об этом памфлет, и из современных писателей Шортхаус плохо использовал его в своем "*Джоне Инглесанте*".

Микко Спада (1612-79), который действительно был свидетелем этой чумы, оставил ее [фотографию](#), которая сейчас находится в Национальном музее Неаполя. Он представляет собой Пьяцца Меркателло, настоящее столпотворение мертвых и умирающих. *Монатти*, набранные из галерных рабов, крюками перетаскивают трупы на телеги, чтобы отвезти их в могильные ямы. Здесь и там видны носилки. На них перевозили больных в лазареты. Сначала носильщиков кресел отбирали из граждан, вызвавшихся добровольно для выполнения этой задачи, но когда все они были мертвы, их место заняли галерные рабы и каторжники. Во время чумы в Марселе в 1720 году по распоряжению городского совета в распоряжение врачей были предоставлены седаны "для более удобного их повсеместного использования".

В 1656 году в Риме, а также в Неаполе была чума. Николя Пуссен (1594-1665) жил в Риме и оставил свидетельство очевидца в своей картине 'Римская чума', которая сейчас находится в коллекции Чернина в Вене. Это пейзаж с архитектурными особенностями, о которых Денио [\[179\]](#) дает это краткое уведомление: 'Видно, как двое мужчин тащат труп ко входу в хранилище, вход в которое уже завален мертвыми телами. Мужчина, закутанный в белую мантию, указывает носильщикам, куда идти: рядом с ним идет собака, похожая на шакала. На высокой платформе сосуда мы замечаем группу из шести человек. Сломанные колонны заменяют еле видимые деревья в других работах, в то время как саркофаги и гробницы указывают на кладбище. За аркой тянется Кампанья'. Пуссен представил в изображении замка из с. Анджело, памятуя, без сомнения, легенда о видении Григория.



ФОТО XXVI ЧУМЫ В НЕАПОЛЕ, 1656 ГОД.

АВТОР : МИККО СПАДАРА

Фотография Броджи, Флоренция (Лицевая страница 184)

Церковь Санта-Мария-ин-Кампителли в Риме была перестроена в ее нынешнем виде в 1659 году Карло Райнальди для размещения чудотворного образа Богородицы, которому

приписывалось прекращение эпидемии чумы 1656 года. Церковь иногда называют Святой Марией в Портике из-за соседнего портика Октавии. Чудотворная Мадонна сейчас находится под балдахином над главным алтарем. До сих пор считается, что он защищает Рим от эпидемии чумы. Сюда также постоянно приходили Старший претендент и его сын Генрих, получивший кардинальский титул от этой церкви, чтобы вознести молитвы этому же изображению Мадонны об освобождении Англии от чумы протестантского отступничества. С этой целью Иаков навсегда учредил молитвенный чин и постановил, что каждую субботу месса должна совершаться в 11 часов утра перед картиной с обнаженным Причастием и что после чтения молитв вместе с Причастием должно быть дано благословение. С тех пор эта церемония проводится регулярно.

В ризнице находится гравюра в рамке с изображением чудотворной мадонны, датированная 1747 годом. Он окружен серией небольших картинок, на одной из которых изображено появление образа Святой Галлы во время понтификата Иоанна I (523-6), когда она заботилась о нуждах двенадцати бедняков в своем доме. На другом изображен папа Иоанн, освящающий чудесную картину в оратории Сан-Галла, которая позже была преобразована в церковь Сан-Мария в Кампителли. Остальные картины представляют сцены последовательных понтификатов, в которых эта чудесная Мадонна приводила к прекращению эпидемии чумы. К каждому прилагается краткое объяснение на латыни.

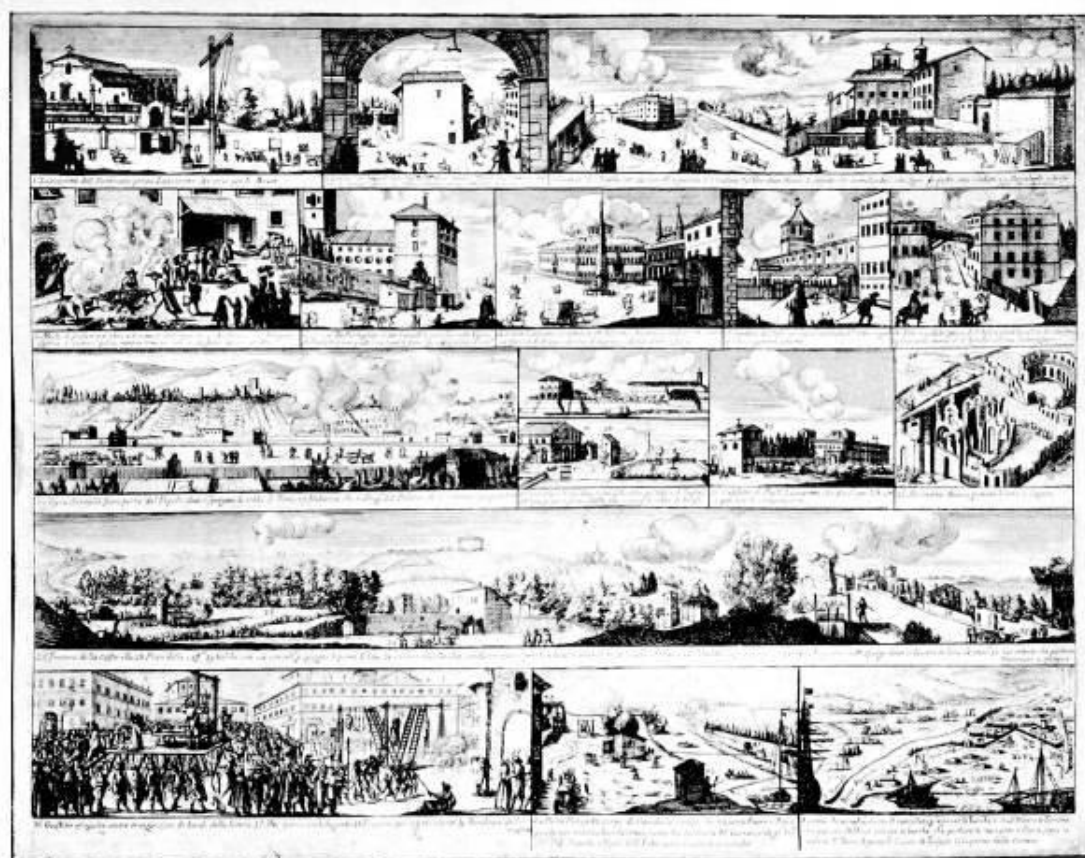
Чума 1656 года произошла во время понтификата Александра VII. Этот папа многое сделал, чтобы искупить трусость своих папских предшественников своим мужеством и преданностью своему народу во время эпидемии. Удивительно, что в память о его заслугах не было воздвигнуто ни одного мемориала.

Две редкие современные гравюры изображают сцены из этого посещения. Один изображен Ланчани в его *"Золотых днях Возрождения"*: [\[180\] другой воспроизведен здесь](#). [\[181\]](#) Оба были представлены на Медицинской выставке в Саспо тел. S. Анджело весной 1912 года. Гравюра Ланчани изображает следующие сцены:

1. Осмотр городских ворот принцем Киджи.
2. Баржа с трупами из лазаретто на острове Сан-Бартоломео.
- 3-5. Различные методы борьбы с чумой в зараженных районах.
6. "Поле смерти" возле Сент-Пола-за-Городскими стенами.

Вторая гравюра представляет еще больший интерес, чем эта: первые два ряда табличек дают некоторое представление о характере лазаретов и показывают, как они охранялись частоколом и часовыми; на них также изображены повозки для перевозки больных, за которыми ухаживали вооруженные солдаты. Дезинфекция книг и личных украшений больных, мертвая собака, которую утащили, чтобы выбросить в реку, и тележка для перевозки больных, отмеченная крестом, - вот другие интересные детали. Третий ряд указывает на вывоз зараженных товаров в места за пределами города, где они были либо вымыты, либо очищены; места, где были сданы на хранение другие вещи; загородную резиденцию пап, превращенную в дом для выздоравливающих; и разрушенный дворец Антонинов, куда были доставлены шерстяные изделия для дезинфекции. Четвертый ряд представляет собой в основном прачечные и места для стирки, куда убирали одежду и постельное белье для чистки. Пятый ряд - казнь тех, кто нарушал санитарные правила, отстрел больных преступников и различные меры, принятые для ограничения движения по реке. Через реку переброшен трос, а на берегах возведены частоколы, чтобы разорвать

всякую связь между городом и лодками, доставляющими провизию. Показаны хижины, в которых размещались солдаты и чиновники, чьей обязанностью было принуждать к повиновению установленным правилам.



ФОТОГРАФИЯ XXVII СЦЕНЫ ЧУМЫ В РИМЕ, 1656 г.

Со старой гравюры (Лицевая страница 186)

ГЛАВА XII

Великая лондонская чума, достигшая своего апогея в 1665 году, оставила обильные последствия как в литературе, так и в искусстве. Основная история его разрушений слишком хорошо известна, чтобы требовать повторения.

Некоторые все еще были готовы увидеть в чуме, как и в случае с пожаром, свидетельство рук злых евреев. С момента своего изгнания из Англии Эдуардом I евреи так и не получили законного права на возвращение, и их открытая петиция Кромвелю не увенчалась успехом. С восстановлением Карла II на троне они, по-видимому, взяли дело в свои руки и спокойно вернулись обратно, так что во время эпидемии чумы в Лондоне проживало много людей, что принесло огромную пользу торговле и облегчило положение постоянно нуждающегося правительства. Но три столетия чумы, перемежавшиеся жестокими вспышками с регулярными интервалами, помогли разгадать большую часть тайны эпидемии, и люди

узнали, что от нее нельзя избавиться холокостом евреев или жестоким убийством воображаемых отравителей.

Не было недостатка в небесных знамениях, предвещавших чуму. Пылающая комета появилась за несколько месяцев до чумы. Люди делали вид, что видят в его тусклом цвете и медленном торжественном движении предсказание сурового наказания чумой; тогда как то, что предшествовало пожару, было быстрым и пылающим и предвещало быстрое возмездие.

Суеверие заново извлекало образы из груды отброшенных фантазий. Женщины видели в небесах пылающие мечи, некоторые даже видели ангелов, размахивающих ими над своими головами. У астрологов были странные истории о зловещих соединениях планет. Мнения врачей по-прежнему разделялись по тем же линиям раскола, что и 2000 лет назад. Были те, кто относил болезнь к какому-то оккультному яду, и те, кто относил ее к избытку какого-то явного качества, такого как тепло, или холод, или влага, в каждом случае разлагающих гуморов тела. Было много предположений относительно природы причинного действия яда. Некоторые, как это делал Лукреций, считали, что это вредные частицы атомарного характера, находящиеся вне поля зрения человека, порожденные либо на небесах в результате пагубного соединения планет, либо в почве и так часто высвобождающиеся под действием землетрясений. Эти яды, какими бы они ни были, попали в организм человека через загрязненную атмосферу.

Некоторые заметили необычное отсутствие птиц еще до эпидемии, как это сделали в свое время Фукидид и Ливий. Бойль наблюдал значительное сокращение численности мух в 1665 году, Богхерст - переизбыток мух и муравьев в 1664 году. Сэр Джордж Энт и другие приписывали болезнь крошечным невидимым насекомым, но Блэкмор считал их скорее следствием, чем причиной.

Так называемые насекомые с глубокой древности смутно ассоциировались с мором, особенно мухи, вши и саранча; но в медицинской литературе шестнадцатого века и позже им отводится гораздо более определенная роль. Mercurialis [182] утверждает, что огромное количество гусениц разгуливало по улицам Венеции во время чумы 1576 года. Goclenus [183] упоминает стаи пауков во время чумы в Гессене в 1612 году, а Hildanus - стаи мух и гусениц в том же году в пораженной чумой Лозанне. Бэкон говорит о мухах и саранче, как характерных для чумных лет, а Димербрук [184] о мухах, мошках, бабочках, жуках, кузнечиках и шершнях в той же связи. Готвальд [185] сообщил о присутствии множества пауков во время чумы в Данциге в 1709 году. Арабские врачи считали гниение полчищ мертвой саранчи важной причиной эпидемии. Хэнкок, [186] еще в 1821 году утверждал, что саранча вызвала голод, уничтожив посевы, и таким образом подготовила путь для эпидемии среди людей.

Талисманы, амулеты, реликварии и все магические принадлежности пользовались оживленным спросом среди населения. Шарлатаны-продавцы бесчисленных противоопухолевых средств эффективно заменили врачей, большинство из которых обратились в бегство. Честь тем, кто твердо стоял на своих постах и вернул медицине то, от чего отказался Гален, - власть над собственной душой. Это люди, которые не боялись "чумы, ходящей во тьме, или стрелы, летящей днем":

- | | | | |
|----|----------------------|---|--|
| 1. | Д-р Фрэнсис Глиссон, | } | президенты Королевского колледжа
из врачей. |
| 2. | Сэр Томас Уизерли, | | |
| 3. | Д-р Николас Дэвис, | | |
| 4. | Доктор Эдвард Динтри | | |
| 5. | | | |

Д-р Томас Аллен,	Доктор Томас Аллен	
6.	7.	Д-р Питер Барвик,
7.	Доктор Питер Барвик	
8.	Доктор Хамфри Брукс	Стипендиаты Королевского колледжа
9.	Доктор Александр Бернетт	.
10.	Доктор Элиша Койш	
11.	Доктор Джон Гловер	
12.	Доктор Натаниэль Ходжес	
13.	Доктор Нейтан Пейджет	
14.	Доктор Томас Уортон	
15.	Доктор Уильям Коньерс,	член Королевского колледжа врачей.
16.	Доктор О'Дауд	
17.	Доктор Сэмюэл Пек	
18.	Джон Файф	} Члены "Брадобреев-хирургов" Эдварда Ханнана
19.	Томас Грей	
20.	Компания	
21.	Эдвард Хиггс	

И еще несколько человек рядом с ними, чьи имена не вписаны ни в один человеческий документ, но чьи деяния запечатлены нетленным шрифтом в бессмертной летописи праведных человеческих усилий.

Натаниэль Ходжес [187] показывает нам кое-что из повседневной жизни врача во время этой эпидемии. Сам он встал рано, принял дозу жаропонижающего, занялся домашними делами, а затем направился в свой кабинет для консультаций, где его ждали толпы людей. Некоторых, кто был болен, он вылечил, других успокоил и отослал прочь. Последовал завтрак, затем визиты к пациентам по домам. Войдя в дом, он выпаривал какое-нибудь ароматическое дезинфицирующее средство на угольной жаровне: если он приходил запыхавшийся, он немного отдыхал, а затем клал в рот пастилку, прежде чем приступить к обследованию своих пациентов. После нескольких часов приема он возвращался домой, выпивал стакан "сэка", а затем ужинал жареным мясом с солеными огурцами или какими-то подобными приправами, которые считались противоядием. За предварительным поднятием занавеса последовало еще больше вина. Вторая половина дня и вечер, до восьми или девяти часов, были посвящены второму раунду визитов. Свои поздние часы он проводил дома, непривычный к ядовитым испарениям табака, затягиваясь кисетом, чтобы обеспечить себе бодрость и надежный сон. Дважды смертельная инфекция, казалось, проскальзывала мимо его аванпостов, но у Ходжеса все еще было свое лекарство: он просто удвоил дозу.

Из всей литературы о море ни одна не была прочитана так широко, как "*Дневник года чумы*" Дефо: все более поздние записи берут начало от Дефо. Тем не менее, тщательное изучение и

сравнение других свидетельств современников не оставляет места для сомнений в том, что картина Дефо не совсем точно отражает общее состояние Лондона во время чумы. Его картина гораздо больше соответствует Марселю 1720 года, чем Лондону 1665 года, и в этой связи следует помнить, что он усердно собирал материалы для дневника марсельской чумы, которые были напечатаны в некоторых изданиях его произведений. Вряд ли это могло не украсить его *Дневник*, который был представлен публике только в 1722 году, через два года после марсельской чумы.

Самому Дефо во время чумы было всего шесть лет, так что его собственные детские воспоминания мало помогли ему в выполнении поставленной задачи. У него будут, самое большее, смутные воспоминания о какой-нибудь ужасной катастрофе, вокруг которой вращались рассказы родителей и друзей его детства. К ним он добавит факты и инциденты, заимствованные из основных отчетов, имеющих в печати. Имеющиеся свидетельства показывают, что их было три: "*Ужасное посещение*" Лондона, "*Логология*" Ходжеса и "*Страшный глас Божий в городе*" Винсента. В первом из них он получит списки смертных случаев и другую общую информацию; во втором - аспект чумы с точки зрения врача; в третьем - видение чумы в том виде, в каком она привлекла народное воображение.

В том, что Дефо намеревался писать историю, а не художественную литературу, нет причин сомневаться. Если судить только по точности его фактов, то это история, но именно в фактах, которые он опускает только потому, что никогда о них не слышал, он бессознательно впадает в беллетристику. Сравнение деталей и инцидентов с безупречным отчетом Пеписа подтверждает его точность, но оно показывает также, что, отделяя инциденты от их окружения и сжимая его описание за исключением всех выбранных инцидентов, картина в целом не совсем точно отражает вид города, каким он был. Пепис, который был непосредственным свидетелем, отметил не только самые яркие события, но и те, которые представляют повседневный интерес, так что его повествование гораздо более соответствует жизни. Дефо, с другой стороны, снял свою картину с декораций. Пепис показывает нам, что, хотя призрак чумы был повсюду, повседневная жизнь продолжалась, хотя и в приглушенном виде. Дефо хотел заставить нас поверить, что вся деятельность была парализована.

При всем этом, однако, когда читаешь *Дневник*, повествование приобретает такую ауру правдоподобия, что инстинктивно представляешь писателя описывающим то, что он видел собственными глазами, настолько совершенна иллюзия. Мид, действительно, сам будучи специалистом по чуме и так скоро после события, поверил, что *Дневник* был подлинным отчетом очевидца. Способность Дефо визуализировать то, чего он не видел, уступает только яркости, с которой он описывает то, что он визуализировал.

В чем секрет такой живости? Прежде всего, в чрезвычайной простоте языка. Простой стиль был естественным стилем Дефо, и по этой причине он использует его свободно и непринужденно, и, зная это, он уместно вкладывает свою историю в уста простого шорника. Дефо писал для растущего класса читателей низкого социального уровня. Он апостол простых людей: вот почему он подражает их манере говорить. Его повествование не только разговорное, но и намеренно затрагивает язык, который шорник использовал бы, пересказывая своим близким воспоминания о том, что он пережил. В нем нет стремления к драматическому эффекту, нет рисования зловещих картин, нет литературных ухищрений, но всегда одна и та же устойчивая простота дикции, даже при описании самых ужасающих событий. Не должно быть ни малейшего шанса упустить малейший момент, поэтому он даже обдумывает все, что необходимо, комментируя свою собственную историю.

Образованный читатель, особенно в наши дни, когда даже литература представлена в форме таблоидов, должен быть утомлен пространностью и раздражен избыточностью повествования. Но опять же, в качестве оправдания следует сослаться на то, что сами эти дефекты являются преднамеренными. Постоянное повторение, как известно каждому учителю, рано или поздно проникает в самый тупой мозг.

Но *Дневник* - это нечто большее, чем просто хроника, причем достаточно яркая, о том, что происходило и как вели себя люди во время чумы. Дефо рассматривает чуму как Божий суд, и это отношение придает произведению сильную моральную цель. Вот почему он так много останавливается на ментальных и моральных последствиях катастрофы, преподнося свой урок без видимой излишней настойчивости. Пепис, как мы знаем, мог найти в себе силы веселиться во время чумы, точно так же, как Боккаччо изобразил свою компанию флорентийцев: Дефо отвратительна сама мысль о веселье. Пепис в канун Нового года, оглядываясь на мерзость запустения, мог бы сделать такую запись в своем *Дневнике*:

31 декабря 1665 года. Я никогда не жил так весело (кроме того, я никогда не получал так много), как в это время чумы... и огромное количество танцев, которые мы устроили за мой счет (которыми я готов побаловать себя и жену) в моей квартире. Великим злом этого года, и действительно единственным, является падение милорда Сандвича, чья ошибка с призами погубила его.

Пепису было чуждо воображение: его радости и горести были чем-то поверхностным и имели сиюминутное значение. Его кредо - эгоистический гедонизм во всей его неприкрытой жестокости. Он гораздо больше обеспокоен пожаром, где есть шанс потерять свое имущество, чем чумой, где есть шанс потерять свою жизнь. Его ретроспектива в канун Нового года - не единственный проблеск черствого безразличия, которое он дает нам к ужасам чумы. Взгляните на 30 сентября 1665 года, когда только что миновали самые жестокие времена:

Итак, чтобы выспаться с большим чувством удовлетворения, и за исключением только этой ночи и дня или двух, посвященных тому же делу месяц или шесть недель назад, я заканчиваю этот месяц с величайшим чувством удовлетворения и могу сказать, что эти три месяца радости, здоровья и прибыли были самыми замечательными, которые я когда-либо получал за всю свою жизнь, не имея на себе ничего, кроме соображения о болезненности сезона во время этой великой эпидемии, которая должна была умертвить меня. За все это да будет хвален Господь Бог!"

Дело было не в том, что Пепис не замечал ужасных сцен страданий вокруг себя, просто они его не трогали. В одном коротком письме леди Картарет, написанном в разгар чумы, он втиснул все мрачные подробности, которые заполняют целый том для Дефо.

Историки часто утверждают, что лондонский пожар уничтожил чуму. На самом деле это, вероятно, не имело никакого отношения к ее исчезновению. Несколько английских городов пострадали так же сильно, как Лондон, и все же в отсутствие каких-либо пожаров утихание и исчезновение чумы шло тем же курсом, что и в Лондоне. В Салониках, [188] примерно в 1500 году н.э. за пожаром, уничтожившим 8000 домов, фактически последовала вспышка чумы. В то время было распространено мнение, что распространение чумы из Лондона ускорилось из-за повсеместного использования каменного угля, так что атмосфера постоянно была пропитана сернистыми испарениями.

Художественные свидетельства о Великой лондонской чуме, хотя и многочисленны, в основном неважны. Как правило, художники довольствовались иллюстрациями к обильной

литературе. В 1863 году Фредерик Шилдс начал задуманную серию иллюстраций к *Дневнику* Дефо. Рескин высоко оценил гравюры на дереве за их творческую силу и превосходное качество дизайна. Корректуры шести из этих гравюр на дереве можно было увидеть на Мемориальной выставке работ Шилдса (Альпийский клуб, сентябрь-октябрь 1911 г.). Набор из шести сцен состоял из следующих сцен:

1. *Решение веры*

Мужчина сидит за столом, на котором лежит Счет о смертности, и перед ним раскрыта Библия. Он говорит себе: "Ну, я не знаю, что делать, Господи, направь меня". Его палец указывает на ответ в открытой Библии: "Потому что ты сделал Господа, который есть прибежище мое, даже Всевышнего, своим жилищем: никакое зло не постигнет тебя, и никакая язва не приблизится к твоему жилищу".

2. *Смерть Первенца*

Юноша лежит в конвульсиях на кровати, а женщина стоит на коленях рядом с ним. На заднем плане носильщики уносят труп: оба курят трубки. На земле лежат песочные часы.

3. *Соломонов Орел, предупреждающий Нераскаявшихся*

Соломон Игл стоит с жаровней с горящими углями на голове в яростной проповеднической позе перед группой похотливых молодых женщин у открытого окна.

4. *Конец беженца*

Мужчина с длинным крючковатым шестом тащит за собой труп. Рядом с ним стоит могильщик с лопатой, собакой и корзинкой для ужина.

5. *Чумная яма*

Тела сбрасывают с телеги в яму при свете факела, который держит мужчина.

6. *Побег семьи из тюрьмы*

Дверь дома была взломана, и на ней лежал труп.

Джордж Крукшенк внес свой вклад в издание Брейли *"Дневника года чумы"* на четырех обложках. Три из них, "Телега мертвецов", "Большая яма в Олдгейте" и "Соломонов орел", яркие и мощные; четвертая, "Жена водяного", слабая и заурядная.

Проповедь Соломона Игла изображена на картине П. Ф. Пула, Р.А., в галерее Mappin Gallery в Шеффилде. Изображенная сцена взята из романа Харрисона Эйнсворта *"Старый собор Святого Павла"*. На ней изображен Соломон Игл с жаровней с горящими углями на голове, обнаженный, если не считать набедренной повязки; он обращается к перепуганным горожанам у старого собора Святого Павла во время чумы. Повсюду разбросаны тела мертвых и умирающих: на одном доме изображен проклятый красный крест и надпись 'Господи, помилуй нас'. На заднем плане носильщики уносят труп на похороны.

Инцидент, который Пепис описывает в своем *Дневнике* от 3 сентября 1665 года следующим образом, представлен на современной картине мисс Флоренс Райзон.

‘Среди других историй, как мне показалось, одна была очень страстной - о жалобе, поданной на мужчину в тауне за то, что он забрал ребенка из Лондона из зараженного дома. Олдермен Хукер сказал нам, что это был ребенок очень способного горожанина с Грейсиус-

стрит, шорника, который похоронил всех остальных своих детей от чумы, а он сам и его жена, которые сейчас сидят взаперти и отчаялись спастись, желали только спасти жизнь этому маленькому ребенку: и поэтому добились, чтобы его приняли совершенно голым в руки друга, который привез его (переодев в новую одежду) в Гринвич; где, услышав эту историю, мы согласились, что его следует разрешить принять и сохранить в тауне ".

В 1679 году ужасная эпидемия чумы разразилась в Вене, тогда богатом городе с населением около 210 000 человек, резиденции Леопольда, императора Священной Римской империи. Наши основные знания о посещении получены от Сорбета (*Consilium medicum oder freundliches Gespräch*), Абрахама и Святой Клары (Merk's Вена) и Фурманна (*Альт-и Ной-Вена*). Заболеванию предшествовала эпидемия "Горячей болезни" (*Hitzige Krankheit*), которая привела к летальному исходу. Бубонная чума последовала за ней по пятам, и Вена представила собой зрелище одного огромного лазарета для больных, одной гигантской чумной ямы для мертвых. Каторжников, как и в Неаполе, нанимали как для ухода за больными, так и для погребения мертвых. Одежда, мебель и постельные принадлежности валялись на улицах вперемешку с мертвыми и умирающими. Когда подводы выходили из строя, тела бросали в Дунай. Чумной комитет тщетно пытался закрыть все зараженные дома и изолировать заключенных в лазаретах и карантинных пунктах. Казнь через публичное повешение была наказанием за неповиновение. Некоторые принцы королевской семьи, и в первую очередь принц Фердинанд Шварценбургский, вместе со многими представителями знати мужественно посвятили себя борьбе с чумой, выполняя даже самые черные обязанности. Но многие горожане и сам император бежали. Леопольд считал, что свои обязательства перед своим народом выполнил, совершив паломничество в Мариа-Целль, чтобы помолиться о прекращении эпидемии. Затем он перевез свой двор в Прагу, откуда чума выгнала его в Линц.

Во время чумы венцы установили деревянную колонну, к которой часто совершались процессии, соблюдая древний ритуал флагеллантов. По окончании эпидемии чумы Леопольд дал обет в соборе Святого Стефана заменить его мраморной колонной, которая была должным образом воздвигнута в Грабене между 1687-93 годами.

Случай этой чумы, история уличного певца Огюстена, которого живым, но пьяным бросили в чумную яму, но он избежал всего, несмотря на пережитое, напоминает аналогичный случай у Дефо. Говорят, что этот человек сочинил знакомое "О свободном Августине" в пивной в ту самую ночь, когда его бросили в чумную яму.

Амулеты различных видов широко использовались в семнадцатом веке. В Южной Германии распространенной формой был так называемый пештский пенни. На одной стороне у них, как правило, была фигура святого Бенедикта или святого Захарии, а на другой - какая-нибудь формула экзорцизма.

Вена [189] становилась жертвой вспышки за вспышкой чумы, но опыт, приобретенный во время посещения 1679 года, позволил властям искоренить инфекцию в 1691 и 1709 годах, прежде чем она вышла из-под контроля. Но в 1713 году все профилактические меры не смогли остановить его распространение. Затем, в мае месяце, были организованы процессии и литании в честь чумной колонны. Император Карл VI остался в Вене и произнес торжественную клятву в соборе Святого Стефана, что, если чума прекратится, он воздвигнет церковь в знак благодарности. Таково было происхождение Карлскирхе. Эта церковь представляет собой богатое квадратное здание с огромным куполом. Это *кулинарный шедевр* Й. Б. Фишера фон Эрлаха, начатый в 1715 году. Разрушительные последствия чумы рельефно изображены Станетти на тимпане. По бокам портика расположены две

куполообразные колокольни, напоминающие колонну Траяна, высотой 108 футов, с рельефами из "Жизни Святого Карло Борromeо" работы Мадера и Шлеттера. В марте 1714 года, когда эпидемия чумы прекратилась после того, как общая смертность составила 120 000 человек, в соборе Святого Стефана был отслужен благодарственный молебен *Te Deum*, на котором присутствовал император. Были отчеканены две серии памятных монет: на одной изображена вотивная колонна, на другой - церковь, посвященная Сан-Карло Борromeо.

Правила борьбы с чумой, опубликованные в отдельном виде в Вене во время этой эпидемии, дают хорошее представление о современном общественном мнении относительно природы чумы. Не было недостатка в приверженцах каждой веры каждого предшествующего периода. Были те, кто рассматривал это как явное свидетельство Божьего недовольства. Были те, кто приписывал это присутствию в воздухе или пище яда, образующегося на звездах и распространяемого злобными могильщиками в их собственных целях. Даже евреям были предъявлены обвинения. Были те, кто видел его происхождение в соединении определенных звезд. Другие приписывали это голоду, ядовитым испарениям, высвобождаемым землетрясениями, кометам и даже засушливым сезонам из-за размножения насекомых. Как бы то ни было, облака, принимавшие форму носилок и похоронных процессий, шум на церковных дворах и унылые звуки в воздухе предвещали его приход. На инфицированных телах вирус часто проявлялся в виде синих сернистых паров. Очевидно, были и такие, кто предполагал естественное происхождение. Врач по фамилии Грегоровиус вскрыл три мертвых тела в поисках причины, но не смог ее найти. Его неустрашимое рвение было должным образом вознаграждено императором и медицинским факультетом в Вене.

В соответствии с различными представлениями о причине, средства правовой защиты были разнообразными. Некоторые связывали свою веру с благочестивой жизнью, чему способствовали процессии и покаянные проповеди. Некоторые разжигали костры, чтобы очистить воздух, иногда добавляя серу. Множество трав, главная из которых - дягель, пользовались репутацией противозачаточных средств. Одним нравилась простая жизнь, другим - слабительные и кровопускание.

Но бок о бок с этим разношерстным набором мер постепенно вырос кодекс санитарных мер предосторожности. Своевременное оповещение врачей, карантин подозреваемых и отдельное содержание больных, чистота и дезинфекция - все это было рекомендовано и тщательно выполнялось, и в зародыше соответствовало основным принципам современной санитарной науки. Врачам было предписано соблюдать трезвость, окуривать себя и носить шелк или тафту, к которым вирус не прилипал. Мы действительно подошли к развилкашх путей, и с этого момента поток медицинской науки, все меньше и меньше загрязняемый поверхностными водами суеверия, течет ясно и полно по своему назначенному руслу. Солнце науки наконец выходит из своего затянувшегося зимнего солнцестояния.

ГЛАВА XIII

В 1720 году чума добралась до [Марселя](#). Считалось, что он был привезен кораблем "Гранд-Сент-Антуан", прибывшим 25 мая из Леванта. Как обычно, была предпринята попытка замять это дело ради торговли. В начале августа нужно было что-то предпринять, поэтому по

совету двух врачей, Сикарда, отца и сына, было решено разжечь костры по всему городу. Из-за нехватки дров это не было сделано, но также и из-за недостатка веры, поскольку выяснилось, что, несмотря на их хваленую специфику, сикарды бежали из города. Поэтому вместо этого беднякам раздавали серу, чтобы "благоухать" их дома.

Уже 2 августа городской совет счел необходимым принять специальные меры, чтобы врачи и хирурги продолжали выполнять свою работу. Соответственно, они решили, что город должен выплачивать им фиксированное жалование вместо платы за больных и разрешать носить им халаты из промасленной ткани и носилки во время обходов. Сохранилось несколько иллюстраций [одежды, принятой врачами](#) во время марсельской чумы. Такое же платье, с незначительными вариациями, носили и в других местах Франции, Швейцарии и Германии, а родилось оно в Италии. Это изображено на старинной венецианской гравюре на дереве 1493 года н.э. из работ Джоаннеса де Кетама (*Fasciculus Medicinae*, 1493). На этой гравюре на дереве изображен врач в длинном комбинезоне, но в одной лишь тюбетейке на голове, навещающий лежащего в постели больного чумой. Его сопровождают слуги, которые несут зажженные факелы, в то время как сам он подносит ко рту и носу пропитанную лекарствами губку, прощупывая пульс. Грийо изобразил это платье в качестве фронтисписа своей *лионской выставки "Чума 1629"*, и Манже [190] позаимствовал его у него. Из его описания следует, что мантия, бриджи, рубашка, сапоги, перчатки и шляпа были сделаны из сафьяновой кожи. Прикрепленный к маске клюв был наполнен ароматическими веществами, через которые при дыхании проходил воздух, и имел отверстие для каждого глаза, снабженное хрустальным диском.



Habit des Medecins, et autres personnes
qui visitent les Pestiferes, Il est de
marquum de leuant, le masque a les yeux
de cristal, et un long nez rempli de parfums

ФОТОГРАФИЯ XXVIII,
1. ПЛАТЬЕ МАРСЕЛЬСКОГО ВРАЧА,
1720 г.



ФОТОГРАФИЯ XXVIII,
2. НЕМЕЦКАЯ КАРИКАТУРА НА ТО ЖЕ САМОЕ

(Первая страница 200)

М. Ребер [191] описывает гравюру Джона Мельхиора Фюслина, изображающую врача во время марсельской чумы. Надпись под ним на немецком языке (переведена) так: "Эскиз марсельского врача, одетого в кордовскую кожу, у которого также есть футляр для носа, наполненный курительным веществом для защиты от чумы. С помощью палочки он должен нащупать пульс." Таблички Ребера и Манже воспроизведены в Бристольском *медико-хирургическом журнале* за март 1898 г. из блоков Януса. Gaffarel [192] дает костюмы как врача, так и санитаря больницы: они очень напоминают одежду итальянских благотворительных гильдий пятнадцатого и шестнадцатого веков.

К 9 августа некоторые врачи и почти все главные хирурги бежали, и был издан указ с требованием их возвращения или, в противном случае, исключения из их соответствующих корпораций, а также других особых наказаний. Два врача по фамилии Гайон добровольно предложили свои услуги Больнице для выздоравливающих, но тут же заплатились за это

жизнью. В отсутствие достаточного количества врачей в Марселе были вызваны другие из Монпелье, Парижа и других мест. Они истощили свои силы в споре о заразном характере чумы. Чикойнау и Ширак утверждали, что это не заразно. Дейдье доказал, успешно привив собакам желчь, взятую у зараженных чумой, что в любом случае она заразна. Впоследствии каждый из них изложил свои взгляды в официальной речи перед Школой Монпелье.

Существующие больничные помещения не соответствовали потребностям. За городом были установлены палатки скорой помощи с матрасами для больных. Шевалье Роуз за свой счет оборудовал и содержал больницу во вверенном ему округе. Наспех был возведен большой временный госпиталь из бревен, покрытых парусиной, но когда к концу сентября он был почти закончен, его снесло штормом, и восстановить его удалось только 4 октября. Эта больница вместе с Генеральным госпиталем Шарите на 800 коек в конечном итоге обеспечили достаточное количество жилья, так что никому не нужно было оставаться на улицах.

С самого начала смертность была такова, что похоронить мертвых было практически невозможно. 8 августа Собрание постановило, что для перевозки мертвых к погребению следует использовать повозки и что следует вырыть ямы, в которых тела можно было бы засыпать известью. Итак, за стенами были вырыты два огромных котлована, между воротами Экса и воротами Жолиетта, г-н Мустье наблюдал за землекопами и заставлял их работать. Шевалье Роуз также приказал вырыть ямы и организовал отряд могильщиков в своем собственном округе. Обязанности по погребению сначала были возложены на крепких нищих, но вскоре их стало не хватать, так что тела начали скапливаться в домах и на улицах. Затем осужденных время от времени реквизировали поочередно.

Этим осужденным была обещана свобода, чтобы побудить их к работе — обещание, которое так и не было выполнено в случае с теми немногими, кто выжил после выполнения задания. Их незнание обращения с повозками и лошадьми, их праздность и жажда грабежа сделали их настолько непригодными для выполнения этой задачи, что Мустье, другие шерифы и шевалье Роз были вынуждены постоянно находиться верхом, чтобы руководить работой. К 21 августа трупы уже начали скапливаться в старых частях города, где улицы были слишком узкими и крутыми для проезда повозок. Соответственно, был издан приказ о том, что склепы церквей в верхнем городе следует использовать для захоронений в негашеной извести, а когда они будут заполнены, их следует заделать цементом. К концу августа улицы были буквально усеяны мертвыми телами, некоторые из которых находились на поздней стадии разложения, вперемешку с убитыми кошками и собаками, а также постельными принадлежностями, выброшенными из домов. Площадь перед зданием, называемым Ложей, а также часток пол порта были заполнены телами, выброшенными на берег с кораблей, стоявших на рейде, куда бежали целые семьи в надежде, что чума не доберется до них по воде.

К 6 сентября на улицах лежало более 2000 трупов, не считая тех, что находились в домах. На эспланаде под названием Ла Туретт, протянувшейся к морю между домами и крепостным валом, 1000 трупов неделями гнили на солнце, издавая ужасающее зловоние. Они были слишком гнилыми, чтобы их можно было поднять даже на телеги, и слишком вонючими, чтобы отнести в дальние ямы. Шевалье Роуз, возможно, помня о Прокопии, задумал сбросить их в два огромных хранилища в старых бастионах недалеко от эспланады, предварительно пробив их крыши. Эта задача была выполнена в яростной спешке 100 галерными рабами, которые повязали себе на рты и носы носовые платки, смоченные в уксусе. В то же время рыбаки поймали в сети 10 000 мертвых собак, плавающих в порту, и отбуксировали их в море.

В приходе Сен-Ферриоль, лучшем квартале города, художник Мишель Серр взялся позаботиться о погребении умерших, предоставив в его распоряжение повозки и галерных рабов, а также лично обеспечив рабочих едой и жильем. Благодарный город оплатил ему тем, что повесил две его большие картины с изображением Марселя во время чумы под самым потолком подземного подвала, где невозможно разобрать их детали.

Когда от всех тел избавились, шерифы наняли галерных рабов, которые убирали грязь с улиц и сбрасывали ее на баржи, которые уносили ее в море.

В первые дни эпидемии шерифы запретили ежегодное шествие 16 августа в честь святого Роха, во время которого бюст святого и реликвии проносили по улицам; но люди подняли такой шум, что шествие было отпраздновано, при этом шерифы сопровождали его со своими алебардщиками, чтобы не допустить следования толпы. К 7 сентября даже гражданские власти стали рассматривать чуму как орудие Божьего гнева, и магистраты, чтобы умиротворить ее, поклялись, что каждый год город будет жертвовать 2000 ливров в Дом призрения, который будет создан под покровительством Богоматери Доброй Помощи для сирот провинции.

В разгар эпидемии многие приходские священники и некоторые монахи бежали: богослужения в церкви в основном были приостановлены. Но многие светские священнослужители и монахи остались и беззаветно посвятили себя помощи больным. Епископ Бельсунс благородно сыграл свою роль. Где бы ни лежали самые бедные, он приходил исповедовать, утешать и призывать их к терпению. Умиравшим он приносил Причастие, нищим - все свои деньги в виде милостыни. Хотя чума вторглась в его дворец и унесла тех, кто был рядом с ним, она пощадила его. Именно о нем Папа Римский [193] спрашивает,

Почему добрый марсельский епископ дышал чище, Когда природа страдала, а каждый шторм нес смерть?

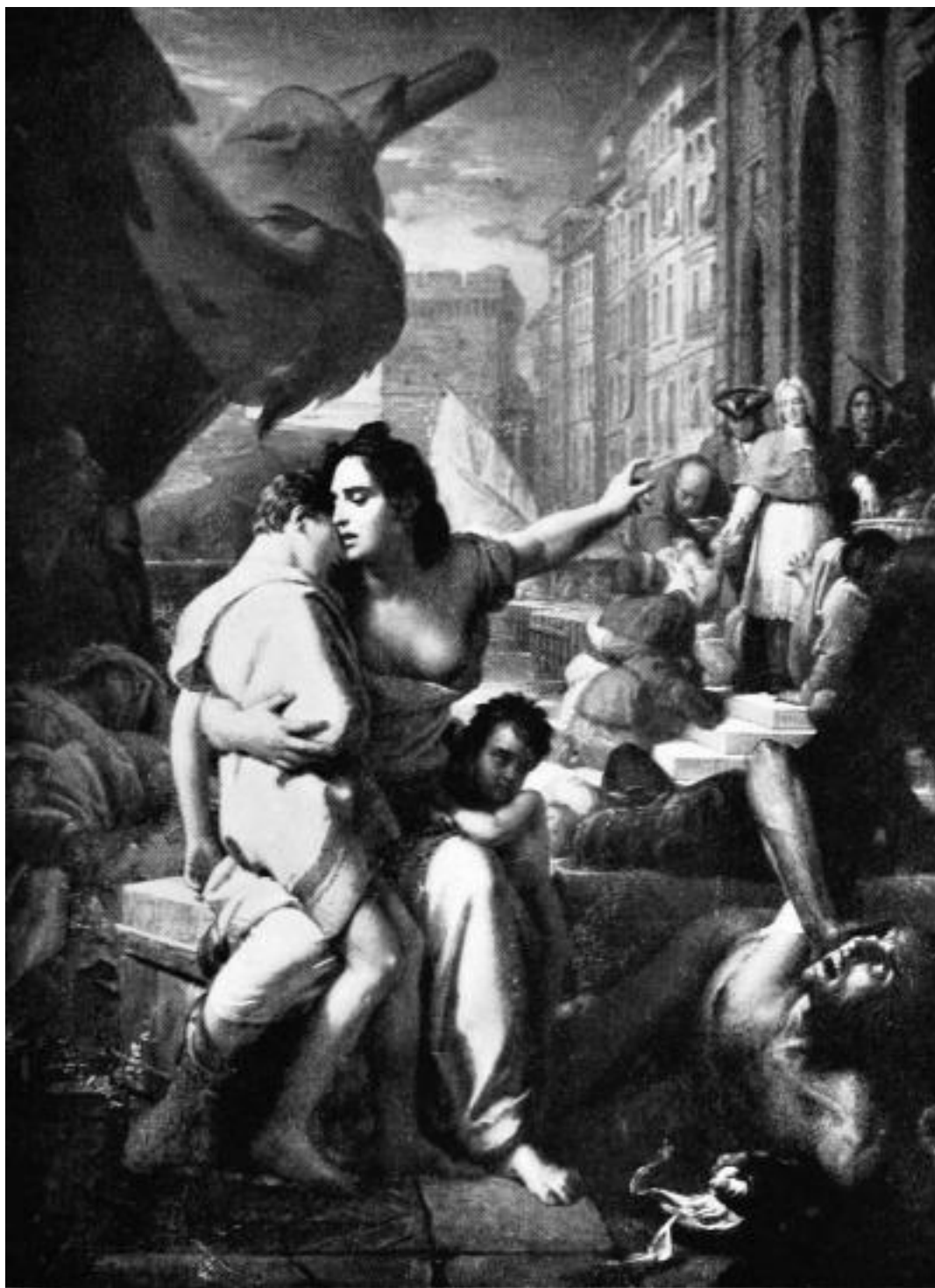
В День всех святых Бельсунсе возглавил процессию по улицам из своего дворца, идя босиком, как древний Борромео, с недоуздом на шее и неся крест в руках. Он хотел появиться среди своего народа как козел отпущения, обремененный их грехами, и как жертва, призванная искупить их. В сопровождении священников и каноников Церкви он направился к месту, где был воздвигнут алтарь. Там, призвав людей к покаянию, он отслужил мессу в их присутствии. Затем он торжественно посвятил город Святому Сердцу Иисуса, в честь которого учредил ежегодный праздник. Слезы, текущие по его лицу, когда он говорил, побудили всех громко взывать к Господу о милосердии. 16 ноября Бельсунс обрел смелость изгнать чуму. Созвав всех, кто остался от духовенства, в церковь Акулля, он прочитал все молитвы, которые предписал папа для избавления от чумы. Затем, после красноречивого и трогательного увещевания, он поднял Святое Причастие на крышу собора и там, под открытым небом, на виду у всего города, лежащего перед ним, произнес торжественное благословение и совершил полный ритуал изгнания нечистой силы в соответствии с формами Римско-католической церкви.

Бельсансе был не первым человеком, ставшим козлом отпущения, вышедшим на улицы Марселя в знак добровольного искупления вины за свой народ. Во времена эпидемии в старой греческой колонии Массилия один из представителей низших сословий предложил себя от имени своих сограждан. Одетого в священные одежды и украшенного священными ветвями, его провели по улицам под молитвы людей о том, чтобы их беды обрушились на него, а затем изгнали из города.

В этот день на высоком холме на открытой площади, прямо перед епископальным дворцом Марселя, стоит бронзовая статуя Бельсунса работы Рамуса. На каменном постаменте выбита памятная надпись и два бронзовых барельефа. На одном из них Марсель в женском обличье лежит среди своих раненых детей, в то время как Бельсансе и сопровождающие его священники умоляют Святое Сердце остановить чуму. В другом случае Бельсунсе несет Причастие больным и умирающим.

Статуя Бельсунса, облаченная в полное епископское облачение, стоит с поднятым лицом и простертыми к небесам руками в позе искренней мольбы. Природа создала перед ним пейзаж непревзойденной красоты: море, земля и небо щедро отдают ему все самое лучшее. Далеко внизу по набережным гавани, как муравьи, снуют туда-сюда люди-полиглоты, выполняющие назначенные им задачи. За ним простирается бесподобная гладь Средиземного моря, то гладкого и серебристого, как зеркало, то беспокойного из-за прилива. Вдали, над морем и низменностью, окаймляющей залив, вечернее солнце озаряет лик Бельсунсе последним затяжным сиянием, пока оно садится во всем великолепии золотистых оттенков. Если истукан человека может наслаждаться совершенным счастьем, в котором ему отказано, то, несомненно, Бельсунс получит свою награду.

Марсель богат воспоминаниями о своем епископе. В Санитарном бюро висит приятный портрет Бельсанса работы Гобера; в Музее можно увидеть убогую картину Мансиана, на которой он причащает жертв чумы. Франсуа Жерар (1770-1837) подарил свою "[Чуму Марселя](#)" Санитарному бюро, где она и висит сейчас. Бледный, унылый колорит картины плохо сочетается с поразительной энергией композиции. На переднем плане изображена вся трагедия семьи, пораженной чумой. На земле лежит отец, корчась в агонии: его руки сжаты в кулаки, глаза вылезают из орбит: повязка в правой подмышечной впадине указывает на одно очаг заболевания. Мать, сидящая на сундуке, прижимает к себе своего старшего мальчика, завернутого в одеяло, слишком слабого, чтобы стоять: младший ребенок прислоняется к матери, его глаза в ужасе устремлены на умирающего отца. Страдание отражено в смертельной бледности лица матери. На заднем плане Бельсунс в полном облачении раздает больным и голодающим беднякам хлеб, который несет служанка. Слева от переднего плана под навесом, скорчившись, лежат тела погибших, в то время как справа осужденные оттаскивают трупы для захоронения. Возвышенная безмятежность доброго епископа, кажется, дает его пораженному страданиями народу некое обещание того покоя, который превосходит всякое понимание.



PESTE DE MARSEILLE.
BY FRANÇOIS GÉRARD

Фотография Жиро, Париж



PLATE XXX

Автор: Дж. Ф. де Трой (Первая страница 207)

Ж. Ф. де Трой младший (1679-1752), сам бывший очевидцем этой чумы, написал [виртуозную картину](#), которая сейчас находится в городском музее. Она была исполнена для шеваляе Розы в 1722 году. На нем он изображен восседающим на белом коне, спокойно руководящим работой приставленных к нему каторжников, которые очищают эспланаду Ла Туретт от скопления разлагающихся трупов. Шерифы, тоже верхом на лошадях, помогают шеваляе в его задаче. Земля усеяна трупами, которые каторжники хватают и швыряют в зияющие пасти открытых подвалов бастаионов. Они работают в бешеной спешке, подгоняемые дурным запахом тел и осознанием опасности своей задачи. Свирепость отражена на их лицах, торопливость - во всех движениях их тел. Вся сцена полна жизни, движения и духа. В небе парят ангелы, потрясая пылающими факелами. Окраска была подобрана с замечательным эффектом, чтобы передать ощущение, что небо и земля одинаково наполнены ядовитыми и приторными миазмами.

На другой картине, выставленной в Санте в Марселе, Герен рассматривает ту же тему в скучной традиционной манере. Шеваляе Роуз, несущий мертвое тело женщины, занимает центральное место в картине. Позади него нелепый мальчик одной рукой держит белую лошадь, а другой - свой нос и крепко сжимает его нос, который больше подошел бы лошади. Заключение утаскивают мертвые тела, которыми усеяна земля.

Две большие картины Мишеля Серра представляют интерес скорее как живописные свидетельства старого Марселя, чем как вклад в художественное представление о чуме. Один из них изображает Марсельский кур, ныне известный как Кур Бельсансе, во время чумы. Это красивый бульвар, окаймленный с обеих сторон деревьями, под которыми видны палатки, наспех возведенные в качестве временных жилищ теми, кто бежал из своих зараженных чумой жилищ в укрытие улиц. Смерть и болезни последовали за ними и

свирепствуют со всех сторон. Видно, как похоронщики собирают мертвых и увозят их на телегах. Эта картина была выгравирована Риго и фигурирует в "Лондонском иллюстрированном издании Кроула" *Illustrated Pennant's London*, vol. x, p. 93; also in Gaffarel's *La Peste de 1720*."

На другой картине Серра изображено открытое пространство перед Отель-де-Виль вместе с частью Марсельского порта. Эти сцены напоминают сцены из другой его картины, и нам также напоминают, что многие укрылись в лодках и бросили якорь у берегов гавани в тщетной надежде, что там до них не доберется чума. Пространство перед Ратушей превратилось в одну кучу разлагающихся тел, которые были выброшены на берег с лодок или выброшены на берег из вод гавани. Кроул [194] рассматривает эту картинку так же хорошо, как и предыдущую, то же самое делает Gaffarel. [195]

С исчезновением чумы из Марселя болезнь почти исчезла в Европе. В Леванте это все еще процветало какое-то время. Патрик Расселл, врач британской фабрики в Алеппо, написал трактат об эпидемии, которая произошла во время его пребывания там в 1760-2 годах. Опять же, в 1771 году он закрепился в Москве, заявив там о не менее чем 80 000 жертвах. Напрасно люди толпились у чудотворной *иконы* Богородицы у Варварских ворот. Опасаясь большого скопления народа, архиепископ приказал перенести *икону* в Чудокский монастырь, но такова была ярость обезумевших людей, что они пригрозили сравнять здание с землей, если *икона* не будет восстановлена. Архиепископ уступил, но слишком поздно, потому что толпа выволокла его из монастыря и убила прямо на улице. С того дня чума пошла на убыль. Итак, чума была изгнана из Европы поклонением картине, и с драматической уместностью занавес опустился над заключительным актом сцены человеческого жертвоприношения.

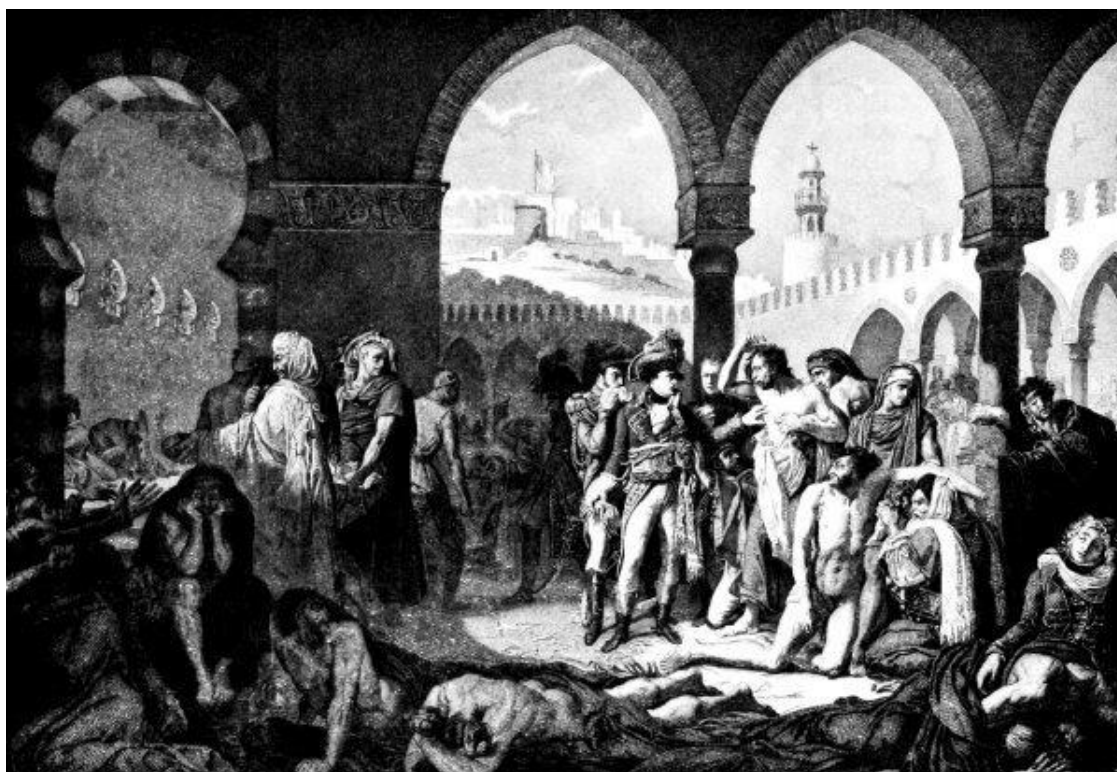


PLATE XXXI

Автор: Барон Грос (Первая страница 208)

Знаменитая картина барона Гро 'Яффские чумы', ныне находящаяся в Лувре, стала предметом ожесточенных споров. Картина была заказана Наполеоном, когда он был первым консулом, и вызвала экстравагантный энтузиазм на своей выставке в Салоне в 1804 году. Художники поместили над ней пальмовую ветвь, а публика покрыла всю раму венками. На самом деле это большое непривлекательное полотно, лишенное каких-либо исключительных достоинств ни в композиции, ни в цвете. На ней изображен Наполеон в сопровождении нескольких своих подчиненных, стоящих среди пораженных чумой солдат внутри мечети. Один из мужчин поднимает правую руку, чтобы обнажить бубон подмышкой, и Наполеон кладет на него пальцы.

Также существует приблизительный набросок, [196] который показывает, что Гро с самого начала намеревался представить свою тему по-другому. Наполеон, как и Людовик Святой на современной фреске в Сен-Сюльпис, держит на руках тело жертвы чумы, которое ему помогает поддерживать араб. Бесстрастные черты генерала сильно контрастируют с испуганным видом его сопровождающих.

Каждое из этих двух представлений, по-видимому, является реальным историческим событием во время кампании Наполеона в Сирии. Чума вспыхнула среди войск в Яффо, где Наполеон основал большой госпиталь, и генералы опубликовали тревожный отчет о ее распространении. Целью Наполеона было восстановить *мораль* своей армии, которая серьезно пострадала от вспышки. Норвин [197] представляет Наполеона посещающим все палаты в сопровождении генералов Бертье и Безьера, генерального директора Даура и главного врача Десженетта. Наполеон разговаривал с больными, подбадривал их и прикасался к их ранам, говоря: 'Вы видите, это пустяки'. Когда он выписался из больницы, они обвинили его в неосторожности. Он холодно ответил: 'Это мой долг, я главнокомандующий'. Это напускное безразличие к заразе вкупе с прекрасным поведением главного врача Дегенетта, который привил себе чуму в присутствии солдат и применял к себе те же средства, которые прописывал им, успешно достигли цели Наполеона. Отчет об инциденте, приведенный в письме [198] графа д'Ора, немного отличается. Там говорится: "Он сделал больше, чем просто прикоснулся к бубонам: с помощью турецкого ординарца генерал Буонапарте поднял и унес больного чумой, который лежал поперек дверного проема одной из палат: мы были очень напуганы его таким поведением, потому что одежда больного была покрыта пеной и отвратительными выделениями из лопнувшего бубона. Генерал продолжал свой визит невозмутимым и заинтересованным, беседовал с больными и пытался обратиться к ним со словами утешения, чтобы рассеять панику, которую чума наводила на их души.' Бурьен, [199] Секретарь Наполеона, однако, говорит: "Я шел рядом с генералом и утверждаю, что никогда не видел, чтобы он прикасался к кому-либо из зараженных".

Герцог де Ровиго в своих *Мемуарах* практически подтверждает слова графа д'Оре. Он говорит: 'Чтобы самым очевидным доказательством убедить их в беспочвенности их опасений, он пожелал, чтобы кровоточащая опухоль одного из его солдат была обнаружена у него на глазах, и прижал ее собственными руками'. Десженет и генерал Андреосси, которые оба присутствовали, подтверждают, что Ровиго и граф д'Ор были против Буррьена.

Секретарь Наполеона развивает повествование еще на один этап. Он говорит, что только шестьдесят из находившихся в госпитале были больны чумой, и что, поскольку их удаление сопряжено с риском заражения всей армии, Наполеон обсудил это со своим штабом и врачами и решил избавить их от страданий с помощью яда. Бурьен говорит, что он не знает, кто ввел яд, но об их уничтожении не могло быть и речи. Заявления Буррьена по любому вопросу, как это обычно признается, нуждаются в тщательном анализе, но из массы

противоречивых свидетельств, по-видимому, всплывает простой факт: Наполеон действительно предлагал ускорить смерть примерно семи или восьми человек, которые были обречены на смерть, чтобы они не заразили всю армию. Сам Наполеон на острове Святой Елены не отрицал этого и защищал свои действия из соображений гуманности, клеймя историю о массовом отравлении выдумкой.

ПРИЛОЖЕНИЕ [200]

Утверждение Фукидида о том, что все другие болезни приобрели сходство с доминирующей чумой, постоянно появляется в литературе об эпидемических заболеваниях. Мы уже отмечали частое совпадение чумы и тифа, что привело таких проникательных наблюдателей, как Димербрук и Сайденхэм, к мысли, что одна болезнь может трансформироваться в другую. Постоянно отмечалась такая же тесная связь рецидивирующей лихорадки и тифа, и теперь мы знаем, что объяснение заключается в том факте, что каждая болезнь передается вошью, как чума передается блохой. Принимая во внимание тесную и постоянную связь этих и других острых инфекционных лихорадок, неудивительно, что их следовало рассматривать как состояния и стадии одного чумного процесса, отличающиеся друг от друга не по виду, а только по степени. Как говорит Бэкон, "гниение достигает своего апогея не сразу".

Острое, часто внезапное начало афинской чумы с глубокой депрессией, сильной головной болью и воспалением конъюнктивы, хотя и встречается в единичных случаях чумы, в высшей степени характерно для тифа. Поразительный вид налитых кровью глазных яблок привел к большой путанице между этими двумя заболеваниями.

Вид языка и зева скорее склонен в сторону тифа. При каждом заболевании язык сначала сильно покрывается густым белым налетом, а позже имеет тенденцию становиться сухим и пересыхающим. Но при сыпном тифе по мере прогрессирования болезни наблюдается особая тенденция к тому, что язык кровоточит из трещин по краям. Это происходит так часто, что этот признак был расценен как имеющий диагностическую ценность при наличии вспышки тифа. Влажный покрасневший вид зева является обычным явлением при сыпном тифе и наблюдается также у части больных чумой.

Неестественное и даже зловонное дыхание может наблюдаться при любой острой инфекционной лихорадке, но зародыш никоим образом не характерен ни для одной из них. Несомненно, это было гораздо более распространено во времена, когда азбука гигиены полости рта еще не получила признания в качестве необходимой детали медицинского режима. Мерчисон описывает дыхание больных тифом как зловонное, и, кроме того, хорошо известно, что от их тел может исходить отталкивающий запах. Салиус Диверсус упоминал об этом три столетия назад, и это стало обычным делом для многих последующих авторов. Куршманн не смог обнаружить его и объяснил его отсутствие бесплатной вентиляцией палат для больных. Непрофессионал, каким был Фукидид, вполне мог бы приписать дыханию зародыш, пронизывающий всю атмосферу вокруг пациента.

Чихание долгое время ассоциировалось в народной традиции с чумой, и старая легенда отсылает эту ассоциацию к чуме в Риме в начале понтификата Григория Великого, когда говорилось, что те, кто чихнул, умерли. Однако самые осторожные и наблюдательные из

современных врачей не подтверждают эту связь. Рассел утверждает, что он был настороже во время эпидемии в Алеппо и не заметил этого: Симпсон даже не упоминает об этом. Также не представляется заслуживающим внимания как симптом тифа или какой-либо другой острой инфекционной лихорадки, хотя это соответствовало бы отечному и гиперемизированному состоянию слизистой оболочки носа при сыпном тифе, на которое Куршманн обратил особое внимание. Возможно, эта традиция - всего лишь бабушкины сказки, поскольку чихание считалось зловещим знаком с глубокой древности и восходит, по крайней мере, к сочинению *Одиссеи*. Аристотель откровенно признался, что сам не в состоянии объяснить эту связь.

Куршманн часто сталкивался с охриплостью голоса и катаром гортани при сыпном тифе, но, хотя при чуме может наблюдаться катар всех дыхательных путей, это не является выдающимся признаком. Кашель част при обоих заболеваниях; то же самое относится и к рвоте, часто очень сильной; и если она затяжная, то проявляется последовательными изменениями цвета, подобными описанному Фукидидом: сначала пищевое содержимое желудка, затем зеленая желчная рвота и, наконец, кровь, либо красная, либо измененная на коричневую или черную. Икота и рвотные позывы могут возникнуть при сильной рвоте по любой постоянной причине.

Неясно, чему Фукидид приписывает термин *σπασμός*: контекст позволяет предположить, что имеется в виду спазм диафрагмы, например, сопровождающий длительную рвоту. Но это может также означать настоящие судороги, которые иногда являются осложнением обоих заболеваний. Судорожный тремор конечностей, да и всего тела, обычен в разгар тифа и нередок при чуме.

Естественно, мы должны обращать внимание на внешний вид кожи и высыпания, чтобы получить критерии для точного диагноза, но это не так. Действительно, есть поразительное сходство с описанием Мерчисоном кожи больных тифом в английской больнице. 'Лицо, - говорит он, - часто покраснело. Покраснение является общим для всего лица. Она никогда не бывает розовой: иногда она красноватая или красновато-коричневая, но чаще имеет темный, землистый или свинцовый оттенок: в тяжелых случаях она может быть багровой. "При чуме не наблюдается соответствующего вида кожи.

Фукидид описал извержение как состоящее из *φλύκταιναί μικραί καὶ ἔλκη*, слов, которые обычно переводились как "маленькие волдыри и язвы", и по этой причине считалось, что диагноз сыпного тифа однозначно исключен. Так что уверенность в выводе вряд ли оправдана фактами. Вспышки гангренозного дерматита, при которых на поверхности тела появляются множественные буллы или волдыри, оставляющие в основании язву, были нередкими признаками эпидемии тифа, и из-за их чрезвычайно заразного характера такие вспышки были бы более склонны возникать на фоне полного пренебрежения и нищеты в осажденном гарнизоне. Мерчисон описала возникающие в результате явления следующими словами: 'Я видела пузыри, заполненные светлой или темной жидкостью, или большие пустулы, появляющиеся на различных частях тела во время прогрессирования лихорадки. Стоукс наблюдал буллы, подобные этому описанию, за которыми после разрыва следуют глубокие язвы с острыми краями.' Но обширные изъязвления, подобные этому, неизбежно должны были оставлять постоянные рубцы, по крайней мере, столь же заметные, как "изъязвления", образующиеся при оспе, и мы вряд ли можем предположить, что это могло ускользнуть от критического греческого взгляда такого проницательного наблюдателя, как Фукидид. Возникает целый вопрос о точном значении слов *ἔλκος* и *φλύκταινα*.

В своем трактате περὶ Ἑλκῶν Гиппократ использует термин ἑλκος не только для обозначения открытых ран и язв, но и для обозначения ожогов, волдырей и ран в целом.

Гомер использует его при ранах любого рода. Так получилось, что раны из "Илиады" почти все являются открытыми ранами, нанесенными копьем и стрелами, но Гомер также использует их для укуса змеи [201] и для раны, нанесенной молнией. [202]

ГИПЕРССЫЛКА [203] использует его в последовательных строках для обозначения раны, нанесенной копьем, и в общем смысле:

Ἄγριον, ἄγριον ἑλκος ἔχει κατὰ μηρὸν Ἀδωνίς, μεῖζον δ' ἂν Κυθήρεια φέρει ποτικάρδιον ἑλκος.

Эсхил [204] и Софокл [205] используют его также в более широком смысле, например, в

πόλει μὲν ἑλκος ἔν τῷ δῆμιον τυχεῖν

и

τί γὰρ γένοιτ' ἂν ἑλκος μεῖζον ἢ φίλος κακός;

Вывод, который следует сделать из этих отрывков, заключается в том, что ἑλκος, хотя обычно указывает на открытую рану, используется без точного значения.

Та же трудность связана со словом φλύκταινα. Хотя Гиппократ часто использует это слово, нет ни одного отрывка, точное значение которого было бы ясным вне всяких сомнений. Он применяет его к обморожениям, [206] к высыпаниям на коже у пациентов с эмпиемой, [207] к поражениям, появляющимся на языке в случаях сепсиса со смертельным исходом, и и так далее. В одном отрывке, в котором он говорит о φλύκταινα, возникающем при натирании кожи укусом, он, по-видимому, указывает на волдырь.

Первое четкое определение термина, которое у нас есть, принадлежит перу Цельса, который определяет его как обесцвеченную пустулу, которая прорывается и оставляет изъязвленное основание ("род pustularum, имеющий множество сходств с различными видами растений, не являющихся первичными, ливиды, но бледные, а также черные, но с измененным естественным цветом: субэстезия и юмор, убиение хэ разрывами солнца, infra quasi exulcerata caro apparet"). У Аристофана есть несколько отрывков, которые указывают на то, что он, во всяком случае, применял этот термин так же, как мы применяем его к волдырному поражению; но в то же время есть и другие отрывки, в которых это исключительное употребление ни в коем случае не является столь уверенным. Повреждение, возникшее в результате гребли [208] или ношения копья [209] не может быть ничем иным, кроме волдыря. И в Ecclesiastusae есть отрывок, [210], который кажется еще более понятным:

ἀλλ' ἔμπρουσά τις ἐξ αἵματος φλύκταιναν ἡμφιεσμένη,

- Какой-то вампир, раздутый кровью, как чертовистер.

Изображение должно быть изображением вампира, настолько распухшего от крови, что кажется, что его тело действительно покрыто ею, имитируя кровавый пузырь.

Аристотель применяет этот термин к укусу землеройки, который, предположительно, вызывает солидную местную припухлость, а не волдырь. Прокопий использует φλύκταινα для обозначения черных кожных поражений при восточной чуме, известных в наши дни как пустулы: он также говорит, что они были размером с чечевицу, но не упоминает о терминальных изъязвлениях. Прокопий настолько точен в своей медицинской терминологии, что маловероятно, что он позаимствовал этот термин у Фукидида, не оценив

его точного значения: гораздо более вероятно, что он позаимствовал его из медицинской терминологии своего времени.

Следует кое-что сказать в пользу присвоения терминов, использованных Фукидидом, гнойничковым поражениям при восточной чуме. Многие авторы, как древние, так и современные, описывали так называемые пустулы как начинающиеся в некоторых случаях в виде волдырей и заканчивающиеся эрозирующими язвами. Но, с другой стороны, мы ничего не знаем об эпидемиях чумы без учета значительной доли случаев заболевания бубоном, в то время как из повествования Прокопия мы знаем, что характер чумы оставался неизменным на протяжении 1500 лет. При эпидемии чумы, при которой смерть наступала только на седьмой или девятый день, наличие бубонов было бы выдающимся признаком болезни, а Фукидид о них даже не упоминает.

Предполагая, что сыпной тиф также сохранил свои признаки неизменными и что внешние проявления афинской чумы относились не к исключительному типу, на который мы ссылались, а к типу, обычно ассоциируемому с болезнью, можно ли обоснованно утверждать, что термины *φλύκταινα* и *ἰλκή* применимы к ним?

Мерчисон говорит, что "в зависимости от цвета, можно сказать, что высыпание проходит три стадии, а именно: 1. Бледно-грязно-розовая или цветистая; 2. красновато-коричневая или ржавая; 3. багровая или петехиальная". На первой стадии обычно признается, что, за исключением тщательного наблюдения и при хорошем освещении, слабые рассеянные пятна (макулы) могут быть незаметны, так что создается впечатление общего налета на коже — того, что на самом деле Фукидид называет *ὑπερύθρον*.

На второй стадии более глубокая окраска пятен делает их рельефными как отдельные очаги поражения на более бледном фоне общей гиперемии кожи. Может быть, на это указывает расплывчатый термин *φλύκταινα*? Следует помнить, что Фукидид был непрофессионалом, описывавшим, по его словам, поражения неизвестной доселе болезнью. Каждый врач хорошо осведомлен об ограниченной терминологии, которой пользуются миряне для описания разнообразных поражений. Сама медицина не свободна от той же путаницы, поскольку, когда врачи бойко говорят о подкожных кровоизлияниях при сыпном тифе как о петехиях, они забывают, что это слово восходит к *petigo* (струп).

Таким образом, для третьей стадии извержения — геморрагической — остается термин *ἰλκος*, общий термин, применимый практически к любому поражению и не имеющий филологического сходства с латинским *ulcusi* английским "язва", с которым его путают в медицинском обиходе.

Таким образом, анализируя все факты, нельзя утверждать, что описания высыпания, данного Фукидидом, достаточно для отрицательного диагноза сыпного тифа, болезнь которого иначе описывается в "Лайф" во всем остальном, что он говорит о ее клиническом течении и характерах.

Фукидид был настолько впечатлен интенсивностью внутреннего жара, что наверняка ожидал найти соответствующую температуру поверхности тела: поэтому очевидно его удивление, когда он обнаружил, что она не слишком горячая. Несмотря на все это, страдальцы были готовы сбросить с себя каждый лоскуток одежды, пока не окажутся обнаженными, и страстно желали броситься в холодную воду. Некоторые действительно ныряли в цистерны, но никакого количества воды не хватало, чтобы утолить их жажду. Прокопий упоминает такое же яростное желание броситься в воду среди жертв чумы в Византии, но бред такого рода гораздо более характерен для тифа, чем для чумы. Куршман изображает свирепую смесь

дикого бреда, смешанного с неистовыми усилиями по саморазрушению, которые придают безошибочный характер палате для больных тифом. Мерчисон, цитируя Бэнкрофта, говорит: "Некоторые, покидая свои постели, били своих зрителей или сиделок и изгоняли их из своего присутствия; другие, как сумасшедшие, носились по улицам, рынкам, переулкам и другим местам; а некоторые снова бросались очертя голову в глубокие воды". Невыносимое беспокойство и бессонница переполняют чашу страданий до краев. Куршман подтверждает наблюдение Фукидида о том, что у трупов, заболевших тифом, наблюдается очень незначительное истощение, но это не помогает отличить сыпной тиф от других острых лихорадок столь же короткой продолжительности.

Смерть обычно наступала на седьмой или девятый день. Здесь признается подчинение авторитетной доктрине критических дней. Гиппократ [211] определил их на основе равных и неравнозначных чисел:

Равный—4, 6, 8, 10, 14, 28, 30, 48, 60, 80, 100.

Неравный—5, 7, 9, 11, 17, 21, 27, 31.

Если исходить из средних цифр, то афинская чума унесла своих жертв по большей части примерно на восьмой день болезни. У непрофессионала вряд ли была бы возможность или даже склонность производить точные статистические вычисления, и в этом факте, возможно, кроется неожиданный переход Фукидида в подчинение медицинской ортодоксии.

Что касается дня смерти при сыпном тифе, Куршман говорит: 'Когда смерть вызвана просто тяжестью заболевания, она обычно наступает в середине или второй половине второй недели. Смертельное прекращение заболевания до девятого дня или уже на пятый или шестой день происходит только при самых тяжелых формах заболевания или у лиц с небольшой сопротивляемостью.' Итак, афинская чума была не только тяжелой по типу, но и при почти полном отсутствии ухода и медицинского режима, которые послужили продлению продолжительности случаев, которые в конечном итоге оказались смертельными, во время недавних эпидемий. При чуме смерть обычно наступает между вторым и шестым днями, редко позже, и лишь немногие пациенты доживают до седьмого или девятого дня без появления бубонов.

Если жертвы выживали в этот период, болезнь распространялась на кишечник и вызывала сильное изъязвление (ἔλκωσις). Начальный запор, за которым по мере развития заболевания следует диарея, которая иногда бывает обильной и трудноизлечимой, встречается как при сыпном тифе, так и при чуме.

Болезнь началась в голове и постепенно распространилась по всему телу. Если пострадавший выживал так долго, он часто захватывал конечности и оставлял свой след, поражая внутренние органы, пальцы рук и ног. Некоторые отделались потерей их и глаз. Эта терминальная гангрена конечностей часто встречается при сыпном тифе, но редко встречается при чуме и очень редко при других острых инфекционных лихорадках. Куршманн говорит: 'Многие пациенты еще некоторое время после выздоровления (от сыпного тифа) продолжают страдать от гангрены ушей, пальцев рук, ног, кончика носа и кожи полового члена и мошонки, возникающей в лихорадочный период'. Гангренозные изменения вокруг карбункула иногда наблюдаются при чуме, но не как самостоятельное поражение конечностей. Запущенные чумные бубоны, даже в наши дни во время эпидемий в Индии, в исключительных случаях становятся гангренозными в результате интеркуррентной рожи. Некротические изъязвления глазных яблок хорошо известны как осложнение тифа, а также чумы.

Некоторые выздоравливали от болезни, но с полной потерей памяти. Это опять же частое последствие, обычно временное, но иногда и постоянное, сыпного тифа. Согласно Куршманну, 'воспоминания пациента о своей болезни почти всегда очень ограничены в тяжелых или среднетяжелых случаях. Настоящие психозы, по-видимому, редки в период выздоровления. Иногда наблюдаются легкая меланхолия и галлюцинации, и даже наблюдалась мания".

Сочетание гангрены с психическими симптомами неизбежно наводит на мысль об эрготизме (отравлении грибом ржаного зерна), и Рид и Коберт приложили немало изобретательности в поддержку этой гипотезы. Один из афинских хлебных маршрутов действительно проходил по северным берегам Эвксинского залива, и южная Россия была одним из главных центров эпидемий эрготизма. Но нет необходимости ссылаться на это состояние, объяснять симптомы, которые обычно встречаются при сыпном тифе, и нет оснований для этого, поскольку клинические особенности посещения имели мало общего с эрготизмом. Остроумные аргументы Коберта в пользу эрготизма, наложенные на какое-то другое неопознанное заболевание, просто заменяют один *тулик* другим.

Фукидид отмечает, что одна особенность отличала афинский мор от обычных болезней. Птицы и хищные звери, питающиеся человеческим мясом, как правило, не прикасались к телам, но если и прикасались, то умирали. На самом деле хищные птицы вообще исчезли, и их не было видно ни около тел, ни где-либо еще. В случае с собаками это было особенно заметно, потому что они живут с человеком. Абзац любопытно запутан, но содержит три утверждения о факте:

1. Что стервятников нигде не было видно.
2. Что собаки, как правило, избегали трупов, но когда они этого не делали, они подхватывали болезнь.
3. Что другие животные, питающиеся падалью, а в стенах Афин это вряд ли могли быть другие, кроме крыс и кошек, и, возможно, свиней, пострадали так же, как собаки.

Нет никаких доказательств воздействия препарата на крупный рогатый скот, лошадей, овец и коз, поскольку все они были вывезены на Эвбею.

Феномен исчезновения хищных птиц до и во время вспышек эпидемического мора неоднократно подтверждался в литературе. И все же очень сомнительно, что наблюдение основывается на каких-либо достоверных доказательствах. Поиск выявил только один случай, когда истинность факта была преднамеренно проверена, а затем ему прямо противоречили. Рассел говорит, что в начале эпидемии чумы в Алеппо, которая была вызвана тифом, не наблюдалось дезертирства птиц и падежа крупного рогатого скота. Былые представления о том, что мор, порожденный облаками, загрязняет атмосферу, почти неизбежно влекли за собой предположение, что пернатые обитатели воздуха первыми почувствуют его пагубные последствия. Точно так же вера в то, что чума может попасть в атмосферу с испарениями с болот, привела к появлению аналогичных басен, связанных с обитающей в болотах лягушкой. Аристотель ссылается на увеличение численности лягушек в годы эпидемий, и Бэкон и Хорстий повторяют его утверждение. Эти дети болота воспринимаются как продукты его чрезмерной активности. Хорстий зашел так далеко, что утверждал то же самое и об улитках.

Ливий [212] четко утверждает исчезновение стервятников из Рима до и во время эпидемии 174 г. до н.э. "Трупы, нетронутые, как у собак и стервятников, табес абсумебат: сатистик

констабат, некий больной, некий приоре анно, в танта страже бум *hominumque vulturium usquam visum*" . ‘ [Мертвые тела сгнили, не тронутые собаками и стервятниками: и все были согласны с тем, что ни в этом, ни в предыдущем году стервятников видно не было, несмотря на столь большую смертность людей и скота.] Таким образом, в данном случае дело было не в том, что они чуяли смерть издали и держались в стороне, а в том, что они исчезли заранее. Если вспышке среди крупного рогатого скота и людей предшествовала какая—либо необнаруженная эпизоотия, скажем, крыс, то стервятники вполне могли погибнуть в самом начале от поедания зараженного материала.

Другие авторы распространяют это наблюдение на птиц в целом, а не только на хищных птиц, как если бы их поражение было действительно эпизоотическим. Таким образом, Шенкиус [213] говорит, что во время эпидемий 1505 и 1522 годов птицы покинули свои гнезда и птенцов. Гоклениус говорит то же самое о чуме 1612 года и о том, что они внезапно упали на землю замертво. Меркуриалис говорит, что Венеция была покинута птицами в 1576 году, а Шорт повторяет это о Данциге в 1709 году. Димербрук говорит, что птицы в клетках погибли во время эпидемий 1635 и 1636 годов, а Сорбет приводит тот же факт о венском море 1679 года. Большинство, если не вся эта череда эпидемий, несомненно, были настоящей восточной чумой, с тифом или без него.

В настоящее время имеется очень мало свидетельств о каком-либо обширном поражении низших животных тифом. Мослеру много лет назад не удалось передать это заболевание собакам, вводя им в вены свежую тифозную кровь или скармливая им свежие тифозные экскременты, хотя смерть от симптомов тифа наступила, когда крови и испражнениям впервые дали разложиться. За последние несколько лет экспериментаторам удалось передать болезнь различным обезьянам с помощью вшей, но собаки, крысы и морские свинки до сих пор оказывались невосприимчивыми к инфекции.

С другой стороны, имеется множество свидетельств заражения животных восточной чумой. Эпизоотии среди крыс и кошек хорошо известны. Боккаччо утверждал о восприимчивости свиней, а Мишуд подтвердил наблюдение во время эпидемии в Юньнани в 1893 году. Различные наблюдатели показали, что собаки, домашняя птица, олени, крупный рогатый скот, обезьяны, скворцы подвержены заражению.

Прежде чем принять свидетельство Фукидида об исчезновении птиц в качестве весомого доказательства в пользу наличия настоящей чумы, следует рассмотреть состояние сельской местности вокруг Афин, опустошенной огнем и мечом и лишенной всех своих запасов, чтобы не обещать пропитания птицам-посетителям. Но даже в этом случае все еще приходится сталкиваться с его заявлением относительно домашних собак, которые, как известно, восприимчивы к чуме и не восприимчивы к сыпному тифу.

Фукидид говорит, что ни на кого не нападали во второй раз, а если и нападали, то результат не был смертельным. Иммуитет такого рода, сравнительно полный, одинаково характерен для тифа и чумы: этот вопрос вызывает значительные споры вплоть до наших дней. И Куршманн, и Мерчисон согласны с крайней редкостью рецидивов и повторных инфекций при сыпном тифе: любопытно, что у самого Мерчисона было два типичных тяжелых приступа.

В случае с чумой Александр Массария, [214] исходя из своего опыта в Виченце, пришел к выводу, что один приступ делает человека невосприимчивым, за очень немногими исключениями, но что повторный приступ может быть смертельным. Меркуриалис и Ван Гельмонт сошлись во мнении относительно редкости повторных атак. Димербрук [215] зарегистрировал два случая повторного заражения в тот же год чумы в Нимвегене и несколько случаев с интервалом в несколько лет. Во время марсельской чумы 1720 года

различные авторы наблюдали случаи повторного заражения, и, как говорили, рецидивы также были частыми. Во время эпидемии чумы 1771 года в Москве Самиловиц, предвзятый своей собственной пропагандой прививок, отрицал существование повторного заражения и был наказан за свой догматизм тремя рецидивами у себя самого. При одной и той же чуме Мертенс и Орай зафиксировали случаи повторного заражения. При чуме в Алеппо Рассел отметил 28 случаев повторного заражения в течение трех лет среди 4400 жертв чумы. Таким образом, идея полного иммунитета, столь широко распространенная как в Европе, так и в Леванте, должна быть принята с некоторыми оговорками.

ОКСФОРД: ГОРАЦИЙ ХАРТ, магистр
ПЕЧАТИ В УНИВЕРСИТЕТЕ

СНОСКИ:

[1] *Метаморфозы*, vii. 520.

[2] *История. Франкорум*, x. 1.

[3] *De Gestis Langobardorum*, iii. 24.

[4] А. Бастиан, *Эйн-Бесух в Сан-Сальвадоре*, стр. 318; и Фрейзер, *Комментарий к Павсанию*, ii. 10. 3.

[5] *Великий африканский остров*, стр. 268.

[6] Гордон Камминг, *На Гебридских островах*, стр. 53 след.

[7] Аристофан, *Плут*, 733.

[8] Фрейзер, *Павсаний*, ii. 2. 8.

[9] Гордон Камминг, *местный житель*

[10] *Илиада*, i. 44 след.

[11] Дерби, *Илиада*.

[12] VII. xi. 2, тр. Блумфилд.

[13] Синоним слова Rudra.

[14] Синоним слова Rudra.

[15] *Атхарваведа*, V. xi. 10.

[16] xvii. 41.

[17] *История. Аним.* vi. 37. 580 В.

[18] *Географика*, xiii. 1. 48 и iii. 104.

[19] *Зоолог*, сентябрь 1892г.

[20] Страбон, *Географика*, iii. 104.

[21] 2 Царств xix. 35.

- [22] ii. 141; и Геродот Роулинсона, изд. 1880, том ii. 219-20.
- [23] *Географика*, xiii. 64.
- [24] *Азиатский журнал*, 1-я серия, iii. 307.
- [25] i. 39.
- [26] *Нумизматическое ревю*, N.S. iii.
- [27] *Nat. Аним.* xii. 5.
- [28] *Географика*, xiii. 1. 64.
- [29] Ньютон, *Путешествия и открытия в Леванте*, i. 130.
- [30] Томас, *Два года в Палестине*, стр. 6.
- [31] Фрейзер, *Золотая ветвь*, изд. 1900, ii. 423.
- [32] *Илиада*, i. 39.
- [33] Страбон, лок. цит. по
- [34] Эсхил, *Фив.* 145.
- [35] Pausanias, v. 14. 1.
- [36] Страбон, лок. цит. по
- [37] Варрон, *Rerum rusticarum* i. 1. 6.
- [38] Aymonier, *Revue de l'histoire des religions*, xxiv (1891) 236.
- [39] *Мораль: Эссе о зависти и ненависти.*
- [40] 2 Царств xxiv; и 1 Паралипоменон xxi.
- [41] *Работает*, 243.
- [42] Т. Л. Кэмпбелл.
- [43] *Жизнь Перикла.*
- [44] Текст У. Р. Фрейзера.
- [45] xii. 58.
- [46] *История Греции.*
- [47] Фукидид *Джоуэтта*. Мы рискнули внести одно или два незначительных изменения в перевод профессора Джоветта, выделив их курсивом. В медицине имеет огромное значение, является ли болезнь той же или похожей: ее *течение* также является чем-то совершенно отличным от ее характера.
- [48] конец ii. 48.
- [49] Обсуждение клинических подробностей перенесено в Приложение, поскольку они представляют скорее медицинский, чем литературный или художественный интерес. Тем не

менее, они необходимы для полного понимания достоинств описания эпидемии, которое дает Фукидид.

[50] viii. 41. 7.

[51] ii. 54.

[52] i. 3. 3.

[53] Павсаний, ix. 22. 1.

[54] *Жизнь Numa*.

[55] Фрейзер, *Золотая Ветвь*.

[56] Павсаний, ix. 22. 1.

[57] *Odes*, I. 37.

[58] I. vi. § 40.

[59] Ливий, i. 31.

[60] Ливий, i. 56, и Дион. Галик. *Antiq. Рим.* iv. 68.

[61] *Antiq. Рим.* ix. 40.

[62] Порфирий, *О воздержании*, ii. 56.

[63] Второзаконие xii. 31; Левит xviii. 21; 2 Царств ii. 5-17.

[64] I. v. 2.

[65] IX. viii. 2.

[66] *Вита Аполлония*, iv. 10.

[67] iii. 6.

[68] iii. 8.

[69] iii. 5.

[70] Агнес Арбер, *Herbals*, 1912.

[71] *Antiq. Рим.* x. 53; и Ливий, iv. 32.

[72] Ливий, iv. 21-5.

[73] Ливи, v. 13.

[74] xiv. 70.

[75] Ливий, vii. 2.

[76] Левит xiv. 7 и 53.

[77] *Nat. История.* xxviii. 63.

[78] Фрейзер, *Золотая Ветвь*, и Э. К. Гердон, *Фольклор графства Саффолк*, стр. 14.

- [79] *Aberglaube und Sagen aus dem Herzogthum Oldenburg*, ii. 120, § 428.
- [80] Ливий, vii. 27.
- [81] Ливий, viii. 18.
- [82] Ливий, ix. 28.
- [83] x. 31.
- [84] Ливий, X. 47 и *Epit. Lib.* xi.
- [85] Валерий Максимус, глава 8.
- [86] См. Дюруи, *История Рима*, i. 555.
- [87] ii. 10. 3.
- [88] xxv. 26-8.
- [89] *Пуническая война*, v. 580-626.
- [90] Ливий, xxxix. 41; xl. 19; xl. 37.
- [91] xli. 21.
- [92] *De Re Rustica*.
- [93] *Метаморфозы*, vii. 520 след.
- [94] Вк. I.
- [95] iii. 5.
- [96] x. 2.
- [97] *Энеида*, x. 272 след.
- [98] *Анналы*, xiv. 22.
- [99] *Естественные науки*, vi. 27. 28, и Сенека, *Физические науки*, Кларк и Гейки.
- [100] *Анналы*, Вк. XVI.
- [101] lxvii. 11.
- [102] lxxii. 14.
- [103] Геродиан, Б.К. I.
- [104] Евагрий, *История*. iv. 28.
- [105] xxiii. 7.
- [106] Меривейл, *История Рима*, vii. 578.
- [107] vii. 15.
- [108] *История Рима*, v. 186.
- [109] *Комментарий. I. к Гиппократу. Библия. VI, Эпидемия. Афоризм. 29.*

- [110] *De Prasag. ex pulsibus*, iii. 4.
- [111] *de тебе Temperamentis Et Medicamentorum Facultatibus*, ix. 1.
- [112] . *Medendi*, v. 12.
- [113] *История. Эклз.* vii. 22.
- [114] Требеллий Поллион, *Галлиен*, том ii.
- [115] Помпоний Летус, *Рим. История.* том. ii.
- [116] Понтий, *Вита Цецилия Киприани.*
- [117] *Сборник. Historiarum, ex versione Xylandri*, p. 258.
- [118] *Галлиен*, iv и v.
- [119] *История. Эклз.* ix. 8.
- [120] *Œuvres de Oribase, Bussemaker Et Даремберг, Либ.* 44. с. 17.
- [121] *Отличаются. Февраль.* i, том. vii, стр. 2; 96, изд. Kuhn.
- [122] *Де Белло Персико*, ii. 22-3.
- [123] *История.* iv. 28.
- [124] *История.* iv. 28.
- [125] *История.* v. 12.
- [126] *История. Francorum*, iv. 5.
- [127] vi. 14.
- [128] iv. 31.
- [129] *История. Франкорум*, x. 1.
- [130] x. 23.
- [131] *De Gestis Langobardorum.*
- [132] *История. Эклз.* vii. 22.
- [133] xiv. 37.
- [134] *История. Франкорум*, x. 1.
- [135] *De Gestis Langobardorum*, iii. 24.
- [136] *История.* vi.
- [137] Эта покаянная процессия была чудесно изображена Дадденом в его *Григории Великом*, т. i, стр. 217.
- [138] *История.* ii. 3 и iii. 1.
- [139] *Вк.* I, с. 25.

- [140] *Очерки смертной казни в Страсбурге*, стр. 79.
- [141] *De Gestis Langobardorum*, vi. 5.
- [142] Кэкстон, *Золотая легенда*; Джеймсон, *Священное и легендарное искусство*.
- [143] См. Титульный лист.
- [144] Баскомб, *История эпидемических заболеваний*.
- [145] Kremer, *Ueber die grossen Seuchen des Orients, nach arabischen Quellen*.
- [146] Кэкстон, *Золотая легенда*; Джеймсон, *Священное и легендарное искусство*.
- [147] iv. 8.
- [148] *Золотые дни Возрождения в Риме*.
- [149] *Фамильные эпистолы о ребусах*, viii. 7.
- [150] Вк. I, с. 4.
- [151] Тракта́т II, Докт. ii, гл. 5.
- [152] *Эпидемии средневековья*.
- [153] *История соков*.
- [154] Краффт-Эбинг, *Пешт в Вене*.
- [155] *Хроника*, 1580.
- [156] Е. С. Приор, *строители собора*.
- [157] Прайор и Гарднер, *Средневековая фигурная скульптура в Англии*, стр. 390.
- [158] Ода 4.
- [159] Вк. I, фрагмент 3.
- [160] *Энеида*, vi. 644.
- [161] Переход xxiii. 100-5.
- [162] Рио, *L'Art chrétien*; и Кроуферд, *Труды Роя. Соц. мед.*, 1913, т. vi, стр. 37-48.
- [163] Дафф Гордон, *История Перуджи* (перевод).
- [164] *Страница xv. Jahrhunderts*.
- [165] Том i, Вк. Я и Троллоп, *История Флорентийского содружества*, том iv.
- [166] Грюйер, *Рафаэль и Античность*.
- [167] *Nat. История.*, библиотека. xxxv.
- [168] *Энид*, iii. 140.
- [169] Ланчани, *Золотые дни Возрождения*.
- [170] Вк. I, § 27 и далее.

- [171] Перевод мисс Эджертон Касл, *Итальянская литература*.
- [172] Léon Gautier, *La Médecine à Genève jusqu'à la fin du dix-huitième siècle*.
- [173] *История чумы*.
- [174] Горацио Браун, *Венецианская республика*.
- [175] Мольменти, *Венеция*.
- [176] Переведен в "*Трагедии о великой миланской чуме*", Р. Флетчер, доктор медицины, 1895.
- [177] Иисус Навин vi. 26.
- [178] Второзаконие xiii. 15-18.
- [179] Николя Пуссен, стр. 134.
- [180] стр. 84.
- [181] С гравюры, находящейся во владении автора.
- [182] *О вредителе*.
- [183] *О вредителе*.
- [184] *De Peste*.
- [185] *Отчеты Королевского общества*.
- [186] *Исследования законов и феноменов мора*.
- [187] *Логология и Диктовка нац. Биог*.
- [188] Раввин Джошуа, ii. 403.
- [189] Крафт-Эбинг, *Пештское кладбище в Вене*.
- [190] *Описание чумы*, 2 тома., Женева, 1721; *Бюллетень больницы Джона Хопкинса*, август 1898.
- [191] Янус, 1897, стр. 297; и *Бюллетень больницы Джона Хопкинса*.
- [192] *История болезни 1720 года*, стр. 96.
- [193] *Эссе о человеке*, iv. 107-8.
- [194] том x, стр. 91.
- [195] стр. 214.
- [196] Richer, *L'Art et la médecine*.
- [197] *Histoire de Napoléon*, ed. 1834, vol. i, p. 354.
- [198] *Bourrienne et ses erreurs*.
- [199] *Воспоминания о Наполеоне*.

[200] Вклад Куршмана в *Энциклопедию практической медицины Нотнагеля*, пожалуй, является наиболее наглядным и кратким описанием сыпного тифа в современной медицинской литературе. Наряду с этим следует внимательно изучить летопись Фукидида. Статья Мерчисона в его *Трактате о продолжающейся лихорадке*, хотя и достойна восхищения, настолько размыта, что затрудняет сравнение.

[201] *Илиада* ii. 723.

[202] *Илиада* viii. 405 и 419.

[203] *Адонис*, 16-17.

[204] *Агамемнон*, 645.

[205] *Антигона*, 652.

[206] *О древней медицине*, § 16.

[207] *Коацкие соглашения*, § 396.

[208] *Лягушки*, 236.

[209] *Осы*, 1119.

[210] *Ecclesiastusae*, 1057.

[211] *Эпидемии*, iii.

[212] xli. 21.

[213] *Обс.* стр. 870.

[214] *Traktat. de Peste*, ed. 1669, p. 509.

[215] *De Peste*, Библиотека IV. Хист. 37. 45.

Примечания переписчика:

Изображение на обложке создано автором и находится в общественном достоянии.

Устаревшие варианты написания или древние слова исправлены не были.

Иллюстрации были перемещены таким образом, чтобы они не разделяли абзацы и располагались рядом с текстом, который они иллюстрируют.

Типографские ошибки были исправлены автоматически.